

common place

Беседы с Виктором Шкловским

Воспоминания о Маяковском

2017
Москва

УДК 82 (091)

ББК 83.3(2)

Д 79

- Д 79 Дувакин, В.Д.
Беседы с Виктором Шкловским. Воспоминания о Маяковском /
В.Д. Дувакин, В.В. Радзишевский — М.: Common place: Устная исто-
рия, 2017. — 182 с.

Две беседы с великим русским формалистом Виктором Шкловским были записаны в 1967—1968 годах Виктором Дувакиным, филологом, собиравшим архив устных воспоминаний о Маяковском. Шкловский рассказывает о своем друге-футуристе, его окружении и культуре первой трети XX века. В приложении публикуется беседа со Шкловским, записанная в 1981 году филологом и журналистом Владимиром Радзишевским. Книга была подготовлена при поддержке фонда «Устная история», который работает с уникальным аудиоархивом: в дальнейшем мы планируем совместно издать мемуары Виктора Ардова и других выдающихся деятелей культуры и искусства XX века.

Публикуется под лицензией Creative Commons
Разрешается любое некоммерческое воспроизведение
со ссылкой на источник

Ян Левченко

Рыба-ихтиолог. Краткий курс Шкловского

Виктор Борисович Шкловский (12(24).01.1893 — 05.12.1984) прожил почти 92 года, и 75 из них занимался литературой. В декабре 1913 года он выступил с докладом «Воскрешение слова» в артистическом кабаре «Бродячая собака». С этого момента принято вести отсчет карьеры Шкловского-критика, которому будет суждено реформировать науку о литературе. Шкловский-писатель появляется на свет еще раньше: в 1907 году он публикует рассказ «Весна» в одноименном футуристическом журнале под редакцией Николая Шебуева¹. Последняя книга Шкловского, имеющая то же название, что и первый сборник научных статей «О теории прозы», была завершена в 1982 году. Несмотря на успешные попытки стать ученым, Шкловский так и остался писателем, — впрочем, не столько придумывающим истории, сколько выясняющим, как они сделаны. В его поздней книге «Тетива» (1970) есть пассаж о том, что ихтиолог не обязан быть рыбой, но ему приходится быть и тем, и другим, изучая литературу с помощью самой ли-

1 См. подробнее об этом издании: *Карпов Н.А.* «Болото» серебряного века. Глава 3. Дебют Марии Папер [Электронный ресурс] // Наше наследие. URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/001203.php (дата обращения: 27.02.2017).

тературы². В 1973 году американская славистка Эва Томпсон обыграла эту фразу в названии статьи о Шкловском — «Ихтиолог, превратившийся в рыбу»³.

Этот грамматический оборот подразумевает, что ученый слился с предметом изучения: из науки перешел в литературу. Хотя гуманитариям нескольких поколений, и тем более за пределами России, Шкловский известен в первую очередь как филолог, основатель Общества изучения поэтического языка (ОПОЯЗ) и автор неувядающей концепции «остранения»⁴, согласно которой искусство и литература делают мир странным и освежают его восприятие. Писательская репутация Шкловского — продукт для внутреннего рынка. Тиражи его переводов, выпущенных авангардистским издательством *Dalkey Archive Press*, впечатляюще малы — это литература для немногочисленных любителей, а теории Шкловского стали известны по

- 2 Шкловский В.Б. Тетива. О несходстве сходного. М.: Советский писатель, 1970. С. 239.
- 3 Thompson E. Viktor Borisovich Shklovsky, or Fish Turned Ichthyologist // Books Abroad. Winter 1973. Vol. 47. No 1, p. 79—82.
- 4 В декабре 2016 года мне довелось принять участие в конференции *A Hundred Years of Ostranenie*, которую организовали в университете Эрфурта профессор Хольт Майер и доктор Александра Берлина. Лишь половина докладов на ней было связано со Шкловским и даже собственно русской культурой. Значение «остранения» для гуманитарной науки давно перешагнуло границы не только истории славянской гуманитарной теории, но и славянского мира как такового. Термин, по-разному переводимый на английский (*making strange*, *estrangement*, *defamiliarization*) или для простоты не переводимый (*ostranenie*), в последнее время осваивается уже в глобальной гуманитарной науке. Еще в 2005 году два из трех тематических выпусков журнала *Poetics Today* под названием *Estrangement Revisited* были исключительно посвящены славянским контекстам, тогда как новое десятилетие обнаруживает и постколониальное измерение остранения (*Robinson D. Displacement and the Somatics of Postcolonial Culture. Columbus: Ohio State University Press, 2013*), и возможность его активного применения в ходе пересмотра теории повествования с учетом нового философского направления — спекулятивного реализма (*Askini R. Narrative and Becoming. Edinburgh University Press, 2016*).

всему миру. Связано это с тем, что гуманитарии, входившие в это общество, были первыми в филологической науке, кто провозгласил интерес к форме и демонстративно отказались от накопления фактов — стратегии, которая царила в европейском контексте еще в начале XX века. Из-за этого акцента на форме их начали называть формалистами — сначала люди старой формации, а потом и официальные советские критики. Однако прозвище, призванное обидеть, превратилось в бренд, которым начали вдохновляться многочисленные научные школы по всему миру: лингвистические кружки довоенной Европы, американская «новая критика» и, конечно, структуралисты, которые объявили «формалистов» своими предшественниками и обеспечили им громкую славу, затмившую изначальный смысл слова. «Формалисты» — определение поверхностное, но прижилось оно так же прочно, как и неправильное написание слова «остранение», в котором должно быть две буквы «н», если речь идет о «странных» вещах. В 1925 году друг Шкловского, крупнейший знаток творчества Льва Толстого и пионер лингвистического анализа кино Борис Эйхенбаум полемически отрешивался от ярлыка «формалист», называя себя и своих коллег «спецификаторами»⁵. Тем не менее это не мешало ему самому использовать слово «формалисты» в личной переписке и дневниковых заметках.

Ироническая превратность истории заключалась в том, что формалисты перестали быть собой уже к концу 1920-х годов. У ОПОЯЗа не было официального устава, поэтому нельзя сказать, что он функционировал на точном отрезке времени. Первые заседания прошли в 1916 году, а в 1928 близкий ядру кружка и лично Шкловскому литературовед Юрий Тынянов пишет в соавторстве с уже на тот момент выдающимся лингвистом Романом Jakobсоном, что «необходимо возрождение» общества под началом Шкловского. Этот оборот указывает на то, что ОПОЯЗ исчез еще раньше. Коллективные сборники, оформившие движение,

5 Эйхенбаум Б.М. Теория формального метода [1926] // Эйхенбаум Б.М. О литературе. Л.: Советский писатель, 1987. С. 375—408.

вышли в первой половине 1920-х. Недолго просуществовала и серия изданий Отделения истории словесных искусств во главе с Виктором Жирмунским, где формалисты вели семинары и успели воспитать поколение учеников, исправно пополнявших библиографию русской литературы почти до конца XX века (Лидия Гинзбург, Борис Бухштаб, Николай Коварский, Вениамин Каверин и др). К 1929 году их деятельность окончательно вошла в противоречие с новой культурной политикой СССР. В 1930 году вместо того чтобы возрождать ОПОЯЗ, в статье «Памятник научной ошибке» Шкловский нехотя признал, что формализм и был такой ошибкой, которой, впрочем, не зазорно поставить на прощанье памятник.

Разжалованные формалисты занялись своими делами, избегая переднего края литературной борьбы. Им повезло не сгнуться в жерновах истории. Шкловский прожил почти век. Якобсон уехал сначала в Прагу, потом в США и ушел из жизни в типичном для американского профессора возрасте 85 лет. Эйхенбаум дотянул до 73, пережив «большой террор» ценой увольнений, издевательств и унижений. Еще одного формалиста, автора учебника «Теория литературы» Бориса Томашевского неустанно клеймили два десятилетия, но его сердце не выдержало лишь через три года после смерти Сталина, когда 67-летний ученый совершал утренний заплыв вдоль побережья Гурзуфа. Осип Брик, входивший в ОПОЯЗ как стиховед, но по большей части занимавшийся менеджментом культуры, прожил 57 лет, подтвердив риск инфарктного возраста. Тынянов умер во время войны всего в 49, но рассеянный склероз мучил его еще в 1920-е гг. Шкловский писал, как приходил к постели друга и вытаскивал его из густеющей тьмы на свет, читая Пушкина и возвращая сознание к жизни «по тропе стиха»⁶. Но, несмотря на эти ранние потери, судьба деятелей ОПОЯЗа выглядит вполне благосклонной на фоне советского беспредела, а средний возраст внушает оптимизм.

Будучи основателем ОПОЯЗа, Виктор Шкловский написал мало научных работ. Однако его статьи «Искусство как прием» (1916), «Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля» (1917), «Строение рассказа и романа» (1919) и «Как сделан Дон-Кихот» (1920) стали классикой литературоведческой науки. После серии работ 1921 года, посвященных Мигелю де Сервантесу, Лоренсу Стерну и Василию Розанову, над ОПОЯЗом нависла политическая угроза. Весной 1922 г. Шкловский должен был предстать перед судом как левый эсер и бывший комиссар Временного правительства. Шкловский сбежал сначала в Финляндию, потом в Берлин. ОПОЯЗ лишился своего идеолога и вдохновителя, зато русская литература обрела нового писателя. Вслед за сборником «Ход коня» (собрание художественной критики Шкловского) в берлинском издательстве «Геликон» в 1923 г. вышли мемуарный роман «Сентиментальное путешествие» и эпистолярный роман «ZOO, или Письма не о любви, или Третья Элоиза». Второй роман состоял из вымышленных писем к возлюбленной, за вычетом последнего письма, в котором автор просил советское правительство принять его обратно в РСФСР. Литература оказалась инструментом управления жизнью — во всяком случае, Шкловский очень этого хотел. Пришлось ли ему платить за возвращение, узнать уже никогда не удастся⁷. Его были просто обязаны посадить сразу по возвращении, но этого так и не произошло. Если допустить, что машина для уборки людей иногда выключала секатор

7 Сам Шкловский, конечно, заявлял, что ему повезло. «У меня к тридцати годам были большие хвосты. Я четыре раза переходил границу. Многие мои товарищи уже сидели. Что меня не арестовали — чистая случайность. Так вышло (с гордостью), что я ни одного дня не сидел» (цит. по: Чудаков А.П. Спрашиваю Шкловского // Литературное Обозрение. 1990. № 6. С. 95). В 1934 году, будучи в составе писательской делегации на Беломорканале, Шкловский произнес знаменитую остроту о том, что чувствует себя в этих местах, «как живая чернобурка в пушном магазине» (К 100-летию со дня рождения В. Шкловского. Изюм из булки / сост. В. Шкловская-Корди // Вопросы литературы. 1993. № 1. С. 322).

или случайно меняла траекторию, то Шкловский мог угодить в такой счастливый перерыв. После того как в 1926 году вышел его автобиографический роман «Третья фабрика», стало ясно, что готова трилогия экспериментальной прозы, соединившей традиции Василия Розанова и Власа Дорошевича с анализом литературной кухни. Вернувшийся Шкловский освоился в Москве, погрузился в работу на кинофабрике и оставил формализм для кулуарных бесед и переписки с друзьями из Ленинграда. Эмигрантская одиссея, возвращение и карьерный сдвиг направили его по стезе долговременной и продуктивной. Какую бы критику ни вызывали местами однообразные, но неизменно яркие книги Шкловского, они будут более или менее регулярно издаваться еще полвека.

Борис Эйхенбаум писал о друге в книге «Мой временник»: «В наше строгое скупое время его назовут, пожалуй, “властителем фразы” — до такой степени манера его вошла не только в литературу, но в письмо, в быт, в разговор, в студенческие рефераты. <...> Шкловский сумел не стать беллетристом, но тем не менее доставил им много неприятностей своими книгами»⁸. Имеется в виду принципиально двойственная позиция автора — литератора и критика, знатока словесной технологии, которому тесно в границах творчества и требуется анализировать свое и чужое слово. Шкловский, единственный из литературоведов XX века, стал объектом пародии для Андрея Платонова и Михаила Булгакова, а Вениамин Каверин и вовсе написал о нем целый роман «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» (1929). Виновник этого торжества отвечал книгами, которые подтверждали верность наблюдений о свойствах его письма: лесенка афоризмов и рубленая фраза, иногда яркая настолько, что уже и смысл не важен. Не напрасно Шкловский был в юности футуристом и начинал свой путь в литературе с устного слова, о чем не забыл и к глубокой старости. В 90 лет он писал: «Заум-

8 Эйхенбаум Б.М. О Викторе Шкловском [1929] // Эйхенбаум Б.М. Мой временник. Художественная проза и избранные статьи 20—30-х годов. СПб.: Ина-Пресс, 2001. С. 136.

ный язык многоязычен. А я обо всем стараюсь сказать на нескольких страничках. Я говорю, а мои слова прячутся за буквы. Потом их покроют литеры, как кольчуга тело воина. Она предохраняет от ударов, но двигаться и дышать в ней неудобно»⁹. Современный читатель, все меньше знающий, что такое типографские литеры, обратит внимание на разницу между летящей речью и тяжелой печатью.

Два сталинских десятилетия Шкловский пережил как киносценарист, автор исторических романов, в наименьшей степени — как эссеист. Журнальная наука, которой он и его друзья-формалисты были поглощены в 1920-е годы, подверглась основательной заморозке. После 1934 года, когда в стране официально осталась одна литературная группа — Союз Писателей, наука распределилась по нишам текстологии, подготовки комментариев к юбилейным (и нетолько) собраниям сочинений, что вкупе с разорением и дискредитацией теоретического знания привело к затяжному господству гуманитариев-позитивистов. Для них факт — величина постоянная, а прошлое имеет самодостаточную ценность. Теория потерпела поражение на полях советской науки. О каких спорах и альтернативах могла идти речь, если марксистско-ленинское мировоззрение — и то избавилось от своих генетических связей? Для Шкловского, сначала вяло, а затем все увереннее игравшего по советским правилам, это время измен и компромиссов начиналось с неподдельного желания прочесть Гегеля, чтобы освоить законы марксистской диалектики¹⁰. Завершалась же эта страшная эпоха бесславной риторикой, заимствованной из показательных процессов: «Немец Гегель читал лекции о мучительном иге внешней необходимости, о том, что стесненность существующими условиями делает тщет-

9 Шкловский В. О заумном языке. 70 лет спустя / публ. М. Марцадури // Русский литературный авангард. Материалы и исследования / под ред. М. Марцадури, Д. Риги, М. Евзлина. Trento, 1990. С. 258.

10 «Надо начать читать Гегеля», — декларирует Шкловский в письме Эйхенбауму от 16 января 1928 г. (Из переписки В. Шкловского с Ю. Тыняновым и Б. Эйхенбаумом / публ. О. Панченко // Вопросы Литературы. 1984. № 12. С. 190.

ной полную независимость, и что борьба личности за свою поэзию против прозы жизни и есть содержание искусства. Не нашего города, не нашего года гражданин Гегель»¹¹. Этот мрачный угрожающий язык тоже оказался по силам реформатору науки о словесности, классику революционного авангарда.

Впрочем, уцелевший формалист оттаял под влиянием оттепели, которая хоть и обманула восторженные ожидания, но какие-то шлюзы все-таки открыла. Шкловский снова энергично пишет и выпускает книжки с середины 1950-х, но язык, испорченный приспособленчеством, а также неизбежно надвигающаяся старость сильно снижает качество издаваемого материала. Книгу «За и против. Заметки о Достоевском» (1958) бывший друг Роман Jakobson раскритиковал в первом номере своего журнала по славянской филологии¹². Шкловский преувеличенно обиделся и прибегнул к популярному аргументу того времени о непередаваемой специфике, которую Запад якобы не понимает в силу исторического отставания от стран социализма¹³. Сентиментальное, если не эротическое сравнение дружбы Шкловского и Jakobsona с «двумя поршнями в одном цилиндре»¹⁴ осталось в формалистском прошлом. В 1964 году Jakobson приехал в Москву на конгресс антропологов и в гости к Шкловскому не пошел. Втайне от слависта его жена Кристина Поморска зашла к Шкловскому, но переданные с нею книги Шкловского с дарственными надписями Jakobson отверг¹⁵.

Судьба любого человека с бурной биографией рано или поздно превратиться в источник сведений об эпохе. Шкловский ворвался в литературу с дерзкими мемуарами 30-летнего человека и вторично вошел в ту же реку степен-

11 РГАЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 9.

12 Jakobson P. За и против Виктора Шкловского // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1959. Vols. I/II. P. 305—310.

13 Шкловский В. Против // Вопросы Литературы. 1960. № 4. С. 99.

14 Шкловский В. Третья фабрика. М.: Круг, 1926. С. 66.

15 Подробнее см.: Ронен О. Audiat et altera pars: о причинах разрыва Романа Jakobsona с Виктором Шкловским // Новое литературное обозрение. № 23. 1997. С. 164—168.

ным шагом 70-летнего классика с книгой «Жили-были» (1964). До конца жизни он будет пытаться писать не только о себе, но книги «Тетива» (1970) и «Энергия заблуждения» (1981) лишь красноречиво иллюстрируют эту безнадежную борьбу. Не зря Шкловский так остро ревновал новомодный по тем временам структурализм, выдвигая против него импрессионистичные и неубедительные возражения. Он чувствовал, что лучше всего ему удаются воспоминания, что его наука — это песок, утекающий сквозь пальцы, а чужая, какой бы крепкой и мощной она ни была, ему не нужна.

Шкловский до конца жизни сохранил мастерство ритмичной фразы и вкус к жонглированию афоризмами. Предлагаемая книжка бесед 1967—1968 и 1981 гг. — не исключение. Поводом для этих разговоров, составивших основной массив издания, послужила историография Маяковского, чья фигура в 1960-е годы становится культовой. Именно тогда ему начинают приписываться функцию своего рода маяка, высвечивающего и свое ближайшее окружение, и весь материк довоенной советской литературы. В книге представлены и снабжены комментарием Владимира Радзишевского расшифровки магнитофонных записей Виктора Дувакина, — известного архивиста «живых голосов» советской литературы, науки и искусства. Эти беседы обнаруживают интересный эффект необработанного слова. Мнимая «устность» письменных текстов Шкловского достигалась за счет множественной и самой кропотливой редактуры. Здесь ее нет, и быть не должно, выбрана другая прагматика. Речь Шкловского, не подвергшаяся обработке в свое время и ныне представшая историческим памятником, вдруг остреняет его самого и заставляет увидеть иным, нежели он привык себя конструировать, как бы ему самому ни хотелось разучиться это делать. Устный Шкловский обескураживает — синтаксисом, фразеологией, темным словоупотреблением, но поражает способностью наблюдать за рождением собственной речи. Как он сам, приметив недоумение интервьюера, замечает в одном месте: «Ну а зачем, чтоб было не сбивчиво?» И Дувакин тут же соглашается: «Правильно, пусть разбираются в XXI веке».

Виктор Борисович Шкловский

Первая беседа

(14 июля 1967 г.)

Беседу ведет В.Д. Дувакин*

* Фонограммы хранятся в Отделе устной истории Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова
Беседа опубликована на сайте <http://oralhistory.ru/>
Кассеты № 12, 13.

Кассета № 12

Первая дорожка записи

Виктор Дмитриевич Дувакин: Пятница, 14 июля 1967 года. О Маяковском рассказывает Виктор Борисович Шкловский.

Виктор Борисович Шкловский: Я с Владимиром Владимировичем познакомился на Невском проспекте, угол Николаевской, на выставке «Союза молодежи»¹. «Союз молодежи» издал журнал — журнал «Союза молодежи», там был напечатан Хлебников — «Разговор учителя

1 «Союз молодежи» — объединение художников-авангардистов (1909—1913). В Петербурге «Союз молодежи» провел 5 выставок. Здесь речь о 4-й выставке (4 декабря 1912 — 10 января 1913), устроенной на Невском проспекте, в доме № 73/2, в пустовавшей квартире. Николаевская улица — с октября 1918 г. улица Марата.

и ученика»². Там <на выставке> был Клюн³, Потипака⁴, Школьник⁵. Не помню, был ли на этой выставке Малевич⁶. Это была очень бедная выставка. Не было денег на табуретки между столами.

Д: Значит, это год 12-й?

Ш: Год 12-й. Надо было проводить электричество. Вот я туда пришел (а я был в это время... ну, я не знаю, кто я был... студент, вероятно, был)⁷ и увидел молодого человека, в черной бархатной куртке, истертой, довольно длинной, по колено, волосы длинные, назад⁸. Это так,

- 2 В 1912—1913 гг. «Союз молодежи» выпустил 3 одноименных сборника. Работа Велимира Хлебникова «Учитель и ученик. О словах, городах и народах. Разговор», впервые вышедшая отдельным изданием (Херсон, май 1912), была перепечатана с авторскими сокращениями и исправлениями в 3-м выпуске «Союза молодежи» (СПб., март 1913).
- 3 Иван Васильевич Клюн (настоящая фамилия — Клюнков, в 1911—1913 псевдоним — Ключов; 1873—1943) — художник, не участвовал в этой выставке. Но там был его портрет работы Казимира Малевича (см. примечание 6).
- 4 Потипака — художник-любитель, выставил картину «Земля», отмеченную смешением стилей, эскиз «Женщины», рисунки, стилизованные под лубок.
- 5 Иосиф Соломонович Школьник (1883—1926) — график и декоратор, один из создателей «Союза молодежи», участник всех его выставок — показал серию работ, выполненных под влиянием Анри Матисса.
- 6 Казимир Малевич был представлен картинами «В поле», «Косарь», «Плотник», «Портрет Ивана Васильевича Ключкова», «Жатва», «Крестьянские похороны». Среди проданных на выставке картин были работы Потипаки, Школьника и Малевича.
- 7 К этому времени, в 1912 г., Шкловский окончил частную гимназию Н.П. Шеповальникова и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета.
- 8 Очень похоже описывала юношу Владимира Маяковского в 1932 г. жена Давида Бурлюка, Мария Никифоровна: «Он был одет в бархатную черную куртку, с отложным воротником. Шея была повязана черным фуляровым галстуком; косматился помятый бант; карманы Володи Маяковского были всегда оттопыренными от коробок с папиросами и спичками» (Катанян В. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. 5-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1985. С. 60). В этой куртке Маяковский снялся в Москве в 1912 г. вместе с товарищем по студии П.И. Келина, Леонидом

как выглядел Маяковский на рисунках Чекрыгина. Ну, несколько вдавленные щеки⁹.

Д: Ах, вот как.

Ш: У него, очевидно, еще не были вставлены зубы¹⁰. У Володи были зубы плохие.

Д: Он их рано потерял?

Ш: Рано потерял. Ярko обозначенные скулы. Спокойный. У него была картина, которую он выставил (кажется, она сейчас у Лили Брик¹¹), она была написана зеленым по

Кузьминым (см.: *Волков-Ланнит Л.Ф.* Вижу Маяковского. М.: Искусство. 1981. С. 48).

- 9 Весной 1913 г. Маяковский вместе с товарищами по Училищу живописи, ваяния и зодчества Василием Чекрыгиным и Львом Шехтелем подготовил к печати свой первый стихотворный сборник «Я!». Чекрыгин переписал стихи на литографской бумаге особыми литографическими чернилами и сделал четыре рисунка. Но портрет Маяковского, акцентируя «несколько вдавленные щеки», выполнил Шехтель (см.: *Маяковский В.* Полное собрание произведений: в 20 т. Т. 1. Стихотворения. 1912—1923 / подгот. текстов и коммент. Р.В. Дуганова, А.Т. Никитаева, А.П. Зименкова, В.Н. Терехиной. М.: Наука, 2013. Вклейка между с. 128 и 129).
- 10 Алексей Крученых, познакомившийся с Маяковским в самом начале 1912 г., вспоминал его тогдашнего: «Рот у него был слегка завалившийся, почти беззубый, так что многие знакомые уже тогда звали его в шутку “стариком”» (*Крученых А.* Наш выход: Автобиография дичайшего. Наш выход. Живой Маяковский / сост. и вступ. ст. Р.В. Дуганова; коммент. Р.В. Дуганова, А.Т. Никитаева и В.Н. Терехиной. М.: РА, 1996. С. 44). Зубы Маяковский вставил по настоянию Лили Юрьевны Брик, а с нею он познакомился только в конце июля 1915 г.

- 11 Лиля Юрьевна Брик (до замужества — Каган; 1891—1978; покончила с собой) — скульптор, организатор литературных салонов, участник литературного процесса первой половины XX века, избранница, спутница жизни и адресат лирики Маяковского. В 1912 г. вышла замуж за О.М. Брику и не расставалась с ним до его смерти, хотя, по ее словам, их супружеские отношения прекратились еще до близкого знакомства с Маяковским в июле 1915 г. Женой Маяковского считала себя с 1918 г. Когда же и эти супружеские отношения были ею прерваны, Маяковский, как и Осип Брик, не уходил от нее, все трое продолжали жить в одной квартире. В предсмертном письме-завещании Маяковский включил Лилу Брик (вместе с матерью, сестрами и последней пас-

зеленому (кажется, темпера), несколько отбеленной зеленью, изображала она даму в большой шляпе с такими полями. Шляпа как будто фетровая. Кто была эта дама — не знаю¹². Значит, это был художник среди художников. Он посмотрел картины, не очень их одобрял. На меня он тогда произвел впечатление довольно правого художника, сравнительно с другими, то есть он мог бы представлять... ну, скажем, «Бубновый валет»¹³, а не то, что называется «дикие»¹⁴. Тут мы с ним познакомились...

Д: Вас кто-нибудь знакомил?

Ш: Я не помню.

Д: Вообще, простите, вам будет мешать, если я буду походя вопросы задавать?

Ш: Пожалуйста. Не очень. А я до этого видал Володю на

сией — Вероникой Витольдовной Полонской) в состав своей семьи, написал: «Лиля — люби меня» и распорядился передать начатые стихи Брикам: «Они разберутся» («В том, что умираю, не вините никого»?...: следственное дело В.В. Маяковского: документы; воспоминания современников / вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент. С.Е. Стриженовой. М.: Эллис Лак 2000, 2005. С. 39—40, 45).

12 В каталоге выставки «Союза молодежи» значится «Портрет Р.П. Каган» работы Маяковского. Сам портрет известен только по воспоминаниям. Автор привез его из Москвы в Петербург в середине ноября 1912 г. После выставки он затерялся.

13 «Бубновый валет» (1911—1917) — объединение художников (Петр Кончаловский, Александр Куприн, Аристарх Лентулов, Илья Машков, Василий Рождественский, Роберт Фальк и др.), отрицавших традиции не только академизма, но и реализма XIX в., ориентировавшихся главным образом на открытия современной западной живописи (сезаннизм, кубизм, фовизм).

14 «Дикие» для Шкловского — это те художники-бунтари, которые выделялись левизной даже в новаторской художественной среде. «Комнаты диких» появились на выставках «Мира искусства». Затем «дикие» ушли из «Бубнового валета». Из их числа в воспоминаниях Шкловского названы Михаил Ларионов, Наталья Гончарова и Казимир Малевич (см.: *Шкловский В. Жили-были: Воспоминания; Мемуарные записи; Повести о времени: с конца XIX в. по 1962 г.* М.: Советский писатель, 1964. С. 81—82).

диспутах, на которых и я выступал¹⁵, в таком длинном студенческом сюртуке, который мне достался от брата, кончившего университет¹⁶, и Маяковский тогда выступал блистательно, превосходным голосом. Читал он такие стихи:

- 15 Выступать на диспутах Маяковский начал в 1912 г. До открытия четвертой выставки «Союза молодежи» он выходил на эстраду трижды: 25 февраля в Москве, в Большой аудитории Политехнического музея, на втором диспуте «О современном искусстве», устроенном «Бубновым валетом»; 17 ноября в Петербурге, в литературно-артистическом подвале «Бродячая собака», с чтением стихов; следом, 20 ноября, в Троицком театре миниатюр с докладом «О новейшей русской поэзии». Участие Шкловского в диспутах вместе с Маяковским относится к более позднему времени.
- 16 Об этом сюртуке Шкловский уже писал неоднократно. Например, так: «Одев специальный костюм: диагоналевые зеленые толстые штаны и сюртук зеленого цвета с золотыми пуговицами, я вошел в университет. Сюртук этот уже раз кончил университет и много танцевал на моем старшем брате. Мой брат танцевал так, что часы в его кармане ржавели, но сюртук не изменился. Я продал его потом в 1919-м году на Мальцевом рынке, против красного здания Евангелической больницы. Надеюсь, он сейчас кончает рабфак» (*Шкловский В. Третья фабрика. М.: Круг, 1926. С. 32—33*). Или так: «Студенты ходили по коридору, одетые в зеленые диагоналевые штаны, рубашки, тужурки. Крахмального белья и сюртуков мало. Я носил тогда тужурку, но в качестве парада надевал зеленый сюртук брата прямо на ночную рубашку. Этот сюртук один раз уже кончил университет. Горький звал его потом пожарным мундиром. Сюртук в 1919 году на Мальцевском рынке был выменян на муку и соль» (*Шкловский В. Жили-были. С. 86—87*). Брат — Владимир Борисович Шкловский (1889—1937) — окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1910 г. Сразу же стал преподавать французский язык в Петербургской Духовной академии. В 1920—1922 гг. — преподаватель Петроградского Богословского института. Переводчик Данте. В самом начале 1923 г. приговорен к двум годам ссылки в Архангельскую область. Впоследствии — доцент Ленинградского университета. Арестован 18 октября 1937 г. и 24 ноября расстрелян.

у-
лица.
Лица
у
догов
годов
рез-
че¹⁷.

Д: Вы помните это чтение? Он чеканил или плавно читал?

Ш: Он не чеканил, он не чеканил. Он читал, не чеканил, ну, там... где «рез-че» и «че-рез»...¹⁸ Стихи были по тому времени не самые крайние. Ну, мы несколько раз встречались с Володей на диспутах. Маяковский тогда превосходно выступал, превосходно спорил. Рядом ходил с ним в казенной фуражке с кокардой учитель рисования из Одессы... этот самый... Крученых¹⁹, всегда ходил в фуражке, только я забыл, какой у нее был околыш²⁰.

- 17 Начало стихотворения «Из улицы в улицу» (1913). См.: *Маяковский В.* Полное собрание произведений: в 20 т. Т. 1. С. 11.

- 18 Отсылка к тому же стихотворению:

Лица
у
догов
годов
рез-
че.
Че-
рез
железных коней
с окон бегущих домов
прыгнули первые кубы.

- 19 Алексей Елисеевич Крученых (1886—1968) окончил Одесское художественное училище (1906) и получил диплом учителя графических искусств средних учебных заведений.
- 20 Казенная фуражка, очевидно, никак не вязалась с крайне анархическим поведением Алексея Крученых, поэтому Шкловский уже обращал внимание на нее: «Крученых ходил в чиновничьей фуражке <...>» (*Шкловский В.* О Маяковском. М.: Советский писатель, 1940. С. 55). А цвет околыша, возможно, понадобился Шкловскому, чтобы обыграть фразы

Тогда же я познакомился с Хлебниковым на одном выступлении. Тогда нас не удивляло это, но он у меня занял двадцать копеек²¹. Хлебников был в длинном черном сюртуке, застегнутом на все пуговицы, худой, белокурый, спокойный, замкнутый. И такой нарядный, толстый одноглазый Давид Бурлюк, немножко антрепренер²².

Д: Он казался нарядным?

Ш: Сравнительно нарядным, хотя у него брюки были внизу обтрепаны, был он с лорнетом, немножко снобический, спокойный художник, теоретик такой. Я-то тесно был связан с /нрзб./через Василиска Гнедова, который потом был коммунистом (он сейчас жив), он брал дом на углу Никитской, участвовал в Московском восстании, потом отсидел, сейчас живет в Киеве. Василиска Гнедова надо записать²³.

из «Автобиографии дичайшего» (1928) Алексея Крученых: «Помню такой случай: встречается меня в магазине один из пострадавших дворян в желто-гусарском “околыше” и угрожает <...>» (Крученых А. Наш выход. С. 16).

- 21 Для ориентации в деньгах: в 1913 г. в Москве курица стоила 70 копеек, рябчик — 40, как и фунт (409 г) сыра, фунт свинины — 10, бутылка молока — 8, буханка хлеба — 4, яйцо, соленый огурец и яблоко — по 3 копейки, луковица шла по копейке.

- 22 Давид Давидович Бурлюк (1882—1967), один из лидеров литературно-художественного авангарда, энергичный организатор, закрепивший за собой титул «отца русского футуризма», был старшим сыном в большой и сплоченной семье Бурлюков. Потерял левый глаз в детстве. Это увечье случайно нанес ему один из братьев, забавляясь игрушечной пушкой. Одноглазость приятеля неоднократно обыгрывалась Маяковским:

*Подняв рукой единый глаз,
кривая площадь кралась близко (Маяковский В.
Полное собрание произведений: в 20 т. Т. 1. С. 10);
Я одинок, как последний глаз
у идущего к слепым человека! (там же. С. 20);
...сквозь свой
до крика разодранный глаз
лез, обезумев, Бурлюк*

(Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. 1912—1917 / подгот. текста и примеч. В.А. Катаняна. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 186).

- 23 Василиск (Василий Иванович) Гнедов (1890—1978) — радикальный авангардист, участник кружка эгофутуристов. Ав-

Теперь я говорю про книгу, которая не вышла у Маяковского. Ее должен был издать Ясный²⁴.

тор «Поэмы Конца» (1913), в которой, кроме названия, не было ни одного слова, ни даже какого-либо знака. Исполняя ее, автор только варьировал жесты. О Гнедове Шкловский ранее рассказывал:

«Был еще в полотняной куртке Василиск Гнедов, написавший собрание сочинений страницы в четыре.

Там была поэма “Буба-буба”.

На этом она и кончалась.

Была у него еще поэма конца — она состояла из жеста рукой крест-накрест.

Стихи Гнедова — стихи талантливого человека.

Как и все мы, он был очень беден, носил чужие сапоги.

Вымывшись, сидел в бане долго, часами.

Потому что нога разогревалась и чужой сапог на нее не налезал» (*Шкловский В.* Случай на производстве // *Стройка*. 1931. № 11. С. 6).

Четыре страницы были в сборнике Василиска Гнедова «Гостинец сентиментам. Ритмеи» (*Гнедов В.* «Гостинец сентиментам. Ритмеи. СПб.: «Петербургский глашатай» И.В. Игнатьева, 1913). Семь страниц — в сборнике «Смерть искусству.

Пятнадцать (15) поэм». И.В. Игнатьева, 1913. Поэма 9 в этом сборнике была озаглавлена «Бубая горя» и содержала, помимо заглавия, три слова: «Буба. Буба. Буба». Последней, 15-й была «Поэма Конца». В 1915—1916 гг. Гнедов воевал. Участвовал в обеих революциях 1917 г. В мемуарах «Третья фабрика» Шкловский пишет (далее цитаты по изданию *Шкловский В.* Третья фабрика. М.: Круг, 1926): «Василиск Гнедов дрался у Никитских ворот тогда, когда боем сносили там дом.

Онемел на стихи» (с. 50). В этом доме, стоявшем на стрелке Тверского бульвара, где сейчас памятник К.А. Тимирязеву, помещалась аптека. О том, как она была сожжена в ходе боев между наступающими от Страстной площади и с Малой Никитской красногвардейцами и залегшими на площади Никитских Ворот юнкерами в конце октября 1917 г., рассказывает К.Г. Паустовский в «Повести о жизни» (Кн. 3. Начало неведомого века. Гл. «Синие факелы» // *Паустовский К.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. Т. 3. С. 585—590). После 1918 г. Гнедов отошел от околослужебных дел, хотя стихи продолжал писать. Окончил Харьковский технологический институт, работал инженером. С 1925 г. состоял в ВКП(б). В 1936 г. был репрессирован и около двух десятилетий провел в лагерях.

24 В начале июня 1915 г. была подготовлена к изданию, но так

Д: Кто?

Ш: Ясный. Ясный. Такой был человек.

Д: А! Этот Ясный потом издал свою книжку: «...и Ясный»²⁵.

Ш: Да, «...и Ясный». Он должен был издать книгу «Кофты фата»... «Кофты фата». Там была кофта желтая, была кофта черная²⁶ — разные души Маяковского:

*О, как великолепен я
в самой сияющей,
из моих бесчисленных душ!*²⁷

Маяковский как бы был не только в разных жанрах, но он был разнo выполнен²⁸.

и не вышла книга Маяковского «Для первого знакомства». Издать ее намеревался Владимир Михайлович Ясный, сын купца 1-й гильдии Михаила Авраамовича Ясного, который в 1914 г. приобрел издательство М.В. Попова. Книги у нового хозяина выходили под маркой «Книгоиздательство б. М.В. Попова (влад. М.А. Ясный)».

В 1918 г. это уже «Издательство В.М. Ясного». Летом 1917 г. Маяковский составил сборник «Кофта фата: всякая ерунда» и предложил В.М. Ясному. Сборник был набран, но напечатан не был.

- 25 Авторских книг самого В.М. Ясного обнаружить не удалось. Но в том же 1918 г., который стоит на титульном листе так и не вышедшей книги Маяковского «Кофта фата», «Издательство В.М. Ясного» выпустило два знаменитых альбома Бориса Григорьева: «Расея» и «Intimité» («Интимность»). На титульном листе первого вслед за автором и названием добавлено: «Текст П.Е. Щеголева, Н.Э. Радлова, Бориса Григорьева», на титульном листе второго — «Текст Всеволода Дмитриева, Всеволода Воинова». И на обоих листах в названии издательства присутствует В.М. Ясный.

- 26 Шкловский умножает заглавие сборника Маяковского: вместо «Кофта фата» говорит «Кофты фата», суммируя названия разделов: «Пестрая кофта», «Домашняя кофта».

- 27 Из поэмы «Война и мир» (1915—1916). См.: *Маяковский В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1955. Т. 1. С. 239.

- 28 В книге «О Маяковском» Шкловский рассказывал: «Обещался издать раз Ясный. Маяковский даже собрал книжку. Она называлась “Кофта фата”. Последняя дата на верстке была 1918 год. Но и тогда книга не вышла.

Д: Эту книжку должен был издать Ясный, «Кофту фата»?..

Ш: Да-да.

Д: ...или «Для первого знакомства»?

Ш: Нет, «Кофту фата», во всяком случае, он должен был ее...

Д: Потому что «Кофта фата»... есть корректура 1918 года²⁹. Вот почему я переспрашиваю.

Ш: «Кофта фата». Мы ее потом нашли с Харджиевым³⁰ на Гендриковом переулке и украли, потому что она была в незакрытом шкафу на лестнице³¹. Я хочу <сказать> про историю этой самой кофты. Эта черная кофта, в которой выступал Маяковский³², — это костюм экстернов, рабочих-интеллигентов, типографщиков, которые не имели денег на костюм. Это не то, что толстовка, и не то, что костюм художника. Это костюм молодого рабочего, молодого рабочего-партийца.

Д: А не художника?

Ш: Нет, художники носили с бантиком.

Д: И у него бантик был³³.

Книга была маленькая, делилась на кофту оранжевую, голубую и т.д.

Это — душа в разных одеждах» (С. 72—73).

29 Корректурный оттиск сборника «Кофта фата» (1918) находится в РГАЛИ. От корректуры сборника «Для первого знакомства» (1915) осталось только пять гранок, сохранившихся у К.И. Чуковского, который собирался писать предисловие к этому сборнику.

30 Николай Иванович Харджиев (1903—1996) — маяковист, хлебниковед, текстолог, искусствовед, собиратель и перво-классный знаток русского авангарда.

31 Отдельная квартира Маяковского и Л.Ю. и О.М. Бриков в Гендриковом переулке (сейчас — пер. Маяковского, д. 15/13) была на втором этаже. Перед входной дверью, на лестничной площадке второго этажа, стояли запертые висячими замками от жильцов из соседней квартиры два шкафа-отстойника для книг, которые еще могли понадобиться.

32 Речь о той самой «черной бархатной куртке», в которой увидел Маяковского Шкловский на выставке «Союза молодежи».

33 Действительно, на фотографиях 1910 г. Маяковский запечатлен в этой блузе с бантом.

Ш: Да, это было все-таки... /нрзб./ Это были так называемые итальянцы... Я, кажется, об этом писал... Это наборщики, которые работали в среду, четверг, пятницу, субботу, а в понедельник, вторник они пили или занимались где-нибудь. У Володи была свободная, ироническая манера... Свободно себя держал /нрзб./, но очень демократично и не по-художнически.

Д: В чем?

Ш: В манере... Так как я сам сдавал экстерном, я эти обломки революции, которые пытались всплыть, из тюрем были выпущены... У моего отца были вечерние курсы для взрослых³⁴. Я этих людей очень хорошо знал.

Д: Пострадавших в революционной работе вы имеете в виду?

Ш: Пострадавшие или выбитые из жизни, приехавшие для образования /нрзб./

Д: Вы в этом смысле говорите?

Ш: Да. Ну, я потом убедился, что Маяковский очень хорошо знает популярную марксистскую литературу, ту, которую когда-то издавала «Донская речь»³⁵, не то, что

34 Борис Владимирович Шкловский (1859—...) — отец В. Шкловского, окончил четырехклассное реальное училище, учился в Технологическом институте, затем в Лесном. Ни тот, ни другой не закончил, но получил звание уездного учителя математики. Устроил упомянутые «курсы для взрослых» по математике, где был единственным преподавателем. «...Любого тупицу он мог подготовить к вступительному экзамену в любое учебное заведение, и ученики никогда не проваливались. В этом и заключалась его профессия — натаскивать тупиц» (Чуковский Н. О том, что видел. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 527). После революции преподавал на Высших артиллерийских курсах.

35 «Донская речь» — ростовское, а затем и петербургское книжное издательство демократической ориентации (1903—1907), принадлежавшее крупному предпринимателю Н.Е. Парамонову. Наряду с книжками по истории и произведениями современных русских и зарубежных писателей «Донская речь» выпускала в большом количестве тоненькие, 20—30-страничные брошюры общественно-политического содержания. В частности — популярные работы Карла Маркса, Августа Бебеля, Фердинанда Лассалья, Карла Либкнехта. За неполные пять лет было издано свыше

«Капитал» Маркса, но вот эту ходовую литературу того времени... И вообще его манера спора — это не художническая манера, это манера спора, которая пришла из большой аудитории партийной, сбиваемая: меньшевики с большевиками, большевики с эсерами, /нрзб./, реплика, сшибать, работать на публику. Не на человека, которого вы убеждаете, а на аудиторию. Значит, желтая кофта — она... По цвету она футуристическая. Футуристы его ввели как цвет танго. Это был желтый цвет — цвет танго, модный цвет того времени.

Д: Так называлось? Цвет танго?

Ш: Да.

Д: Как-то связано было и с появлением танца.

Ш: Да, но... Появился желтый цвет, несколько красноватый... Он был модный. У Маяковского было две кофты: желтая и желтая с черными полосами³⁶. Они были домашней работы, не очень хорошо сшиты. Причем, так как они были тонкие, то брюки, черные, были сквозь них видны. Это было... если не рабочий костюм /нрзб./, они были немножко /нрзб./ На Маяковском... Маяковский был худой, широкоплечий и плоскогрудый, немножко грузинского телосложения³⁷. Он был: большой торс, слегка короткие ноги, довольно длинные руки. Я не то что дружил с футуристами, но выступал с ними. Я готовил книжку, которая называлась «Воскрешение Слова»³⁸. Она вышла в четыр-

пятисот книг и брошюр. Издательство закрылось, когда самого Парамонова и его компаньона А.Н. Сурата привлекли к суду за то, что их издания возбуждают неуважение к власти и призывают к свержению государственного строя.

36 Желтую кофту с черными вертикальными полосками и отложным воротником можно увидеть на фотографии Маяковского в группе товарищей-футуристов (Алексей Крученых, Давид и Николай Бурлюки, Бенедикт Лившиц). Снимок сделан в 1913 г. (см.: *Маяковский В. Полное собрание произведений*: в 20 т. Т.1. Вклейка между с. 128 и 129).

37 Это метафора. Маяковский родился в Грузии, но в роду у него грузин не было.

38 23 декабря 1913 г. в «Бродячей собаке» Шкловский выступил с докладом «Место футуризма в истории языка». Доклад лег в основу 16-страничной брошюры, изданной в следующем феврале: *Шкловский В. Воскрешение Слова*. СПб.: тип. 3. Соколинского, 1914. И тогда же, 8 февраля 1914 г., автор про-

надцатом году, но у меня /нрзб./ Она интересна тем... это маленькая книжка, (?) издат...

Д: Видел я ее.

Ш: Она — первая книга об абстрактном искусстве, о живописи абстрактной, я думаю, может, даже первая в мире³⁹. Когда-то ко мне приехал хранитель Королевской библиотеки, из Копенгагена автор, во время венгерских событий⁴⁰. Он был, специальность его была — заумная речь. И он, значит, приехал /нрзб./, зная вот только эту книжку. Теперь я так подробно говорить не буду. Я знал и Давида Бурлюка, и Николая Бурлюка, и Владимира Бурлюка⁴¹,

читал в Концертном зале Тенишевского училища доклад «Воскрешение вещей», основанный, судя по тезисам из печатной программки, на этой брошюре.

- 39 Впрямую об абстракционизме в «Воскрешении Слова» Шкловский не заговаривает. Речь у него о том, что слова и даже целые сочинения, изначально будоражившие воображение, поражавшие остротой, от многократных повторов тускнеют, теряют образность, не задевают больше. И задача искусства оживить их, вернуть им свежесть. Возможно, что, отвергая старое искусство и ратуя за новое, автор в подтексте намекает на беспредметную живопись, которая лишь недавно заявила о себе: «Сейчас старое искусство уже умерло, новое еще не родилось; и вещи умерли, — мы потеряли ощущение мира; мы подобны скрипачу, который перестал осязать смычок и струны, мы перестали быть художниками в обыденной жизни, мы не любим наших домов и наших платьев и легко расстаемся с жизнью, которую не ощущаем. Только создание новых форм искусства может возратить человеку переживание мира, воскресить вещи и убить пессимизм» (*Шкловский В. Воскрешение Слова. С. 12*).

- 40 Речь о вооруженном восстании против просоветского режима в Венгрии, подавленном советскими войсками (23 октября — 9 ноября 1956).

- 41 Николай Давидович Бурлюк (1890—1920) — младший из Бурлюков, поэт и прозаик, вместе с обоими братьями и сестрой Людмилой входил в артель кубофутуристов, но был едва ли не самым умеренным из них. «...Анемичный, застенчивый, кроткий...» — иронизировал по его поводу К.И. Чуковский (см.: *Чуковский К.И. Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». М., 1914. Кн. 22. С. 150*). По мобилизации участвовал в боях на Румынском фронте в 1915—1916 гг. и позже — в Гражданской войне. Арестован и расстрелян как бывший офицер в превентивных целях.

и Хлебникова, который тогда напечатал уже вот этот список годов о крушении государств, /нрзб./, и который кончался: «Некто 1917». Он это несколько раз напечатал, во «Взяле» напечатал...

Д: В «Пощечине...»⁴².

Ш: Я с ним встречался и сказал ему тогда: «Разрушение русской империи будет в 1917 году?» Он сказал, что вы догадались первым. Это всё годы крушения великих империй⁴³. Ну вот. Мы все были тогда пророками.

Владимир Давидович Бурлюк (1886—1917) — средний из братьев Бурлюков, художник. Университетский товарищ Шкловского. Погиб в Салониках (Греция) при невыясненных обстоятельствах.

- 42 В 1909 г. Хлебников занялся вычислением периодичности, с которой повторяются однотипные события мировой истории. В упомянутой выше статье «Учитель и ученик» (1909—1912) он, в частности, утверждал, что «1383 года отделяют паденья государств, гибель свобод» (*Хлебников В. Собрание сочинений: в 6 т. / под общ. ред. Р.В. Дуганова; сост., подгот. текста и примеч. Е.Р. Арензона и Р.В. Дуганова. 2-е изд., испр. М.: Дмитрий Сечин, 2014. Т. 6., кн. 1. С. 39*). И уже там привел список государств, паденья которых разделены этим сроком. Так, нашествие Батыя на Русь в 1237 г. увязывалось с разрушением Карфагена ровно за 1383 года до этого — в 146 г. до н. э. Следующий шаг — от исторической констатации к пророчеству: «...в 534 году было покорено царство Вандалов: не следует ли ждать в 1917 году (т.е. через 1383 года. — *В.Р.*) падения государства?» (там же). Следом в «Пощечине общественному вкусу» (см.: *Пощечина общественному вкусу: Стихи. Проза. Статьи. Д. Бурлюк, Н. Бурлюк, А. Крученых, В. Кандинский, Б. Лившиц, В. Маяковский, В. Хлебников. М.: Г.Л. Кузьмин, 1913. 113 с.*) — первом альманахе кубофутуристов (Давид Бурлюк, Алексей Крученых, Владимир Маяковский, Велимир Хлебников и др.) — Хлебников поместил, по сути, тот же список, только вынес в заголовок: «Взор на 1917 год». А закончил список строкой: «Некто 1917» (с. 112). Нумерологические выкладки были помещены Хлебниковым и в альманахе «Взял: барабан футуристов» (см.: *Взял: Барабан футуристов: Дек. 1915. Петроград: тип. Соколинского, [1915]. 16 с.*).

- 43 Об этом разговоре Шкловский вспоминал неоднократно. Например, в книге «О Маяковском» (с. 53). Вариант из книги «О теории прозы»: «Я сказал ему: “Ты думаешь, наша империя разрушится в 1917 году?” — “Пока получается так”, — ответил он» (*Шкловский В. О теории прозы. М.: Советский*

Потом я пошел в армию...⁴⁴ Да, перед этим я еще дружил с Кульбиным⁴⁵.

Д: Что это за человек был?

Ш: Николай Иванович Кульбин был главный врач Главного штаба, ученик Павлова⁴⁶, хороший теоретик. Он говорил про Ахматову и про Мандельштама: «Это хорошие поэты, но я их лечил. У них мелкие сечения кровеносных сосудов⁴⁷. Вот у Маяковского крупное сечение кровеносных сосудов». Он был... Художник. Все они тогда... Выступал с футуристами.

Д: Художник-любитель. И меценат был, да?

Ш: Да какой он меценат. Мне давал деньги⁴⁸. Но он, значит, выступал, снимая свою тужурку и одевая свой пиджак, военный китель. Он был военный, потому что он был профессором Военно-медицинской академии⁴⁹.

писатель, 1983. С. 69—70).

44 Это осень 1914 г. В книге «О Маяковском» Шкловский рассказывал: «Я попал на войну — охотником из вольноопределяющихся. Права на производство я не имел (так как “был сыном крещеного еврея”, уточняет автор в мемуарах “Жили-были”. — В.Р.). Бывал в армии, но не очень был армии нужен. Скоро вернулся в Петербург и стал инструктором броневое дивизиона» (с. 74).

45 Главки о Н.И. Кульбине есть в мемуарных книгах Шкловского: «Третья фабрика» (с. 48—50), «О Маяковском» (с. 66—68) и «Жили-были» (с. 79—80).

46 Иван Петрович Павлов (1849—1936) — физиолог, создатель науки о высшей нервной деятельности; лауреат Нобелевской премии (1904).

47 В «Третьей фабрике» Шкловский уже написал об этом, правда, не называя имен: «Про акмеистов Кульбин говорил, что у них мелкое сечение кровеносных сосудов» (С. 49).

48 В «Третьей фабрике» Шкловский писал о Кульбине: «Меня он любил и считал своим продолжателем. Платил мне три рубля в день, чтобы влиял на его сына и сделал бы Ваню похожим на себя» (С. 49).

49 Николай Иванович Кульбин (1868—1917) был доктором медицины (1895), врачом Главного штаба (с 1903), приват-доцентом Военно-медицинской академии (с 1905), действительным статским советником (1915), т.е. чиновником 4-го класса, равным генерал-майору в армии. Ему принадлежат несколько десятков работ по психологии, неврологии и внутренним болезням, а также иллюстративный материал к монографии проф. Л.В. Блуменау «Мозг человека: ана-

Д: Даже профессором?!

Ш: Да. Ну, вот...

Д: Он умер в 17-м, да?

Ш: Во время Февральской революции⁵⁰. На Маяковского он... он относился к Маяковскому полувраждебно.

Д: Почему?

Ш: А черт его знает, почему! Теперь... значит, я с Маяковским попрощался, а потом мне... Это было уже в автомобильной школе, я работал в автошколе старшим инструктором, и у меня был такой Василий Брик, инженер, который был знаменит тем, что он сразу разбил три машины. Ему дали машину, он включил — машина прыгнула и, значит, разбила переднюю машину, он дал задний ход — и разбил заднюю машину. Поэтому он был знаменитый человек, который в три минуты разбил три машины.

Д: Но сам остался жив?

Ш: Совершенно /нрзб./ Это было в гараже. Это была ошибка, потому что в гараже очень трудно... не надо в гараже давать руль неопытному человеку. Когда я был... я не знаю, откуда, мне сказали, что меня приглашает вольноопределяющийся Брик⁵¹. Я думал, что это мой ученик. Я пришел.

томо-физиологическое введение в клинику нервных и душевных болезней» (СПб.: К.Л. Риккер, 1907—1913; 2-е изд. М.; Л.: Государственное издательство, 1925).

50 Кульбин умер 6 марта 1917 г. Основные события Февральской революции уложились в 5 дней: с 27 февраля по 3 марта. В «Третьей фабрике» Шкловский писал: «Умер Кульбин счастливым на третий день исполнения ожидания» (С. 49).

51 В 1940 г. Шкловский описывал этот эпизод несколько иначе: «Володя (Маяковский. — В.Р.) зашел и оставил мне записку: “Приходи к вольноопределяющемуся Брику”. А я знал в автомобильной роте вольноопределяющегося с такой фамилией, который раз тронул машину, машина рванула, прыгнула и разбила дверь впереди. Вольноопределяющийся дал задний ход, машина пошла боком и назад и разбила еще дверь сзади» (Шкловский В. О Маяковском. С. 78). Как ни странно, версия, рассказанная Дувакину, ближе к тому, что было написано еще раньше, в «Третьей фабрике» (1926): «Мне раз позвонили и попросили зайти к вольноопределяющемуся Брику.

Был такой в роте товарищ. Его все знали: при пробе он сразу разбил три автомобиля...» (с. 56).

Д: А это был Брик?..

Ш: А это был другой Брик /нрзб./ — Осип Максимович⁵².

Д: Нет, а кто же... Почему он вас пригласил?

Ш: Ну как? Ему сказал Маяковский.

Д: Ах, уже Маяковский...

Ш: Он нас познакомил. Я, значит, пришел к Брику⁵³.

Причину приглашения Шкловского к Брику называет в воспоминаниях Л.Ю. Брик: «Володя стал знакомить нас со своими. Начали поговаривать об издании журнала. Он зашел к Шкловскому. Не застал его дома и оставил записку, чтобы пришел вечером на Жуковскую, 7, кв. 42, к Брику. Шкловский служил с каким-то вольноопределяющимся Бриком и шел в полной уверенности, что идет к нему, а попал к нам» (Брик Л. Пристрастные рассказы: воспоминания, дневники, письма. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2003. С. 31).

52 Осип Максимович Брик (1888—1945) — сын купца 1-й гильдии, юрист по образованию, с 1912 г. муж Лили Юрьевны Брик (1891—1978). После знакомства с Маяковским издал его поэмы «Облако в штанах» (1915) и «Флейта-позвоночник» (1916) и в дружбе и тесном сотрудничестве с ним занялся литературной деятельностью.

53 В декабре 1915 г. вышел альманах «Взял» со статьями Брика и Шкловского о выпущенной в сентябре поэме Маяковского «Облако в штанах». Издателем альманаха был Брик. В связи с подготовкой этого издания Маяковский и свел Шкловского с Бриком. А поскольку сам Маяковский познакомился с Бриками только в конце июля 1915 г., то, вероятнее всего, Шкловский пришел к Брикам осенью того же года. Эту квартиру Шкловский описывает в книге «О Маяковском»:

«Квартира совсем маленькая. Прямо из прихожей коридор, слева от коридора две комнаты, а спальня выходит в переднюю. Квартира небогатая, но в спальне кровати со стегаными одеялами, в первой комнате, тоже не из коридора, а из передней, — <...> рояль, стены увешаны сюзана и большая картина — масло под стеклом, работы Бориса Григорьева — хозяйка дома лежит в платье.

Плохая картина. Лиля ее потом продала.

Потом узенькая столовая» (с. 79).

Свой портрет работы Бориса Григорьева (1886—1939) Лиля Брик датировала 1916 г. Значит, осенью 1915 г. его еще не было в квартире. Описывала Лиля Юрьевна этот портрет так: «...огромный, больше натуральной величины. Я лежу на траве, а сзади что-то вроде зарева. Маяковский называл

Квартира. Три комнаты. Тут висит портрет, может, немножко позже /нрзб./ портрет Григорьева, его продали...

Д: Аполлона?⁵⁴

Ш: Нет, Бориса Григорьева, художника.

Д: А!

Ш: ...изображающий Лилю Брик. Лиля, значит, молодая... у них там сидел такой, ухаживал за ней, Шиман⁵⁵, высокий художник... черт его знает... он делал эти самые... платки такие способом батик и отделявал их чернубурой лисой⁵⁶. Такой забавный человек. И, значит, Ося. У Оси была

этот портрет "Лилия в разливе"» (*Брик Л. Пристрастные рассказы. С. 51*). Портрет был продан художнику Исааку Бродскому в 1918 г. и пропал.

54 Аполлон Григорьев (1822—1864) — поэт, литературный и театральный критик, идеолог почвенничества, автор популярных песен и романсов.

55 Эдуард Густавович Шиман (1885—1942). О нем Шкловский рассказывает в книге «О Маяковском»:

«К Брикам ходили разно одетые люди. Ходил высокий элегантный человек по фамилии Шиман.

Это был мюнхенский художник, левый, школы Кандинского, вероятно. Музыки он не знал, но дома у него стояла фисгармония. Он не был импровизатором, но, сидя за фисгармонией, издавал при ее помощи связанные музыкальные вопли. Не надо думать, что это была теоретически неосмысленная музыка. Это была фисгармония, как таковая. Так же он и рисовал. Цвет сам по себе. Жил он в большой, очень чистой комнате. <...>

Художник жил неплохо. Он разрисовывал шарфы. Живописные вопли и бормотанья превращались в вещи, годные для украшения дам» (с. 89).

Л.Ю. Брик обозначает его инициалом Ч. (последней буквой отчества): «Пастернак привел к нам Ч. Он выше Маяковского ростом, на лице постоянная гримаса, очень красивые руки и, странно, белый тафтовый галстук. Он художник, рисовал шарфы и халаты и продавал их в самые модные магазины» (*Брик Л. Пристрастные рассказы. С. 34*).

56 В книге «О Маяковском» подробно рассказано об этом занятии:

«В чистой ванне распускалась краска. Шарф покрывался воском в горячем виде, воск клался по рисунку типа Кандинского. Шарф прокрашивался везде, где не было воска. Потом снимали воск утюгом, снова покрывали воском уже прокрашенные места и снова погружали в ванну.

Потом бралась чернубурая лисица, ношенная, резалась, при-

такая история. Из полевого дивизиона, нет, из автомобильного уволили всех евреев. Ося... и всех отправили...

Д: Куда отправили?

Ш: На фронт.

Д: На фронт отправили?

Ш: В пехоту. Ося отстал на вокзале. А потом пришел...

Д: То есть дезертировал.

Ш: Ну... А потом пришел в проходные казармы и начал платить писарю за то, что тот вписывал его числящимся а казармах.

Д: А в какие же казармы, свои, автомобильные?

Ш: Нет, проходные казармы, там, где отставшие солдаты и так далее. Такой приемник.

Д: Ага, пропускник такой.

Ш: Пропускник. Вот там он платил деньги, большие деньги. Раз он не хотел заплатить и сказал этому человеку: «Ну что ж, и на фронте люди живут», на что ему писарь сказал: «Живут, но недолго», — и взял с него опять деньги. Кончилось это тем, что Ося перестал платить, пользуясь тем, что он живет прописанным в доме, в доме знают, что он там рос. И он несколько лет, ну, два года, три, жил и работал.

Д: Дезертиром?

Ш: В том самом месте, где он должен был жить. Ну, так как он не переезжал.

Д: Прописку не менял?

Ш: Не менял. То он так и жил.

Д (усмехаясь): Плохо был поставлен учет.

Ш: Ну, еще бы! Ну, об этом у меня написано в «Третьей фабрике»⁵⁷.

шивалась к шарфу, и всё это хорошо продавалось» (Брик Л. Пристрастные рассказы. С. 89—90).

57 В «Третьей фабрике» сюжет с дезертирством Брика прописан подробно:

«В те дни, когда я с ним познакомился, он уклонялся от воинской повинности.

Делалось это гениально просто.

Брик служил в одной команде. Там было много евреев. Их решили отправить под конвоем в пехоту.

Если бы Брик начал отказываться и истек бы кровью у на-

Д: Я не помню.

Ш: Ну вот, Лиля. Лилия... Значит, дом меценатский, меценатский, богатый дом...

Д: Откуда богатство?

Ш: Осип Максимович Брик из семьи ювелира⁵⁸. Его ба-

чальства на глазах, его отправили бы всё равно.

Отправляли тогда бумагу, на бумаге писали:

“Приложение: при ней солдат такой-то”.

Брик пошел со своей бумагой и другими людьми на вокзал. На станции только он отбился от команды. Выждал, когда ушел поезд, одернул шинель и чистеньким пришел к коменданту отдельной каплей.

У войны нет способа раздавливать отдельные капли.

Комендант отправил Брика в проходные казармы, между Загородным и Фонтанкой.

Брик, как и вообще солдат, не был нужен.

Так как он не волновался и не выяснял свою участь, то состоял он в проходных казармах долго.

Его за обед в трактире отпустили домой. <...>

Брик приходил сперва в казармы, а потом перестал.

Сидел дома. Сидел два года.

К нему десятками ходили люди, он издавал книги, но найти его не могли. <...>

Брик не мог делать только одного — переехать с квартиры на квартиру. Тогда бы он стал движущейся точкой.

Но он мог бы зато надстроить на дом, в котором жил, три этажа и не быть замеченным» (*Шкловский В. Третья фабрика*. С. 58—59).

Л.Ю. Брик излагает эту историю иначе:

«Ося служил в автомобильной роте. Служба была утомительная, скучная, отнимала всё время, и Ося так и тянул бы лямку до самой революции, но вдруг начальство решило, что незачем евреям портить красивый пейзаж авточасти, и велело в одни сутки всех собрать и под конвоем отправить в село Медведь, в дисциплинарный батальон, а оттуда на фронт. Я, конечно, сначала в слезы, а потом заявила категорически, что если Ося позволит вести себя, как вора и отцеубийцу, под конвоем и т.д. и т.д., то я ему не жена и не друг и никогда в жизни не прощу этого. Что тут делать? Ося ложится в госпиталь. Тем временем евреев отправляют в Медведь, и, когда Ося выходит из госпиталя, начальство сообщает, что не стоит на жиду вольноопределяющегося тратить двух конвойных и досылать его в Медведь, а лучше отправить его к воинскому начальнику» (*Брик Л. Пристрастные рассказы*. С. 29).

58 Отец Осипа Брика, Максим Павлович (Меер Иезуа), и ба-

бушка имела в Паланге, на границе с Германией, большой дом и занималась номинально скупкой янтаря, а фактически — контрабандой кораллов.

Д: Кораллов?

Ш: Да. Эти кораллы находили в море где-то и отправляли в Италию⁵⁹. Их там полировали, потом их ввозили в Россию, и они... А продавали их в Бурят-Монголию, где они были предметами культа и украшали какие-то... Брики были богатые люди.

Д: Это бабушка Осипа Максимовича?

Ш: Да. Она была привлечена... к ответственности за контрабанду по телеграммам, в которых всё время упоминались: «Пришлите мне красные». На суде она сказала, что это красный янтарь. Эксперт сказал, что красного янтаря нет. Тогда защитник вынул из портфеля, бросил на стол несколько grossов⁶⁰ совершенно красного коралла.

Д (*неправляет*): То есть янтаря?

Ш: Янтаря. Эксперт посмотрел, сказал, что это красный янтарь: «Это несомненно янтарь, но я его вижу в первый раз». Как это было сделано? Среди grossов янтаря...

Д: Grossов?

Ш: Да. Гросс — это когда пересылают в большом количестве, связками...бывают красные включения, отдельные камушки. Заранее подбирали их годами, красные кораллы (*неправка*) красный янтарь, не знаю, для чего, и у фирмы скопилось несколько ниток, двадцать ниток красного янтаря. Это был единственный янтарь, красный, в мире, потому что янтарь должен быть белым или желтым. Ну и вот, так его использовали для вот этого спора.

бушка, Цира Зелик, владели торговым домом «Брика Павла Вдова и Сын» по продаже драгоценных камней. В их мастерской в Паланге обработкой камня занимались 15 человек.

59 По словам двоюродного брата Осипа Брика, Юрия Борисовича Румера (1901—1985), под видом кораллов продавался особый сорт песка, который добывали в небольшом заливе близ Неаполя.

60 Гросс — мера счета, равная 144 предметам; двенадцать дюжин.

Д: И ее оправдали?

Ш: Ее оправдали. Ее оправдали, потому что там были еще одни показания... начальника этой таможни, который говорил, что это несомненно контрабандное дело и что задержаны кораллы. Но один из присяжных, который был заранее приготовлен, задал вопрос: получает ли по закону таможня премию за поимку контрабанды? Он сказал, что получает, скажем, двадцать пять процентов. Тогда задали вопрос: «А вы получите, если мадам Брик будет осуждена?» Он говорит: «Да, потому что она контрабандистка». Тогда защитник задал вопрос: «Сколько свидетель получит в том случае, если его свидетельство о контрабанде будет признано судом?» Он назвал свою сумму и был скомпрометирован, как человек заинтересованный. Понятно?

Д: Понятно.

Ш: А какое это имеет отношение к Маяковскому? Вот какое.

*Муж твой — продавец⁶¹ кораллов,
красный тебе подарит, носи, на.*

Это у Маяковского, ранний Маяковский. Помните, там:
...скалю гнилые зубы⁶².

Д: В «Флейте». В окончательном тексте «Флейты» этой строчки насчет продавца кораллов нет. Они, может быть, в черновиках остались⁶³.

Ш: Он читал. Я думаю, что они есть в первоначальных изданиях⁶⁴. Он, значит, был продавцом кораллов. У него был... у отца был дом...

Д: Это, значит, простите, это бабушка?..

Ш: Это бабушка, а отец...

Д: А отец уже был ювелир, который на базе этой бабушкиной деятельности...

Ш: Уже ювелиром был и продолжал торговать кораллами, ездил в Среднюю Азию... продавал кораллы бурят-

61 Рудольф Дуганов приводил вариант: торговец.

62 Строка из поэмы «Флейта-позвоночник» (1915). См.: Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1955. Т. 1. С. 204.

63 Черновики поэмы «Флейта-позвоночник» не сохранились.

64 В изданиях поэмы их нет.

монголам и так далее и имел дом на Арбатской площади, этот дом выходил на Арбатскую площадь, двухэтажный, на Арбат и на еще какой-то переулок, очень большой дом был. То есть Осип Брик был богатым человеком⁶⁵.

Д: И Осип Максимович...

Ш: Был сыном богатого человека.

Д: Сын... и сам стал уже домовладельцем.

Ш: Нет, он не мог им стать.

Д: Отец был жив. Его спасла от этого революция.

Ш: Да. Он был богатым человеком, и поэтому когда... В результате, когда он сделался большевиком, его привлекли спекудотделы Чеки, то есть по делам спекуляций⁶⁶.

Д: Как человека, который в этом понимает⁶⁷.

65 Александр Чудакову Шкловский рассказывал (1 июня 1975): «У отца Брика был дом на Арбате. Смотрел на площадь и улицу. Был двухэтажный, но занимал целый квартал. Отец Брика был очень богатый человек. Поэтому у Осипа всегда были деньги. Это ему мешало работать. А он был умный, очень знающий человек. Он был логический, не- вдохновенный. Мы называли его “губернатор захваченных территорий”. Он давал деньги на наши первые сборники. У него был знак ОМБ — еще до того, как он что-либо издал» (Чудаков А. Спрашиваю Шкловского // Литературное обозрение. 1990. № 6. С. 102).

66 В структуре ВЧК одно время действительно был отдел по борьбе со спекуляцией.

67 Осип Брик поступил на службу в МЧК 8 июня 1920 г. При оформлении поездки за границу осенью 1922 г. он предъявил удостоверение Политотдела московского ГПУ № 24541. После приказа от 24 декабря 1923 г. о слиянии Московского губернского отдела ГПУ, где служил тогда Брик, с центральным аппаратом ОГПУ большинство коллег Осипа Максимовича благополучно влились в центральный аппарат. Но сам он, «назначенный на должность уполномоченного 7 отделения СО (Секретного отдела. — В.Р.), на службу с 15 января 1924 г. являться перестал. Приказом по АОУ (Административно-организационному управлению. — В.Р.) № 57 от 10 марта 1924 г. он был объявлен “дезертиром”, а вскоре исключен из списков сотрудников и снят с денежного довольствия» (см. Лубянка: органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1991: справочник / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: Международный фонд «Демократия». Материк, 2003. С. 35).

Ш: ...поэтому у Бриков пели (*поет*):

*Жду своего комиссарика
Из спецотдела Чеки...*⁶⁸

А потом его вычистили из партии, но он был, по моему, убежденный коммунист.

Д: Его вычистили из партии в чистку 21-го года, очевидно?⁶⁹

Ш: Да.

Д: А когда он вступил?

Ш: Я думаю, что сперва он был меньшевиком-интернационалистом...⁷⁰

Д: В 17-м году?

Ш: В 17-м году. И был...

Д: В «Новой жизни»⁷¹.

68 Из популярной уличной песенки:
*Прямо в окно от фонарика
Падают света пучки.
Жду я своего комиссарика
Из спецотдела Чеки.*

*Вышел на обыск он ночью
К очень богатым людям.
Пара миллиончиков нонче
Верно отчислится нам. <...>*

*Не для меня трудповинности,
Мне ли работать... Пардон...
Тот, кто лишает невинности,
Тот содержать и должен.*

69 Эта чистка началась 1 августа, и до начала 1922 г. из партии были исключены 136 тысяч человек, т.е. каждый пятый.

70 Меньшевики-интернационалисты — умеренные социал-демократы, которые в противовес большевикам-ленинцам, требовавшим превратить мировую войну в гражданскую, настаивали на заключении всеобщего демократического мира как пролога к европейской революции. В дальнейшем частью присоединились к большевикам, частью эмигрировали.

71 «Новая жизнь» — ежедневная газета, издававшаяся в Петрограде группой меньшевиков-интернационалистов и писателей, объединившихся вокруг ежемесячного литературного, научного и политического журнала «Летопись» (декабрь 1915 — декабрь 1917). Выходила с 18 апреля (1 мая) 1917 г. по июль 1918-го. И в журнале, и в газете главенствовал А.М. Горький.

Ш: ...в «Новой жизни», то есть он был знаком с Горьким. А потом, значит, он вступил в партию.

Д: Так что же, после Октября вскоре, так?

Ш: Вскоре после Октября.

Д: В первые месяцы?

Ш: Да.

Д: Значит, конец 17-го, начало 18-го.

Ш: Да, он был комиссаром в Академии художеств⁷².

Д: А, это то, что Маяковский вспоминает...

Ш: Да-да.

Д: ...в статье «Только не воспоминания...»⁷³.

Ш: Так что, вот, это бриковское дело. Теперь, если говорить про революцию, Февральскую, то во время Февральской революции были такие дела⁷⁴. Маяковский в ней при-

72 В Академии художеств проходили собрания Союза деятелей искусств при активном участии О.М. Брика. В письме Маяковскому (вторая половина декабря 1917) Л.Ю. Брик сообщает: «Академию Ося прибрал к рукам» (*Янгфельдт Б. Любовь — это сердце всего: В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: переписка. 1915—1930. М.: Книга, 1991. С. 49*). Шкловский и раньше определял Брика на эту роль: «Брик — комиссар Академии художеств и называет себя швейцаром революции, говорит, что он открывает ей дверь» (*Шкловский В. О Маяковском. С. 113*).

73 В статье «Только не воспоминания...» (Новый ЛЕФ. 1927. № 8—9) Маяковский рассказывает о выступлении О.М. Брика вскоре после Октября 1917 г. на одном из собраний в Академии художеств:

«Кто-то просит послать охрану в разрушаемую помещичью усадьбу: тоже-де памятник и тоже старина.

И сейчас же О. Брик:

— Помещики были богаты, от этого их усадьбы — памятники искусства. Помещики существуют давно, поэтому их искусство старо. Защищать памятники старины — защищать помещиков. Долой!» (*Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 12. Статьи, заметки и выступления. Ноябрь 1917—1930 / подгот. текста и примеч. А.М. Ушакова и др. М., 1959. С. 151*).

74 Наиболее подробно о впечатлениях от Февральской революции Шкловский рассказывает в книгах «Революция и фронт» (Петроград: 23-я Государственная типография, 1921. С. 1—15) и «Жили-были» (с. 111—115).

нимал участие как автомобилист⁷⁵. Это есть в «Хронике»⁷⁶. Я принимал участие как броневик⁷⁷. У меня были части броневые, запасные части⁷⁸.

Д: То есть вы вели броневик?

Ш: У нас была такая история, что перед революцией, так как броневой батальон имел много рабочих, которые были ненадежны, то разоружили броневики, сняли с них части. Но у нас были запасные части в школе военной как учебные пособия, на Владимирском проспекте. Я их взял, перенес со своими учениками, перенес на Ковенский переулок, где рядом с французской церковью⁷⁹ был гараж тоже броневиков⁸⁰, и ночью мы вооружили четыре броневика. Там был Карпов, Гнутов⁸¹, шоферы, и мы, значит, их повели. Это были первые броневики, которые вышли, потому что те броневики, которые шли из Ораниенбаума, пришли потом. Мы их поставили вокруг Адмиралтейства:

75 Призванный на военную службу, Маяковский был зачислен 19 сентября 1915 г. в Военно-автомобильную школу, в 1-ю запасную автомобильную роту, где его определили в чертежники.

76 В стихотворении «Революция. Поэтохроника» (17 апреля 1917) Маяковский рассказывает, как разворачиваются февральские события с его участием:

*На своем постоянном месте
в Военной автомобильной школе
стоим,*

зажатые казарм оградю (Полное собрание произведений: в 20 т. Т. 1. С. 102).

77 В чине старшего унтер-офицера Шкловский служил инструктором в Броневой школе Запасного броневое дивизиона. Школа находилась на Владимирском проспекте.

78 Т.е. детали.

79 Речь о храме Лурдской Божией Матери, построенном для нужд французской католической общины и освященном 22 ноября 1909 г. (Ковенский пер., д. 7).

80 Имеется в виду четырехэтажный автомобильный гараж на монолитном железобетонном каркасе, построенный в 1909—1910 гг. по заказу владельца экипажной и автомобильной фабрики К.Л. Крюмеля (Ковенский пер., д. 5; зади храма).

81 Гнутова, одного из «бригадиров гаража», Шкловский упоминает в книге «Революция и фронт» (с. 6).

одну я поставил около улицы Халтурина⁸², другую поставил около Гороховой, третий — около /нрзб./ окон⁸³, чтобы закрыть Николаевский мост, и Дворцовый мы закрыли.

Д: Представляю себе.

Ш: И вот мне сказал Соболев, что последняя телеграмма Хабалова⁸⁴ была такая, что «я...». А он находился в Адмиралтействе, а я не знал, что он находится в Адмиралтействе, потому что он не стрелял. Там были военные части царского правительства, последние. Он дал телеграмму, что «я окружен броневиками вольноопределяющегося Шкловского, и я прекращаю...»

Д: Вольноопределяющегося Шкловского?

Ш: Да. «...я предпочитаю сдаться»⁸⁵. Я и не знал, что я его окружил, потому что... Видите, Адмиралтейство нельзя взять броневиками...

Д: Конечно.

Ш: ...так что ему надо было сдаться кому-нибудь. И он придрался к случаю сдаться мне.

Кассета № 12

Вторая дорожка записи

Виктор Дмитриевич Дувакин: Прошу вас, Виктор Борисович.

Виктор Борисович Шкловский: Я вернулся, значит,

82 Улицей Халтурина с октября 1918 г. до октября 1991 г. называлась Миллионная улица, идущая параллельно Неве от Лебязьей канавки до Дворцовой площади.

83 Вероятно, на Английской набережной у Сенатской площади, откуда можно было контролировать южный торец Адмиралтейства и оба моста — Николаевский (ныне Благовещенский) и Дворцовый.

84 Генерал-лейтенант Сергей Семенович Хабалов (1858—1924) — командующий войсками Петроградского военного округа. 24 февраля 1917 г. ему была передана вся полнота власти в столице.

85 На эту телеграмму Шкловский сошлется позже в книге «Энергия заблуждения» (М.: Советский писатель, 1981. С. 283).

на улицу Жуковского, в тот самый дом, перед которым был «головы кобылей вылеп»⁸⁶, дом Бриков. Там играли в «тетку»⁸⁷. Вышла ко мне молодая и очень тогда красивая Лиля и сказала: «Революция нас совершенно не касается, то, что происходит на улице, нас не касается».

Д: А это был уже 17-й год?

Ш: Это был 17-й год.

Д: Вы до февраля не были у нее?

Ш: Я пришел как к знакомым. Но... Да, вот, про «тетку». «Тетку»... В то время Володя дружил с Горьким, и Горький бывал у Бриков, и они ему показали вот эту игру — «тетка». В «тетке» проигрывает тот, кто делает взятки, как бы перевернутая...⁸⁸ Тогда была уже «Летопись», журнал «Летопись», в котором напечатаны были стихи Маяковского⁸⁹. Это была эпоха дружбы Горького с Маяковским⁹⁰. И я бывал в «Летописи». Я потом был дружен с Горьким, во время после революции, после того, но и в то время у него бывал, бывал в «Летописи», встречался там с Бабелем,

86 Строки из поэмы «Человек» (1916—1917). См.: *Маяковский В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1955. Т. 1. С. 269. Напротив дома, в котором жили Брики, в нише стены была лепная голова лошади. Анна Ахматова рассказывала, что в день смерти Маяковского видела, как ремонтники сбивают этот барельеф.

87 «Тетка» — простая карточная игра. Название — синоним карточной Дамы. Лилия Брик тоже упоминает эту игру: «Бывал у нас Горький редко, и тогда мы разговаривали мало, а больше играли с ним в карточную игру “тетка”» (Пристрастные рассказы. С. 125).

88 См. в книге «О Маяковском»: «“Тетка” это такая игра, в которую проигрывает тот, у кого больше взяток» (с. 116).

89 В журнале «Летопись» (1917. № 2—4, 7—8) были напечатаны 5-я часть и пролог из поэмы Маяковского «Война и мир» (1915—1916). Кроме того, издательство «Парус», которым руководил Горький, выпустило сборник стихов Маяковского «Простое как мычание» (ноябрь 1916) и отдельное издание поэмы «Война и мир» (декабрь 1917).

90 Маяковский познакомился с А.М. Горьким, по свидетельству М.Ф. Андреевой, летом 1914 г. Разрыв отношений произошел в 1918 г., когда Горький подхватил и стал повторять сплетню, будто Маяковский заразил сифилисом девушку и шантажировал ее родителей.

которого очень любил Горький⁹¹.

Теперь, что же такое дом Бриков? Это был буржуазный дом, банкиры у них... поэт Липскеров⁹², который очень Лиле нравился. Она читала его стихи. Я помню только... «его жилета томен вырез». А рифма там: «Грустит и умирает ирис...»⁹³

Д: Снобистского типа.

Ш: Да. У Липскерова были стихи, посвященные Лиле Брик⁹⁴, то есть Маяковский пришел в дом мецената,

- 91 Исаак Бабель встретился с Горьким в Петрограде в 1916 г. Тогда же Горький напечатал в «Летописи» (№ 11) его первые рассказы «Мама, Римма и Алла» и «Илья Исаакович и Маргарита Прокофьевна».

В воспоминаниях «О Бабеле» Шкловский писал:

«Узнал Бабеля в горьковском журнале “Летопись” в 1915 году.

Высокий, еще не старый, сутулый, недавно приехавший Горький ходил по редакции, больной, недовольный.

Самым близким человеком в “Летописи” для него, как мне казалось, был Бабель. Ему он улыбался» (Шкловский В. Жили-были. С. 390).

- 92 Константин Абрамович Липскеров (1889—1954) учился живописи в мастерской Константина Юона, посещал кружок молодых поэтов при Валерии Брюсове. Впервые напечатался в журнале «Денди» в 1910 г. Осип Брик денежно помогал ему. Отправляясь в Туркестан в 1914 г., Брики взяли его с собой, поскольку он проявлял интерес к Востоку. Результатом этой поездки стала книга «Песок и розы: стихи» (М.: Альциона, 1916).

- 93 *Поверх крахмальных белых лат
Он в сукна черные затынут.
За ним глаза из лож следят, —
Глаза, которые обманут.
Его жемчужина блестит,
Его жилета плавлен вырез,
В петлице смокинга грустит,
Грустит и вянет темный ирис.*

(Липскеров К. Другой: московская повесть. М.: Альциона, 1922. С. 5). В укор тогдашней Лиле Брик Шкловский уже писал, что она до знакомства с Маяковским «любила какие-то стихи, “Розы и морозы” или “Песок и морозы”, кажется. И еще какую-то стишину “его жилета томен вырез”, не помню дальше, а потом где-то “грустит и умирает ирис”» (Шкловский В. Поиски оптимизма. М.: Федерация, 1931. С. 98).

- 94 С посвящением «Лиле Брик» напечатан сонет Константина Липскерова «Ош» из цикла «Туркестанские стихи» (Липске-

в котором бывали поэты. Потом там бывал много Михаил Кузмин, который тоже написал стихи Лиле⁹⁵. Но Михаил Кузмин серьезно относился к большевикам и очень любил Маяковского.

Д: Да что вы?!

Ш: Да, очень уважал.

Д: А Маяковский как к нему относился?

Ш: Никак. Теперь... Если всё рассказывать — будет много рассказывать. Что такое Ося? Ося человек умный, несмотря на то, что он сын /нрзб./ миллионера, он был искренне заинтересован в революции. Он не путался. Лиля принадлежит Маяковскому по праву победителя. Как человек, разбитая жизнь того общества, к которому она принадлежала, не могла жить. Она перешла в другой, так сказать, стан... Для нее это были другие люди.

Д: С которыми она раньше не встречалась?

Ш: Наверное.

Д: Вот с этой демократической...

Ш: Нет, я бывал у Оськи, потому что Оська издал журнал «Взят», один номер, он издал этот самый...

Д: «Облако...».

Ш: «Облако...». А Лиля «Облако...» переплела в парчу⁹⁶. И Ося говорил: «Вот как не понимают женщины стиль. Это же не парча». И у них был даже... была такая маленькая витринка из простого неструганого дерева, в которой стояли

ров К. Песок и розы. С. 32).

95 Лиле Брик Кузмин посвятил стихотворение «Выздоровивающей» (1917). См.: Кузмин М. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2000. С. 341—342.

96 В книге «Поиски оптимизма» Шкловский писал: «Женщина, которой посвятил Маяковский “Облако в штанах”, эта женщина переплела книгу в парчу. Парча самая неподходящая обложка для “Облака” <...>» (с. 98). В книге «О Маяковском» добавлено: «...в елизаветинскую лиловую парчу <...>» (с. 87). Это был бы верх изысканности и роскоши. Но сама Лиля Брик называет не парчу, а кожу: «Я была влюблена в оранжевую обложку, в шрифт, в посвящение и переплела свой экземпляр у самого лучшего переплетчика в самый дорогой кожаный переплет с золотым тиснением, на ослепительно белой муаровой подкладке» (Пристрастные рассказы. С. 28).

книжки футуристов⁹⁷, это был дом футуристов. Там и Хлебников бывал, Василий Каменский бывал.

Д: До Маяковского уже были футуристы?

Ш: Нет, нет, с Маяковским. Причем, Василий Каменский был в тот момент левее Маяковского, то есть он был против войны, он был яркий, так скажем, пораженец и говорил Володе: «Не, надо было писать “Громами ядер на мрамор Рима!”»⁹⁸ и так далее. Это в Новый год было. Праздновали Новый год.

Д: 16-й, да?

Ш: Да, 16-й год.

Д: Вы были на этом праздновании?

Ш: Был.

Д: Виктор Борисович, если вы были на этом праздновании, то разрешите задать несколько дополнительных...

Ш: У Лили было платье, сделанное из шелковой шали, сильно открытые красивые плечи, у Каменского был нарисован на щеке какой-то там жук и была одна бровь⁹⁹, и я был как-то костюмирован...¹⁰⁰

97 В книге «О Маяковском» Шкловский уже писал об этом: «...Ося устроил на стенке полочку из некрашеного дерева. И на полочке стояли все книги футуристов» (с. 87). Конечно, неструганое дерево ближе эстетике футуризма, чем только некрашеное.

98 Строка из стихотворения «Война объявлена» (20 июля 1914). См.: *Маяковский В.* Полное собрание произведений: в 20 т. Т. 1. С. 35.

99 В книге Шкловского «Поисках оптимизма»: «Хозяйка была с открытыми плечами, плечи выходили из куска шелковой шали». У Каменского «пиджак был обшит широкой полосой цветной материи. Одна бровь была сделана выше другой и черта уходила на лоб» (с. 103). В книге «О Маяковском»: «Хозяйка с открытыми плечами, задрапированными блестящим шелковым платком. <...> У Василия Каменского пиджак обшит широкой полосой цветной материи, одна бровь была сделана выше другой, на щеке птичка» (с. 92, 93). Лиля Брик запомнила это чуть иначе: «...Василий Каменский раскрасил себе один ус, нарисовал на щеке птичку и обшил пиджак пестрой набойкой» (Пристрастные рассказы. С. 33).

100 В «Поисках оптимизма»: «У меня грим был комический — я одет был матросом, и губы были намазаны, и приблизи-

Д: Ах, вы тоже все-таки футуристическому гриму поддавались?

Ш: Конечно, поддавался.

Д: Вас же Лившиц дает как «академического, с высоким воротничком, студента»...¹⁰¹

Ш: А Лившиц, а Лившиц был.../нрзб./, был бляденек, бляденек, с очень хорошо наполированными ногтями, как драгоценные камни. Он человек был способный, но боковой...

Д: Ну, конечно.

Ш: А когда он попал... он такое на себя наговорил, он обезумел¹⁰². Но, конечно, снобических элементов было много.

101 тельно выглядел я любовником негритянок» (с. 103).
Отсылка к описанию Шкловского в мемуарной книге Бенедикта Лившица «Полутораглазый стрелец» (1933): «...розовощекий юноша в студенческом мундире, тугой воротник которого заставлял его задирать голову даже выше того, к чему обязывает самый малый рост, действительно производил впечатление вундеркинда» (*Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец: стихотворения; переводы; воспоминания. Л.: Советский писатель, 1989. С. 462).

102 Бенедикт Лившиц (1886—1938), поэт, переводчик, мемуарист, был арестован 25 октября 1937 г. и расстрелян в ночь на 21 сентября следующего. Реабилитирован 24 октября 1957 г. Документы из его дела были напечатаны много позже, см.: Шнейдерман Э. Бенедикт Лившиц: арест, следствие, расстрел // Звезда. 1996. № 1. Но то, что происходило в застенке, секретом не было. Лидия Чуковская, например, узнала об этом от подельницы Лившица — Елены Тагер: «Во второй половине пятидесятых годов, после XX съезда, возвратилась из лагеря и долго — вплоть до реабилитации — гостила у Корнея Ивановича <Чуковского> в Переделкине писательница Елена Михайловна Тагер. В тридцать седьмом в Доме предварительного заключения состоялась у нее очная ставка с Бенедиктом Константиновичем Лившицем. Он был сед и безумен. Не обращаясь ни к конвою, ни к следователю, ни к Елене Михайловне, которую он не узнал, хотя десятилетие был знаком с ней, он произнес в пустоту какой-то невнятный монолог. Скоро его расстреляли — однако не раньше чем пытками лишили рассудка и выбили из него показания, по одним сведениям на 70, по другим — на две сотни человек, в том числе и на Елену Михайловну Тагер» (*Чуковская Л.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. Прочерк; Софья Петровна; Спуск под воду: повести. Стихотворения. М.: Арт-Флекс, 2001. С. 175).

Д: Это чувствуется по книжке¹⁰³. Я вот что хотел у вас спросить. Об этом вечере, то есть точно, о праздновании нового 1916 года у Лили Брик, мне рассказывал уже теперь покойный Моисей Павлович, тогда Натан Венгров¹⁰⁴.

Ш: Правильно.

Д: И он рассказывал, что играли в фанты, и Маяковскому вышло... Маяковский проиграл, в общем, и нужно было прочитать любимые стихи. И он начал читать «Медного всадника» и читал так хорошо, что никто не остановил, и что он прочитал его весь. Помните ли вы это (забыть это нельзя) или это плод фантазии?

Ш: Вы знаете, я не помню.

Д: Вы не помните?

Ш: Не помню, но Маяковский превосходно знал Пушкина, и вообще поэты... Асеев знал даже Сумарокова.../нрзб./

Стихотворенья дух, высокий дух —

то есть стихотворенья, не одно, а как создание стихов¹⁰⁵. Маяковский очень хорошо знал Пушкина, но я не помню...

103 Имеется в виду «Полутораглазый стрелец» (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933).

104 Натан (Моисей Павлович) Венгров (1894—1962) — детский поэт, прозаик, литературовед, литературный критик, педагог. С 1919 г. работал в Наркомпросе РСФСР у А.В. Луначарского.

105 Есть у Шкловского о том же, но более внятно: «Маяковский читал неожиданных для себя писателей, например, он знал Сумарокова. И читал из него строки. Я даже запомнил: “Стихотворенья дух, высокий дух...” Здесь стихотворенье — не в смысле написанное в стихах, а сотворение стиха. И Маяковский, открывший книгу у меня в библиотеке, узнал строку Сумарокова и начал читать. Для него это было интересно. Конечно, он знал многих писателей и поэтов, он знал почти всех».

Ничего подобного у Александра Сумарокова обнаружить не удалось. Скорее всего, приведенная строка — отголосок стихов Михаила Хераскова из поэмы «Россиада» (1779):

*О ты, витающий превыше светлых звезд,
Стихотворенья дух! приди от горних мест,
На слабое мое и темное творенье
Пролей твои лучи, искусство, озаренье!*

(Русская поэзия XVIII века / вступ. ст. и сост. Г. Макогоненко; примеч. П. Орлова. М.: Художественная литература, 1972. С. 270).

Д: Этого факта вы не помните.

Ш: Нет. А Натан Венгров...

Д: Может быть, это был 17-го года Новый год?

Ш: Нет-нет. А про Натана у нас была такая шутка. Маяковский спрашивает Натана Венгрова: «Дышу в петле — кто это?» Он говорит: «Пуговица»¹⁰⁶.

Д: Да, это я помню.

Ш: Ну вот. Ну, Натан Венгров, потом, когда уже был у Луначарского, говорил: «Видишь, какими столами я руковожу». Я не помню, я или Маяковский сказали: «Значит, ты столоначальник». Ну, это был маленький человек, не бездарный...

Д: Очень самолюбивый.

Ш: Очень самолюбивый. Ну вот, теперь, значит, ко времени... там висел...

Д: В квартире Бриков?

Ш: В квартире Бриков висел такой огромный кусок ватмана, на котором все писали стихи или рисовали.

Д: Что-нибудь помните оттуда? Кого-нибудь?

Ш: Кушнер¹⁰⁷ написал:

*Посмотри, о Брик, как там
Наследил гиппопотам.*

Неприятный человек. А Маяковский написал:

*Бегемот в реку шнырял,
обалдев от Кушныря*¹⁰⁸.

Д: Это Крученых опубликовал...¹⁰⁹

106 Возможно, Натан Венгров укоряет Маяковского: «Неужели Вы не понимаете, что я дышу в петле?» Но Маяковский его добивает: «А это потому, что Вы — пуговица!»

107 Борис Анисимович Кушнер (1888—1937) — поэт и прозаик футуристической ориентации, один из организаторов ОПОЯЗа (см. дальше), автор поэмы «Тавро вздохов» (1915), стихотворного сборника «Семафоры» (1917), книжек прозы «Самый сильный с улицы» (1917) и «Митинг дворцов» (1918). Позже — очеркист.

108 В «Поисках оптимизма» добавлено: «Гиппопотам, кажется, был работы Бурлюка» (с. 98).

109 Это двустигшие впервые опубликовано в книге «Литературные шушу(т)ки. Литературные секреты», изданной под редакцией Крученых тиражом 100 экземпляров (М., 1928).

Ш: Да. И там я что-то рисовал, много рисовал, почему-то /нрзб./ рисовал¹¹⁰.

Д: Вы?

Ш: Нет. Рисовал Лилю Давид Бурлюк. Это было... видите, для Лили... для Лили Брик это был салон, для футуристов это было место, где можно было пить чай.

Д: И не только чай, наверное?

Ш: Нет, пили мало.

Д: Пили мало?

Ш: Пили мало. Это было такое пристанище, где можно было отдохнуть, устав. Я спал там. Время было трудное. А для Маяковского это был дом — дом, где ему рады, его любил Брик и ценил, а Лилия считала одним из людей, которые за ней ухаживали.

Д: Каких было уже тогда много, да?

Ш: Уже накапливалось. Там был такой еврейский сноб... Израилевич...¹¹¹

Д: Израилевич?

110 В книге «О Маяковском»: «Бурлюк наклеивал какие-то пирамиды, я рисовал лошадок, похожих на соски» (с. 87). По свидетельству Лили Брик, «Бурлюк рисовал небоскребы и трехгрудых женщин, Каменский вырезал и наклеивал птиц из разноцветной бумаги, Шкловский писал афоризмы: “Раздражение на человечество накапливается по капле”» (Пристрастные рассказы. С. 38). Роман Якобсон припомнил рисунок: «Лилия, а Ося сидит и работает, и было написано: “Лилия вращается вокруг Оси”» (Якобсон-будетлянин: сб. материалов / сост., подгот. текста, предисл. и коммент. Бенгта Янгфельдта. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1992. С. 34).

111 Яков Львович Израилевич (1872—1942) — из богатой купеческой семьи. Учился на юридическом факультете, коллекционировал живопись. Его собственный портрет (1916) работы Бориса Григорьева хранится в Русском музее. Одно время Израилевич был секретарем М.Ф. Андреевой (о ней ниже), затем директором Дома писателя имени Маяковского в Ленинграде. Знакомые звали его Жаком. В «Третьей фабрике» это «Жак — по прозвищу Безумный»: «Жак был человек талантливый и много работавший, но без определенных занятий. Неверный и самоотверженный — и самоотверженный от некуда себя давать» (с. 110).

Ш: Да.

Д: А, я с ним встречался.

Ш: Яков Израилевич. Израилевич был...

Д: Он за Лилей ухаживал?

Ш: Да.

Д: И небезуспешно?

Ш: Он с ней жил.

Д: Это в какое время? Ах, да-да, он потом заведовал Домом писателя в Ленинграде, домом Маяковского. Это этот самый. Он представительный довольно мужчина, недурен собой, такой красивый еврей. Но я его знал уже в 30-х годах, ему было лет сорок семь — сорок восемь. А потом мне Рита Яковлевна Райт рассказала как раз о Лиле и нем такой эпизод, который чрезвычайно закругляет... значит, Лиля встретила где-то (очевидно, позже) с Израилевичем, и Израилевич что-то острил, как-то себя активно держал, публично, Лиля (не знаю, какие у нее были на это причины), глядя, так сказать, сквозь него, громко, при всех, сказала: «Говно!» — и пошла прочь¹¹².

Ш: Это похоже.

Д: Похоже?

Ш: Похоже. Он умер. Он был антикваром.

Д: Да-да.

Ш: Он дрался за нее с Маяковским¹¹³.

112 В магнитофонной записи беседы Дувакина с Ритой Райт этого эпизода нет. Но, повторяя ее рассказ 18 августа 1968 г. под запись, Дувакин добавляет: «...мы по улице шли под руку, и она мне рассказывала...» (*Азарх-Грановская А. Воспоминания: беседы с В.Д. Дувакиным. Иерусалим: Гешарим, 5761; М.: Мосты культуры, 2001. С. 39*).

113 В 1977 г. Р.О. Яacobсон рассказывал:
«Маяковский очень ревновал Лилю к человеку, которого звали Жак. Жак был настоящий бретер, очень неглупый, очень по-своему культурный, прожигатель денег и жизни. <...>

После революции Жак одно время очень подружился с Горьким. Он был человек, который всегда оказывал услуги. Как-то Володя встретился с Жаком на улице. Тот шел с Горьким. Один другого подцепил, вышло что-то вроде драки, после чего Горький страшно возненавидел Маяковского» (Яacobсон-будетлянин. С. 39).

Д: Дрался?!

Ш: Дрался. Руками. Они подрались.

Д: Из-за Лили?

Ш: Из-за Лили. Потом он страшно /нрзб./ Марии Федоровне Андреевой¹¹⁴. Он был очень сильно принят в доме Горького, и, может быть, он был человеком, который поссорил Горького с... <Маяковским>.

Д: Может быть, он, да?

Ш: Да.

Д: Он производит впечатление вообще литературного авантюриста. Не знаю, у меня такое...

Ш: Он был несчастный человек.

Д: Несчастный?

Ш: Несчастный. Его очень любили бабы. Он любил дарить вещи, не всегда ему принадлежащие, он мог подарить и чужую вещь, но у Лили был с ним роман. А то, что она сказала про него, — довольно точно.

Ну вот, что же... Теперь, у Оськи, у Осипа Максимовича был настоящий талант теоретика литературы. То, что сделал в теории стиха Роман Осипович Якобсон¹¹⁵, — это то, что сделал Брик, как Роман Якобсон признавал. Но Брик никогда не записывал, а разговаривал. Он человек до такой степени инертный и не желающий жить, что

По воспоминаниям Лили Брик, Маяковский, прочитав письмо Израилевича, адресованное ей, «в умоисступлении» от ревности помчался с дачи в Петроград. «Поехали и мы с Осей. Мы были дома, когда пришел Володя и рассказал нам, что встретил И. на улице (надо же), что тот бросился на него и произошла драка. Подросла милиция, обоих отвели в отделение, И. сказал, чтобы оттуда позвонили Горькому, у которого И. часто бывал, и обоих отпустили. Володя был очень мрачен, рассказывал это и показал свои кулаки, все в синяках, так сильно он бил И.» («Якобсон-будетлянин» С. 139).

114 М.Ф. Андреева (1868—1953) — актриса, жена Горького с 1904 по 1921 г. После захвата власти большевиками несколько лет заведовала театральным отделом Петросовета. В 1931—1948 гг. — директор Московского Дома ученых.

115 Роман Осипович Якобсон (1896—1982) — один из крупнейших лингвистов XX в., стиховед и литературовед, участник и исследователь русского авангарда, близкий друг Маяковского, друг детства Лили Брик и Эльзы Триоле.

он никогда ничего не написал¹¹⁶, но он сильно руководил Маяковским и выдумывал идеологии...

Д: Он?

Ш: Он.

Д: Главный выдумщик был он?

Ш: Он. Ну, если не считать меня. Но... я его не уважал. Он меня любил. Но он настоящий человек, гораздо больший, чем Лиля. Она его любила. Она обижалась, что он не ревнует. Когда-то давно...

Д: А он что же, был?..

Ш: Он не был импотентом. Он был циник. Когда она пришла и сказала: «Вот, я только что изменила». Он сказал: «Ну что ж, прими ванну»¹¹⁷.

116 Шкловский ценил и статью О.М. Брика о звуковых повторах, и его работу о ритме. Но обещано было намного больше, чем сделано. И в «Третьей фабрике» есть даже укоризненная глава «Брик продолжает отсутствовать», в которой автор пытается его растормошить:

«Почему Брик не пишет?

У него нет воли к совершению. Ему не хочется резать, и он не дотачивает свой нож.

Он человек уклоняющийся и отсутствующий.

В его любви нет совершения. И всё от осторожной жизни.

Если отрезать Брику ноги, то он станет доказывать, что так удобней. <...>

— Брик, где твоя книга? — спросила тебя Лариса Рейснер.

Брик, нельзя жить не всерьез. <...>

Нам нужна книга и ты, Брик.

Неужели тебя выпили с чаем?

Зазвенели по телефону?

Истожили в маленьких победах?» (с. 62, 63).

117 Фраза Осипа Брика, известная от Лили Брик. Так, с ее слов шведский исследователь русского авангарда Бенгт Янгфельдт рассказывает, как однажды на прогулке она столкнулась с двумя молодыми людьми из московского бомонда и отправилась вместе с ними в оперетту, а потом в ресторан, где было выпито много вина. «...И следующим утром она проснулась в комнате с огромной кроватью, зеркалом на потолке, коврами и задернутыми шторами — она провела ночь в знаменитом доме свиданий в Аптекарьском переулке. Спешно вернувшись домой, она рассказала обо всем Осипу, который спокойно сказал, что ей нужно принять ванну и обо всем забыть» (Янгфельдт Б. Ставка — жизнь: Владимир Маяковский и его круг. М.: КоЛибри, 2009. С. 65).

Д: Страшно цинично.

Ш: Ну вот. Он ее не любил, а он был... Он ее не любил.

Д: Когда он умер, то все как раз почувствовали, что вот тут только Лиля Юрьевна овдовела.

Ш: Она его любила. Она его любила. Но он ее сводничал. Когда она потеряла Примакова, то он ей подsunул этого... Катаняна¹¹⁸. Я /нрзб./ Гали Катанян¹¹⁹. Он циничен очень.

Д: Вот в этом смысле и надо понимать ваше выражение, что вы говорите, что вы его не уважали?

Ш: Кого?

Д: Брика.

Ш: Не уважал. Он совершенно не героический человек, героического нету. Ну, и рядом... Ведь история такая. Маяковский — революционер, демократ, очень /нрзб./, которому для себя ничего не нужно. Маяковский любил Лилу. Перед этим он одно время увлекался Эльзой¹²⁰, в него влюблена была Лариса Рейснер¹²¹.

118 Виталий Маркович Примаков (1897—1937) — муж Лили Брик с осени 1930 г.; командир Червоного казачества в Гражданскую войну, с 1935 г. в звании комкора заместитель командующего Ленинградским военным округом. Арестован в августе 1936 г., расстрелян 12 июня 1937 г. вместе с группой высших советских военачальников во главе с маршалом М.Н. Тухачевским, обвиненных в организации заговора с целью захвата власти. Василий Абгарович Катанян (1902—1980) — муж Лили Брик с 1937 г. (официально брак зарегистрирован в 1956); биограф Маяковского, автор капитальной «Хроники жизни и деятельности поэта» (5-е изд. М.: Советский писатель, 1985), мемуарист, писатель.

119 Галина Дмитриевна Катанян (1904—1991) — первая жена В.А. Катаняна, мать кинорежиссера и мемуариста Василия Васильевича Катаняна (1924—1999).

120 Эльза Юрьевна Каган (1896—1970) — младшая сестра Лили Брик. С Эльзой Маяковский познакомился осенью 1913 г., более чем за полтора года до того, как увлекся Лилей. В 1918 г. Эльза вышла замуж за французского офицера Андре Триоле и под его фамилией стала известной французской писательницей и переводчицей. Развелась в 1921 г. С 1928 г. жена Луи Арагона. Лауреат Гонкуровской премии (1944).

121 Лариса Михайловна Рейснер (1895—1926) — журналистка, писательница; легендарная красавица и прообраз женщины-комиссара в «Оптимистической трагедии» (1932) Всеволода Вишневского. Сотрудничала в журнале «Летопись»

Д: Даже так?

Ш: Да. В него влюблена была Зина Райх¹²². А он любил Лилу. Долго любил, покамест /нрзб./ Но он, значит, был упрямый. Он столько написал и наговорил, что он держался за свою любовь. И он ее любил верно. Я помню, когда Маяковский читал на Бассейной улице стихи у художницы Ермолаевой и пришел Горький с Александром Тихоновым¹²³, то Маяковский, для которого Горький был большим человеком, заплакал, и прервали заседание...¹²⁴

Д: Вы видели, как он плакал?

и газете «Новая жизнь». Известны ее романы с Николаем Гумилёвым и Карлом Радеком. Была замужем за Ф.Ф. Раскольниковым. При нем состояла флаг-секретарем на Волжской флотилии. Служила комиссаром Морского Генштаба. В книге «О Маяковском» Шкловский говорит об отношении Ларисы Рейснер к Маяковскому осторожнее: «В комнате сидела светловолосая девушка, которая, вероятно, любила Маяковского» (с. 102).

122 Зинаида Николаевна Райх (1894—1939) — жена С.А. Есенина (в 1917—1921) и В.Э. Мейерхольда (с 1922), актриса его театра. В спектакле «Баня» по пьесе Маяковского в Государственном театре имени Вс. Мейерхольда (премьера 16 марта 1930) исполняла роль Фосфорической женщины.

123 Александр Николаевич Тихонов (псевдоним Серебров; 1880—1956), писатель, друг Горького, был в это время издателем и редактором журнала «Летопись» и совладельцем издательства «Парус» (1915—1918).

124 В книге «О Маяковском» Шкловский рассказывает об этом чтении (1 декабря 1915) подробнее:

«Раз Маяковский читал свои стихи. Устроили чтение на Бассейной улице в квартире художницы Любавиной. Пришел Алексей Максимович Горький, высокий, немножко сутулый, с ежиком, в длинном сюртуке. За ним Александр Николаевич Тихонов. Маяковский начал с доклада, говорил невнятно о прежних поэтах, которые писали в своих усадьбах, имея веленевую бумагу, говорил, ссылаясь на меня, а потом заплакал и ушел в соседнюю комнату.

Плакал, потом вышел, читал свои стихи.

Горький его любил тогда» (с. 84).

Лилия Брик тоже называет местом этого чтения квартиру Любавиной, а не Ермолаевой (Пристрастные рассказы. С. 44). Художница Надежда Ивановна Любавина тогда жила на Бассейной улице, в доме 58, а художница Вера Михайловна Ермолаева (1893—1927) — в Басковом переулке, в доме 4.

Ш: Я видел, как он плакал.

Д: Это единственный раз?

Ш: Нет, дважды. И он, значит, говорил: «Что Лилечка скажет, что я плакал?» А Лиля... Я за Лилей никогда не ухаживал, я был влюблен в Эльзу.

Д: «Zoo»¹²⁵.

Ш: И «Zoo» связано с «Про это». Связано чем? Например, если вы хорошо помните «Zoo», там есть наводнение¹²⁶, и наводнение случайно попало в «Про это».

Д: А он знал уже «Zoo» тогда?

Ш: Конечно, знал, она же была издана в Берлине, то есть эта вещь, построенная на влюблении /нрзб./ футуристами влюблении, она открыла эту дорогу. «О госпожи мои Алины туфли!» Помните? Из «Zoo».

Д: А, из «Zoo»! А, помню-помню. А тут:

*С дивана,
сдвинут воды задеванием,
в окно проплыл чемодан¹²⁷.*

125 Шкловский В. Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза. Отдельные издания: Берлин: Геликон, 1923; Л.: Атений, 1924; Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. Поздние вставки воспроизведены в издании: Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М.: Новости, 1990.

126 Берлинское наводнение описано в письме десятом: «Вода на прибыли.

Она затопила весь Берлин, и поезд унтергрунда всплыл в туннеле дохлым угрем, вверх брюхом.

Она вымыла из аквариума всех рыб и крокодилов. Крокодилы плывут, не проснулись, только скулят, что холодно, а вода поднимается по лестнице.

11 футов. Она у тебя в комнате. В Алину комнату входит тихо: на лестнице воде негде раскататься. Но в комнате воду встречают Алины туфли. Дальше — пьеса.

Туфли. Зачем вы пришли? Алик спит! (Они тебя тоже любят.)

Вода (тихим голосом). Одиннадцать футов, госпожи туфли! Берлин весь всплыл вверх брюхом, одни тысячемарковые бумажки видны на волнах. Мы — реализации метафоры. Скажите Але, что она снова на острове: ее дом опоясан ОПояЗом» (см.: Шкловский В. «Еще ничего не кончилось...» М.: Пропаганда, 2002. С. 293).

127 Из поэмы Маяковского «Про это» (1923). См.: Маяковский В.

Ш: Да, о том, как крокодилы плавают и как вода уходит. Ну вот. Володя, очень хороший человек, очень хороший сын, очень наивный коммунист, настоящий революционер, он был человек будущего. Лиля, умная женщина, которая, если бы у нее был хороший человек, она была бы хорошей женщиной, но так как рядом с ней был циничный человек, она оказалась циничной. Ну вот. Она... не то что карьеристка, она любит принимать участие в событиях.

Д: То есть честолюбие.

Ш: Она честолюбива.

Д: Ну, а нет в ней, уж простите за такой прямой вопрос, в их... вот вы сказали, буржуазная семья, вообще, все-таки традиции... накопления, жадности... хищности, так сказать?

Ш: Видите, тут трудно сказать. У Оськи не было.

Д: Несмотря на то, что он...

Ш: Потому что Оське на всё наплевать, и на деньги ему наплевать было. Он, как мне кажется, не пытался спасти папины деньги. А у Лили все-таки, конечно, остались его бриллианты. Вы бывали у Лили?

Д: Я бывал у них очень мало и очень официально.

Ш: Видите, теперь так. Семью содержал Володя, лет четырнадцать. Всё. Оплачивал все счета. Но Лили дала Володе какой-то нравственный упор. Она была центром его биографии, до Яковлевой¹²⁸, и так как Володя был хороший человек, то он, умирая, не имея состояния, завещал ей свое имя...¹²⁹ Он не проклял ее.

Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 4. 1922 — февраль 1923 / подгот. текста и примеч. В.А. Арутчевой и З.С. Паперного. М., 1957. С. 148.

- 128 С Татьяной Алексеевной Яковлевой (1906—1991) Маяковский познакомился в Париже 25 октября 1928 г. Их отношения отразились в стихотворениях «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви» и «Письмо Татьяне Яковлевой» (оба — 1928).

- 129 Отсылка к предсмертному письму Маяковского (12 апреля 1930):

«Товарищ правительство, моя семья — это Лилия Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская. Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо.

Д: А имел бы основания, да?

Ш: Понимаете, они с ним поступали жестоко...

Д: Они с ним?

Ш: Они с ним поступали жестоко. Когда Володя оставался один /нрзб./, ему ничего не нужно было, ему ничего не нужно было... Ну, что ему нужно: чистая рубашка...¹³⁰ пить он не пил...

Д: Он не пил?

Ш: Нет. Он любил стихи, любил теорию литературы. Верил в очень быстрый успех революции.

Д: ...верую в ярую,
верую в скорую¹³¹.

Вы в книжке цитируете другое место.

Ш: Да. Поэты нетерпеливы. Они думают, что счастье, разное счастье, в том числе и счастье революции, наступит скоро. Ну вот, так и Володя. Ну, и когда это затянулось, то он оказался одиноким. У него не было семьи.

Д: А когда вы считаете, с Лилей затянулось? Вот как вы трактуете биографически «Про это»? Это расставание?

Ш: Расставание. Она хотела уйти к Краснощекову¹³².

Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся» («В том, что умираю, не вините никого»?.. С. 39—40, 45).

130 Отсылка к поэме «Во весь голос» (декабрь 1929 — январь 1930):

*И кроме
свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо.*

(Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 10. 1929—1930. Стихи детям 1925—1929. М., 1958. С. 285).

131 Из стихотворения Маяковского «Нордерней» (4 августа 1923). См.: Маяковский В. Полное собрание произведений: в 20 т. Т. 1. С. 298.

132 Александр Михайлович Краснощеков (1880—1937) — государственный деятель, участник социал-демократического движения с 1896 г., большевик с 1917 г. В 1920—1921 гг. председатель правительства и министр иностранных дел Дальневосточной республики. Отозванный в Москву, стал председателем Промбанка СССР и заместителем министра финансов, членом президиума ВСНХ РСФСР (1922—1923). В сентябре 1923 г. неожиданно арестован и обвинен в злоупотреблениях в Промбанке. В марте 1924 г. приговорен

Д: Это вот директор ГУМа, бывший красный партизан? Судили его за...

Ш: Да. Он не директор <ГУМа>, он директор... банка, банка.

Д: Дело Краснощекова.

Ш: Он был крупный деятель Коммунистической партии на Дальнем Востоке.

Д: А потом здесь, во время НЭПа, на хозяйственной работе был. И было организовано дело Краснощекова.

Ш: Его посадили. Лиля взяла его дочку себе¹³³ и развелась... видимо, развелась с Бриком.

Д: Развелась?

Ш: Да. И уехала из бриковской квартиры на новую квартиру на какой-то Олений проезд в Сокольниках.

Д: А, я знаю, Олений вал¹³⁴.

Ш: Да. И я помню, Лилия говорит Осе: «Прощай, Брик», а он ей отвечает: «Прощай, Каган». Эта ее девичье имя. Она приняла новую фамилию.

Д: Но потом опять.

Ш: Опять стала...

Д: И уехала... А на Оленьем валу она, что же, жила с Краснощековым?

к шести годам одиночного заключения. Амнистирован в январе 1925 г. С 1926 г. возглавлял Главное управление новых лубяных культур наркомзема СССР и Институт нового лубяного сырья. Повторно арестован в 1937 году и 25 октября расстрелян.

Роман Краснощекова с Лилей Брик начался летом 1922 г. В Лефортовскую тюрьму, где сидел Краснощеков, Лилия Юрьевна носила еду, вещи и книги. 9 ноября 1924 г. она написала записку Л.Б. Каменеву, председателю Моссовета, члену Политбюро ЦК ВКП(б), заместителю председателя Совнаркома и члену ВЦИК СССР, с просьбой о встрече. Неизвестно, состоялась ли эта встреча, но уже 20 ноября Краснощеков был переведен из камеры в тюремную больницу, а через полтора месяца из больницы выпущен на свободу.

133 Речь о Луэлле Александровне Краснощековой (по мужу — Варшавской; 1910—2002).

134 Полтора года, начиная с октября 1924 г., общая квартира Бриков и Маяковского была по адресу: Большая Оленья улица, д. 27.

Ш: Очевидно.

Д: Они же там с Маяковским, по-моему, жили.

Ш: Потом они с... Краснощекова уже посадили.

Д: Краснощекова посадили позже, в 24-м году.

Ш: Ну, во всяком случае, он...

Д: Вы знали Краснощекова?

Ш: Нет. Вот это «Про это» — это про Краснощекова. Это уход к Краснощекову. А потом там был Малкин Борис¹³⁵.

Д: Тоже влюбленный был.

Ш: Тоже влюбленный. Потом там был Осип Мартынович Бескин...¹³⁶

135 Борис Федорович Малкин (1891—1938) — партийный работник, издатель. С 1908 г. член партии социалистов-революционеров. После Октябрьской революции член президиума ВЦИК II и VI созывов. Руководил Петроградским телеграфным агентством, был одним из редакторов «Известий». В марте 1918 г. перешел в РКП(б). В 1918—1921 гг. возглавлял Центральное агентство по распространению печати при ВЦИК (Центропечать). В 1923 г. был директором издательства «Молодая гвардия». В 1930-е гг. директор Изогиза (с 1938 издательство «Искусство»). На групповом снимке, сделанном Александром Родченко в апреле 1924 г., запечатлен вместе с Маяковским и Шкловским (см.: *Волков-Ланит Л.* Александр Родченко рисует, фотографирует, спорит / предисл. Льва Кассиля. М.: Искусство, 1968. С. 154). Маяковский в письмах Лиле Брик (2-я половина сентября 1923, 9 ноября и 6 декабря 1924) и она в письмах ему (8 декабря 1924 и 14 октября 1928) называют Малкина — Малочка.

136 Осип Мартынович Бескин (1892—1969) — член правления Госиздата (1923—1925), ответственный редактор журнала «Советское кино» (1927—1929), ученый секретарь Института литературы и искусства Комкадемии (1929—1931). Стал прообразом Ефима Мартыновича в рассказе Александра Солженицына «Абрикосовое варенье» (1994). Представлен здесь как «боевой марксистский критик, известный сокрушительно разгромными статьями по одним писателям и победоносно похвальными по другим» (*Солженицын А.* Собрание сочинений: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 381). В декабре 1925 г. оказался на общей фотографии вместе со Шкловским, Бриками и Маяковским, только что вернувшимся из США. В столовой на Гендриковом переулке Александр Родченко сделал выразительную фотографию, передающую напряженные драматические отношения между Маяковским, Лилей Брик и Осипом Бескиным (см.: *Волков-*

Д: Это уже позже.

Ш: ...большой специалист /нрзб./ Мы его звали «мелкий Бескин»¹³⁷. (Усмехается.) А с Гандельманом у нас были такие штуки...

Д: С кем?

Ш: С Гандельманом. Был такой банкир, который, любил Лилию Брик.

Д: Это в какие же годы?

Ш: Это было... до революции.

Д: Ага. А Бескин — это последний.

Ш: И вот, значит, я встречаюсь с Гандельманом и постоянно говорю: «Здравствуйте. Шкловский». И он мне говорит: «Это невежливо. Когда же вы научитесь меня узнавать?» Я взял носовой платок, перевязал ему руку, сказал: «Не снимайте, я буду вас постоянно узнавать».

Д: Хамеж, конечно.

Ш: Страшный хамеж, который...

Д: Но он того стоил, да?

Ш: ...привел в восторг Брику, но он сказал: «Всё же нельзя так, это мой гость». Снял с него повязку. Тот растерялся.

Д: А он кто был?

Ш: Богач¹³⁸.

Ланнит Л. Александр Родченко рисует, фотографирует, спорит. С. 88). В январе 1926 г. Лилия Брик жила у него. С 25 по 29 января Маяковский шлет ей телеграммы из поездки по Украине на адрес Бескина. 1 февраля она уже отвечает Маяковскому из его комнаты в Лубянском проезде.

137 Этот каламбур был запущен Шкловским. И даже этим он сумел воспользоваться, чтобы перетянуть Бескина на свою сторону: «Я прозвал Бескина — мелким Бескиным. Он узнал об этом, а мне нужно было проводить в Госиздате книгу. Все мне говорили: пропала ваша книга! Я пошел к Бескину и сказал ему: “Знаете, я вас прозвал мелким Бескиным, но ведь вы не такой человек, чтобы из-за этого потопить мою книгу”. Так он за меня на стенки лез. И всем рассказывал: “Знаете, Шкловский меня прозвал мелким Бескиным, а я печатаю его книгу”» (см. *Гинзбург Л.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе / вступ. ст. А.С. Кушнера. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 306).

138 В книге «О Маяковском» Шкловский рассказывает эту исто-

Д: Но это еще, значит, 16-й — 17-й год?

Ш: 17-й.

Д: Понятно.

Ш: Так что, видите...

Д: А Краснощеков?

Ш: Краснощеков — это... Это вы можете по газетам посмотреть.

Д: Ну да, я помню очень хорошо сам, я следил за этим делом, без всякого отношения к Маяковскому, я тогда не занимался Маяковским.

Виктор Борисович, я еще хочу одну проверку сделать, чрезвычайно, так сказать, острую. Я сам вам... стихи, строчки, которые мне еще при жизни Сталина передавали, я их не записал, но запомнил как строки Маяковского, связанные с Краснощековым и с Троцким. Слышали ли вы их когда-нибудь?

рию, называя свою жертву не Гандельманом, а Кричевским:

«Как встречались старые бриковские знакомые с новыми?

Мы их постепенно вытесняли.

Помню, был такой человек Кричевский, вероятно, фабрикант. Я с ним встречался много раз. <...>

Встречаясь с Кричевским, я ему всегда говорил:

“Виктор Шкловский”.

Маленький, хорошо одетый человек, наконец, обиделся и сказал:

— Мы познакомились много раз. Когда вы научитесь меня узнавать?

Я ему ответил:

— Повяжите себе руку носовым платком, и я вас всегда буду узнавать» (с. 86).

В той же книге появляется и Гандельман:

«Мы собирались также на Литейном, в доме Мурузи, в бывшей квартире бывшего банкира Гандельмана.

<...> Она похожа на Сандуновские бани.

Раз, когда подходил Юденич, во время заседания литературной студии, вошел Гандельман с женой. Мы разговаривали о “Тристраме Шенди”. Гандельманша прошла сквозь нас и начала поднимать подола хаслов на креслах, смотреть, не срезали ли мы креслину кожу.

Потом Гандельманша исчезла» (с. 150—151).

Ирина Одоевцева называла хозяина этой квартиры Гандельблатом (Одоевцева И. На берегах Невы // Одоевцева И. Избранное. М.: Согласие, 1998. С. 223).

*Я — от Лили, Краснощековым взлелеянной,
вы — от интендантских выдач,
оба мы получили по шее,
уважаемый Лев Давыдыч.*

Слышали такие?

Ш: Нет.

Д: Я не уверен, конечно, в подлинности этого текста. Я, конечно, не включил бы <в корпус стихотворений Маяковского>, поскольку это... «Интендантских выдач» — Царицын, Сталин.

Ш: Да. Он, значит... он никогда не склонялся в сторону Троцкого, как и Брик не склонялся. У них там постоянно чекисты торчали, и после ухода... Там Агранов постоянно бывал¹³⁹.

Д: Что это за фигура? Какую роль он в смерти играл?

Ш: Когда Володя умер и я пришел туда, на похороны, мне Агранов говорит: «И быть в любви жестоким очень легко — надо только не любить» (это цитата из «Zoo»)¹⁴⁰ — и показал мне пулю, вынутую из Маяковского. Маяковский стрелялся стоя. Пуля вошла в сердце, но оказалась в голове...¹⁴¹ Ну вот.

139 Яков Саулович Агранов (1893—1938) — с 1919 г. сотрудник ВЧК — ОГПУ — НКВД, специализировавшийся на работе с интеллигенцией, проводник изошренных репрессий. С 1923 г. заместитель начальника, с 1929 г. начальник Секретного отдела. В 1930-е гг. вырос до первого заместителя наркома внутренних дел, начальника Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. Комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935). В квартире Маяковского и Бриков в Гендриковом переулке Агранов стал своим человеком с 1928 г. В этом же году, в первой половине лета, он был сфотографирован в группе рядом с Маяковским на дачной веранде в Пушкине. Снимок воспроизведен, в частности, в кн.: Катанян В. Распечатанная бутылка / сост. Я.И. Гройсмана: вступ. ст. В.В. Катаняна. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 1999. Вклейка между с. 64 и 65.

140 Из письма четвертого: «И быть жестоким легко, нужно только не любить» (см.: Шкловский В. «Еще ничего не кончилось...». С. 280).

141 Дежурный следователь описал тело на месте гибели: «На груди на три сантиметра выше левого соска имеется рана круглой формы диаметром около 2 третей сантиметра. <...>

Д: Ее вынули из головы, да?

Ш: Да. Ну, он ведь был /нрзб./ Я был... когда была выставка Маяковского, из всех писателей пришел я один¹⁴².

Д: Да, я знаю, Бромберг мне об этом рассказывал¹⁴³.

Ш: Он был ужасно печален, и вообще ведь, видите, я когда-то написал, что Маяковский никогда не шутил. Мне Лиля сказала: «Конечно, кому неинтересно /нрзб./, но он всегда шутил». А Володя со мной никогда не шутил.

Д: Простите, она говорит, что он всегда шутил?

Ш: Да. Потому что его тон... Почему мы поссорились? Я как-то неосторожно...

Выходного отверстия нет. С правой стороны на спине в области последних ребер под кожей прощупывается твердое инородное тело, не значительное по размеру» («В том, что умираю, не вините никого»?.. С. 98, 100). Как показало позднейшее исследование рубашки, бывшей на Маяковском в момент выстрела, пистолет он держал в правой руке. Стрелял, прижав срез ствола к поверхности рубашки под углом (боковой упор). Войдя в тело выше левого соска, пуля вполне могла застрять «в области последних ребер». Оттуда она и была извлечена. А оказаться в голове никак не могла. В тот же день мозг Маяковского был изъят сотрудниками Института мозга, где он хранится поныне. Никаких повреждений мозга обнаружено не было.

142 Маяковский разослал приглашения на открытие выставки И.В. Сталину, В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову, Л.М. Кагановичу, Г.Г. Ягоде и другим руководителям, а также таким писателям, как Федор Гладков, Всеволод Иванов, Леонид Леонов, Юрий Олеся, Михаил Светлов, Илья Сельвинский, Николай Эрдман и др. Но пришли, кроме Шкловского, только Александр Безыменский и Семен Кирсанов. Был еще Александр Родченко с женой — Варварой Степановой. И много молодежи. В зал на 200—250 мест, где Маяковский читал поэму «Во весь голос», набилось человек 300—350.

143 Артемий Григорьевич Бромберг (1903—1968) — коллега Дувакина по Государственному литературному музею, помощник Маяковского при устройстве выставки «20 лет работы». Выставка была развернута в Москве — сначала в клубе Федерации советских писателей (1—22 февраля 1930), затем в Центральном Доме комсомола Красной Пресни (18—25 марта 1930). Два десятилетия возглавлял молодежную бригаду по изучению и пропаганде творчества Маяковского, организовавшуюся в феврале 1930 г. на этой выставке.

Д: С Лилей поссорились?

Ш: Да. Второй раз когда поссорились.

Д: А первый?

Ш: Первый раз? Она что-то сказала, и я, не хотя ее обидеть, сказал: «Ты пользуешься правами хозяйки дома». Она это довольно правильно поняла: «домохозяйки». То есть она выступила как верховный жрец, понимаете? А я сказал, что она хозяйка дома. Это очень обидно. Тут произошло...

Д: Хозяйка дома? Что же тут?.. Простите, что-то не улавливаю...

Ш: Домохозяйка.

Д: А-а-а!

Ш: Домохозяйка, понимаете?

Д: А, то есть ниже намного.

Ш: Да. Я не хотел этого сказать, но мы поссорились, и я на этом расстался, я ушел.

Д: Это вот вы ушли с заседания ЛЕФа¹⁴⁴.

Ш: Да.

Д: Это вот... Лиля (Елизавета Лавинская), которая очень раздражена была против Лили <Брик>, очень зло о ней говорила, давно, до войны это было (она умерла давно), она мне рассказывала. Вот я помню точно ее рассказ. Что она <Лиля Брик>, так сказать, не допускала никого, кто

144 ЛЕФ (Левый фронт искусства) — возглавляемое Маяковским творческое объединение энтузиастов актуального революционного искусства, искусства как жизнестроения. Существовало в 1922—1928 гг. Отвергая художественную преемственность, пассивное бытописание и психологизм, левовцы ратовали за новизну форм, литературу факта, утилитарность, социальный заказ. ЛЕФ издавал толстый литературно-художественный и теоретико-пропагандистский журнал «ЛЕФ» (1923—1925. № 1—7), а затем той же направленности тонкий ежемесячник «Новый ЛЕФ» (1927—1928; всего вышло 22 номера). 26 сентября 1928 г. Маяковский выступил в Большой аудитории Политехнического музея с разговором-докладом «Левей ЛЕФа!», а затем попытался организовать более сплоченный, целенаправленный и агрессивный РЕФ (Революционный фронт), но рассорился с товарищами и ушел к прежним конкурентам — в РАПП (Российскую ассоциацию пролетарских писателей).

вообще как-то самостоятельно... враждебно относилась ко всякому, кто как-то самостоятельно общался и воздействовал, так сказать, на Маяковского, охраняя его. И вот, говорит, помню сцену в ЛЕФе, как с чем-то с ней не согласился Шкловский, она ему что-то возразила, он ей, и потом... Тут я цитирую ее фразу: «Я помню истерический бабий визг: “Володя, выведи Шкловского!” Шкловский встал и сказал: “Не трудись, Володечка, я сам уйду”, — и ушел». «И ушел» — я даже не помню, сказала она или нет. Но вот эти две фразы я помню точно. Это так и было?¹⁴⁵

- 145 Через год после этой беседы Дувакина со Шкловским вышла книга «Маяковский в воспоминаниях родных и друзей» (М.: Московский рабочий, 1968), где впервые были напечатаны «Воспоминания о встречах с Маяковским» художницы Елизаветы Александровны Лавинской (1901—1950). Ссора, которую спустя годы описывает Лавинская, произошла на одном из «лефовских вторников» (вероятно, 18 сентября 1928) на квартире Маяковского и Бриков в Гендриковом переулке: «Как будто всё дело состояло в том, что Пастернак отдал в другой журнал свое стихотворение, которое должно было быть, по предусмотренному плану редакции, напечатано в “Лефе”. Начал его отчитывать Брик. Пастернак имел весьма жалкий вид, страшно волнуясь, оправдывался совершенно по-детски, неубедительно, и казалось, вот-вот расплачется. Маяковский мягко, с теплотой <...> просил Пастернака не нервничать, успокоиться: “Ну, нехорошо получилось, ну, не подумал, у каждого ошибки бывают...” И т.д. и т.д. И вдруг раздался резкий голос Лили Юрьевны. Перебив Маяковского, она начала просто орать на Пастернака. Все растерянно молчали, только Шкловский не выдержал и крикнул ей то, что, по всей вероятности, думали многие:

— Замолчи! Знай свое место. Помни, что здесь ты только домашняя хозяйка!

Немедленно последовал вопль Лили:

— Володя! Выведи Шкловского!

Что сделалось с Маяковским! Он стоял, опустив голову, беспомощно висели руки, вся фигура выражала стыд, унижение. Он молчал. Шкловский встал и уже тихим голосом произнес:

— Ты, Володечка, не беспокойся, я сам уйду и больше никогда сюда не приду» (с. 335—336).

Первая фиксация этой истории — в дневнике К.И. Чуковского:

Ш: Так и было. Причем, меня провожали Маяковский и Брик, сказали: «Мы уладим». Но ничего уже уладить было нельзя. Возник РЕФ.

Д: Ах, это еще же «Новый ЛЕФ».

Ш: «Новый ЛЕФ».

Д: Это, значит, уже конец лета 28-го года.

Ш: Да.

Д: В чем же тут была причина?

Ш: Что?

Д: «Домохозяйка» — это первый раз?

Ш: Это и было тогда.

Д: Вы говорите, два раза.

Ш: Два раза.

Д: А первый раз?

Ш: Первый раз мы поссорились...

Д: Ну, потом уладили?

Ш: Уладили.

Д: А это второй? Но неужели из-за такого пустяка...

Ш: Вы знаете, она Володе говорила...

(На этом запись обрывается.)

Кассета № 13

Третья дорожка записи

Виктор Дмитриевич Дувакин: Виктор Борисович, вот вы охарактеризовали и Хлебникова, и Бурлюка. Но вот мне хотелось бы задать несколько таких уточняющих вопросов в отношении соотношения их. Вот Маяковский пишет:

«10/XI 1928. <...> Вчера в Москве у М. Кольцова. <...> Он сообщил мне новости: “Леф” распался из-за Шкловского. На одном редакционном собрании Лили критиковала то, что говорил Шкловский. Шкловский тогда сказал: “Я не могу говорить, если хозяйка дома вмешивается в наши редакционные беседы”. Лиле показалось, что он сказал “домашняя хозяйка”. Обиделась. С этого и началось» (см.: Чуковский К. Дневник: в 3 т. / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской. М.: ПРОЗАИк, 2011. Т. 2. 1922—1935. С. 385).

«Прекрасный Бурлюк»¹⁴⁶. Вот вы их много наблюдали. Что бы вы могли сказать об их отношениях? Ведь люди-то уж очень разные, и не только... тут и отношение Маяковского к Бурлюку, и отношение Бурлюка к Маяковскому.

Виктор Борисович Шкловский: Видите, Бурлюк... Я /нрзб./, как говорят, по стертой дорожке... Я его узнал давно, а теперь я его встречал несколько раз, уже американского Бурлюка¹⁴⁷. Нужно сказать, что он держал себя относительно довольно прилично, то есть он издавал «Новый путь»¹⁴⁸, и когда надо было устроить какой-то съезд с нашим приездом, советских людей, то он дал денег на это. Нужно было дать деньги так, чтобы они исходили из Америки. Он, Бурлюк, очень любил Маяковского, очень любил. Он для него... Ну, Бурлюк — антрепренер.

Д: Антрепренер?

Ш: Антрепренер.

Д: Значит, я тут не ошибся. Вот это я и хотел...

Ш: Антрепренер, который любил Маяковского и который открыл Маяковского, поверил Маяковскому. Он был Симоном Богоприимцем¹⁴⁹. И Маяковский, как верный друг, никогда этого не мог ему забыть. Но...

Д: Так вот, художественно... их эстетика, по-моему, все-таки ведь очень различна.

Ш: Да, да, но Бурлюк не пустое место.

Д: Ну конечно!

146 Название главы в автобиографии Маяковского «Я сам» (1922, 1928). См.: *Маяковский В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1955. Т. 1. С. 20.

147 С 1922 г. Давид Бурлюк жил в США. Дважды, в 1956 и в 1965 гг., приезжал в СССР.

148 Вместе с женой, Марией Никифоровной, Давид Бурлюк издавал в США журнал «Color and Rhyme» («Цвет и рифма») (1930—1966. № 1—60). В 1932 г. они выпустили посвященный Маяковскому сборник «Красная стрела».

149 Симеон Богоприимец — благочестивый праведник, возглавлявший явление Спасителя. Святой Дух предсказал Симеону, что он не умрет, пока не увидит Господа, и направил Симеона в храм, когда родители Иисуса принесли туда Младенца. Симеон принял Его на руки и сказал: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром...» (см.: Евангелие от Луки. 2, 29).

Ш: Это воля, воля, художник, профессиональный художник. Как снег на горах остается, особенно за забором, так старый футуризм остался у Давида Бурлюка. /нрзб./ Он в этом отношении напоминает, скажем, Крученыха. Ну, Крученых был голяк и бедняк, а тот — обеспеченный американец, который умеет рисовать, умеет достать деньги.

Д: Предприниматель.

Ш: Предприниматель. Но хороший предприниматель. Ну еще вот с Хлебниковым...

Д: Нет, минуточку, а вот вы их наблюдали вместе?

Ш: Наблюдал.

Д: Это, что же, были отношения равных или Бурлюк был как старший?

Ш: Равных скорее, равных, конечно.

Д: Он его открыл, открыл и, так сказать, как бы поставил на него ставку — и выиграл.

Ш: Поставил ставку. И он был тем человеком, который передал Маяковскому принципы левой живописи и помог ему создать его, Маяковского, новую поэтику, превращенную: что писать надо грубо... Вот эти первые манифесты, в них бурлюковский голос.

Д: Ну, манифест они вообще составляли вместе¹⁵⁰.

*А если сегодня мне, грубому гунну...*¹⁵¹

Ш: Да. Так что вот он такой человек. А брат его неинтересный¹⁵².

Д: Не интересный?

Ш: Не интересный. Но это талантливый человек — <Давид> Бурлюк.

Д: Но он, конечно, по своему типу в этой снобистской среде был больше своим.

Ш: Больше своим, да, потому что он предприниматель. Он мог бы водить бродячий цирк (*Дувакин ухмыляется*),

150 Имеется в виду вступительный манифест к «Пощечине общественному вкусу». О том, как он сочинялся, см.: *Крученых А. Наш выход*. С. 46—47.

151 Из стихотворения Маяковского «Нате!» (1913). См.: *Маяковский В. Полное собрание произведений*: в 20 т. Т. 1. С. 28.

152 Речь о поэте и прозаике Николае Бурлюке (см. примечание 41).

понимаете, а тут водил Маяковского. Но он демократичен в этом отношении. Он едет, он приезжает в Крым, рисует картины всё время, переезжает...

Д: Трудящийся.

Ш: Да, трудящийся, американский трудящийся, деляга, который никого не эксплуатирует, но... издает там «Свирель сабвея»¹⁵³ и дерет с бедных американских русских по двадцать пять долларов за то, чтобы их печатали. Ну, он предприниматель. Ну, вот, так что.../нрзб./ небольшое.

А Хлебников... Хлебникова он уважал очень. И Хлебников его ценил. Когда он встретился с этим... Игорем Северяниным в Берлине, то Игорь Северянин у него попросил денег...¹⁵⁴

Д: У кого? У Маяковского?

Ш: Да. Маяковский дал ему, но мало, хотя /нрзб./ Северянина. Они вместе работали. И Северянин не ноль, потому что, например, в Пастернаке есть Северянин, есть в этой... в этой домашности, вот этот «пруд как подзеркальник...»¹⁵⁵

153 Давид Бурлюк принял участие в издании двух альманахов Кружка пролетарских писателей в Северной Америке (отделения Всероссийского союза крестьянских писателей): «В плену небоскребов» и «Свирель сабвея» (оба: Нью-Йорк, 1924).

154 В 1922 г. Маяковский месяц (с середины октября до 18 ноября) прожил в Берлине. 20 октября на первом же его выступлении (в кафе «Леон») присутствовал только что приехавший из Эстонии Игорь Северянин. А на вечере в советском полпредстве 7 ноября они оба читали стихи. В воспоминаниях, написанных в 1941 г., Северянин сообщает, что ходил на все выступления Маяковского в Берлине. Значит, мог быть и на докладе Шкловского «Литература и кинематограф» в том же кафе «Леон» 27 октября, где Маяковский участвовал в прениях.

155 По-видимому, отсылка к стихотворению Бориса Пастернака «Зазимки» (1944):

*Во льду река и мерзлый тальник,
А поперек, на голый лед,
Как зеркало на подзеркальник,
Поставлен черный небосвод*

(Пастернак Б. Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. Т. 2. Спекторский; Стихотворения 1930—1959 / сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.: Слово/Slovo, 2004. С. 110).

Д: *Прибой, как вафли, их печет*¹⁵⁶.

Ш: Да. Это Игорь. Это был человек, это был человек великий. У Маяковского сложные отношения с революцией, которая его сделала, которая его делала, а тот — маленький человек, маленькая душа... И если говорить по этому поводу, то вот вторые воспоминания Пастернака, они плохие¹⁵⁷.

Д: Да, обидные.

Ш: Обидные. Почему? Прежде всего из-за неправды, потому что он говорит то, что он не написал в первый раз¹⁵⁸. Потом. Настоящая история Пастернака, пастернаковского христианства следующая. Делали роспись Храма Христа Спасителя...

Д (удивленно): При Маяковском делали?

Ш: Нет. При Пастернаке. И Пастернак, Леонид Пастернак...¹⁵⁹ Ему: «Вы образы пишете..., — сказали, — нам очень сложно, что вы это пишете нам, потому что вы иноверец. А нам потом придется церковь святить специально».

Д: Подождите-ка, ведь отец же его не был... он принял...

Ш: Еврей.

Д: Еврей, но крещеный.

Ш: Его окрестили после того, как он расписал.

Д: Леонида?

Ш: Леонида¹⁶⁰.

156 Из стихотворения «Волны» (1931). См.: там же. С. 50.

157 Речь об автобиографическом очерке Бориса Пастернака «Люди и положения» (весна 1956, ноябрь 1957).

158 Сразу после смерти Маяковского — в «Охранной грамоте» (1931) — Пастернак не позволил себе критиковать его агитационную поэзию, как в позднейшем очерке («Эти неуклюже зарифмованные прописи, эта изощренная бессодержательность, эти общие места и избитые истины, изложенные так искусственно, запутанно и неостроумно»). См.: *Пастернак Б.* Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. Т. 3. Проза / сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.: Слово/Slovo, 2004. С. 336.

159 Леонид Осипович Пастернак (1862—1945) — отец Бориса Пастернака, художник и педагог, преподаватель Училища живописи, ваяния и зодчества (1894—1921), академик живописи (1905). С 1921 г. в эмиграции.

160 Слухи о крещении Л.О. Пастернака не находят подтверждения.

Таким образом, это еврейское семейство, очень явно выраженное, с еврейской невежливостью к детям, с еврейской невежливостью, совершенно патриархальной: мама могла войти к сыну, не постучавшись, хотя у него сидят чужие... Ну, а Пастернак делает свою биографию на Андрея Белого, на Марину Цветаеву, на русскую интеллигенцию, такую, которая... как бы сказать?... снимает оригинальность своего происхождения. Он москвич, его... он эгофутурист... Бобров...

Д: «Центрифуга».

Ш: «Центрифуга», да.

Д: Футуристы — это «Петербургский глашатай»¹⁶².

Ш: «Петербургский глашатай», да.

Д: «Центрифуга» — это что-то близкое к символизму¹⁶³.

Ш: Да. Но Пастернак, простите, это мое мнение... в нем есть нечто мещанское, как и у Игоря Северянина. Когда он пишет «Доктор Живаго», то когда он касается вопросов веры... Я, простите, родственник Иоанна Кронштадтского по материнской линии, и хорошо знаю Библию и Евангелие. Он там не был, он не знает, в чем дело. В конце концов, это

161 Сергей Павлович Бобров (1889—1971) — поэт, литературный критик, переводчик, стиховед. Возглавлял московскую футуристическую группу «Центрифуга», созданную в 1914 г., и одноименное издательство. Борис Пастернак входил в эту группу, а в издательстве «Центрифуга» выпустил книгу «Поверх барьеров» (1917).

162 «Петербургский глашатай» — это газета (1912. 12 февраля — 15 ноября. № 1—4) и издательство (1912—1914), выпустившее 9 альманахов и несколько книг. И газета, и издательство были основаны главой эгофутуристов Иваном Васильевичем Игнатьевым (1892—1914).

163 Первой книгой, изданной в «Центрифуге», был сборник «Руконог», посвященный памяти Игнатьева. Так группа Боброва демонстрировала свою преемственную связь с группой петербургских эгофутуристов. Однако основные участники «Центрифуги» (Бобров, Пастернак, Николай Асеев) пятью годами раньше прошли через Кружок для исследования проблем культуры, которым руководил один из теоретиков символизма Эллис (Лев Львович Кобылинский, 1879—1947).

либеральное христианство вне сект, и это для противопоставления большевизму ничтожно.

Д: Это интересно.

Ш: Это мое мнение. Понимаете, вот. Володя его очень любил.

Д: Простите, ваш отец тоже крещеный?

Ш: Мой отец крещеный, а мама, значит, была Сергеева, ее... она... бабушка — Сергеева, а мать... отец Бундель, сын пастора венденского, который украл у дьякона дочку, убежал на юг и сделался садовником Смольного института.

Д: Это вы описывали, да...¹⁶⁴

Ш: Да. А Сергеева... Сергеев, значит, был дьяконом потом у Иоанна Кронштадтского. По старому, по родству, когда у меня дочка... когда моя сестра¹⁶⁵ выходила замуж,

164 Ранее Шкловский описал свое происхождение так: «Виктор Шкловский родился от преподавателя математики Бориса Шкловского и от Варвары Карловны Шкловской, в девичестве Бундель. Отец ее Карл Бундель до конца своих дней не входил в русскую церковь, даже когда там отпедали его детей. Детей у него умирало много, и по закону они были православные (вероисповедание определялось по матери. — В.Р.).

Бабушка со стороны матери прожила со своим мужем 40 лет и не научилась говорить по-немецки. Я тоже не говорю, что очень печально (это написано, когда автор жил в Берлине. — В.Р.).

Карл Бундель по-русски говорил плохо. Хорошо знал латынь, но больше всего любил охоту.

Итак, Варвара Карловна Бундель родилась в Петербурге от садовника Смольного института, сына Венденского пастора, Карла Бунделя, который, без разрешения родителей, 17 лет, женился на дочери одного диакона из Царского Села, Анне Севастиановне Каменноградской. Каменноградская же происходит от мастера гранильного завода. Двоюродный брат моей матери, Каменноградский, был диаконом при Иоанне Кронштадтском до конца его дней.

Отец же мой, Борис Шкловский, по крови чистый еврей» (*Шкловский В. Сентиментальное путешествие: воспоминания. 1918—1923. М.: Новости, 1990. С. 121—122.*)

165 Евгения Борисовна Шкловская (1890—1918). О ней Шкловский пишет:

«Сестра моя Евгения была мне самым близким человеком, мы страшно похожи лицом, а ее мысли я мог угадывать. От-

имея уже трехлетнюю дочку, то мы поехали к отцу Иоанну. И он, значит, записывать стал своей властной рукой, как говорят: «Девушка Шкловская, первобрачная...» А она, как курсистка, говорит: «Батюшка, запишите, что у этой новобрачной девушки есть трехлетняя дочка». Он говорит: «Барышня, что вы... вы меня удивляете. Я это запишу, скажу отцу. Он запишет через год, что у вас родилась дочка. Вы что, хотите ходить по канцеляриям и доказывать?» Понятно. Это был способ записывания: незаконные дети — они записывались позднее. И они, значит, /нрзб./ записаны. И это очень распространенный обычай был. Вообще, эти старые попы...

Д: И вы были как раз при этом, да?

Ш: Да.

Д: И видели его?

Ш: Видел, да. Я знал Холмского¹⁶⁶, Антония Волынского¹⁶⁷. ...Эти старые попы не то что были либералы, но они были... относились так, свободомысленно, что мы с Богом сговоримся. Это наше дело. Вы не лезьте со своими представлениями о таинствах, мы сами разберемся, это наше дело, а вы, так сказать....

Д: Так вот, вы об этом заговорили в связи с Пастернаком.

Ш: Пастернак. У Пастернака очень книжное представление о христианстве, книжное представление. Там гениальные стихи, в «Докторе Живаго», но (замечательные вещи, как «Солнце подошло, как корова к изгороди»¹⁶⁸), но

личал ее от меня снисходительный и безнадежный пессимизм» (*Шкловский В.* Сентиментальное путешествие. С. 66). У нее остались две девочки: Галя и Марина.

166 Очевидно, имеется в виду кто-то из иерархов Холмской епархии, преобразованной в 1905 г. и просуществовавшей до 1920 г.

167 Митрополит Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий; 1863—1936) — архиепископ Волынский и Житомирский (1902—1914). С ноября 1920 г. возглавлял Русскую православную церковь за границей.

168 По-видимому, пересказана фраза из «Доктора Живаго»: «Даже солнце, тоже казавшееся местной принадлежностью, по-вечернему застенчиво освещало сцену у рельсов, как бы

концепции русской истории нет. Если бы не было глупости, что его запрещали и так далее, то оно бы прошло незаметно.

Д: Конечно. Там он собственно... «В тупике» Вересаева¹⁶⁹ вспоминается.

Ш: Да, да-да.

Д: Я с этим согласен.

Ш: Это незначительная вещь. А он на это... Я с ним говорил два часа, прочитавши книжку. Он сказал: «Знаешь что, я с тобой совершенно согласен, но я ничего не изменю. А вот твоя проза мне (он говорит про Федотова¹⁷⁰), она мне очень нравится. И даже не мне, а мои сыновья, уж на что дуболобы, и те понимают, что это хорошая проза». Ну вот, теперь что же?

Д: Мы говорим о Пастернаке.

Ш: Пастернака он очень любил. Очень любил. И уход Пастернака из ЛЕФа был громадным ударом для ЛЕФа и Маяковского¹⁷¹, потому что... Асеев был любим...

Д: Маяковским?

Ш: Да. Но он меньший брат.

Д: Хотя и старший¹⁷².

Ш: Хотя и старший. А Пастернак, как и Хлебников, — равные.

боязливо приблизившись к ней, как подошла бы к полотну и стала бы смотреть на людей корова из пасущегося по соседству стада» (см.: *Пастернак Б.* Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. Т. 4. Доктор Живаго: роман / сост. и коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. М.: Слово/Slovo, 2004. С. 18).

169 Роман о трагедии интеллигенции в условиях Гражданской войны. Написан в 1922 г.

170 Имеется в виду «Повесть о художнике Федотове», над которой Шкловский работал в 1934 г. Вышла в свет в 1936 г. в Детиздате под этим названием и в издательстве «Советский писатель» под названием «Капитан Федотов». Неоднократно переиздавалась.

171 Письмо с заявлением о формальном выходе из ЛЕФа Пастернак направил в редакцию журнала «Новый ЛЕФ» 26 июля 1927 г.

172 Николай Николаевич Асеев (1889—1963) старше Пастернака на 7 месяцев.

Д: С моей точки зрения, Пастернак, конечно, меньше.

Ш: По-моему, тоже. Я говорю... Конечно, меньше.

Д: Сейчас ведь идет, в этом смысле, такая... сейчас идет принижение Маяковского с другой стороны.

Ш: Да. Тут другая история. Теперь, Мандельштам¹⁷³, как и Блок, необыкновенно высоко ставили Маяковского.

Д: Мандельштам? Вот как! Как мне дорого, когда сходятся... Зенкевич то же самое говорил...¹⁷⁴

Ш: Необыкновенно высоко ставил. И он говорил, что у Маяковского необыкновенное чувство времени.

Вы думаете, это бредит малярия?

Это было <...>

*Восемь. Девять. Десять.*¹⁷⁵

Все это такое ощущение течения времени, которого ни у кого нет. Видите... Ну, у Хлебникова есть... Хлебников... конечно, были такие вещи... Я вам расскажу вещь Хлебникова в глубокую тайну. Хлебников прочел в «Бродячей собаке» стихи, в которых было слово «Ющинский — 13», и посвященные Мандельштаму, то есть он обвинил Мандельштама в ритуальном убийстве. Мандельштам...

173 Высокая оценка Маяковского Осипом Мандельштамом обычно выводится из его статьи «Выпад» (1924). Здесь Маяковский назван среди десяти здравствующих русских поэтов, которые «не на вчера, не на сегодня, а навсегда»: Кузмин, Маяковский, Хлебников, Асеев, Вячеслав Иванов, Сологуб, Ахматова, Пастернак, Гумилёв, Ходасевич (*Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. / сост., подгот. текста и коммент. — А.Г. Мец и др. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. Т. 2. Проза. С. 149*).

174 Об отношении Мандельштама к Маяковскому поэт Михаил Зенкевич (1886—1973) рассказывал в беседе с Дувакиным 19 апреля 1967 г.: «...он (Мандельштам. — В.Р.) говорил, что Маяковский больше, чем Пастернак. С тем еще можно состязаться, а с этим, говорит, нельзя состязаться. Вот, говорит, что-то громадное по лестнице идет, и я вижу — это идет Маяковский. Именно громадное идет, облако или туча какая-то». Отредактированный фрагмент этой записи приведен в кн.: Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / вступ. ст., подгот. текста, сост. и коммент. О.С. Фигурновой, М.В. Фигурновой. М.: Наталис, 2001. С. 26—31.

175 Из «Облака в штанах» (*Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1955. Т. 1. С. 176*).

Д: Простите, я не понял. «Ющинский — 13»? Это что же?

Ш: Ющинский был человек по делу Бейлиса, там было тринадцать уколов, ритуальное число¹⁷⁶.

Д: Ах, вот оно что! Вот она разница поколений. Даже не помню.

Ш: Да. Теперь так. Мандельштам вызвал Хлебникова! «Я, как еврей, русский поэт, считаю себя оскорбленным и вас вызываю...»

Д: На дуэль?

Ш: На дуэль.

Д: Тогда еще были дуэли?

Ш: Были дуэли. Я сам дрался на дуэли¹⁷⁷. Ну, и другим секундантом должен был быть Филонов¹⁷⁸. Мы встретились при Хлебникове. Павел Филонов сказал: «Я этого не допущу. Ты гений. И если ты попробуешь драться, то я буду тебя бить. Потом, это вообще ничтожно. Вообще, что это за ритуальное убийство?» А Хлебников сказал: «Нет, мне это да-

176 12 марта 1911 г. в Киеве был убит 12-летний мальчик, ученик Киево-Софийского духовного училища Андрей Ющинский. 23 сентября — 28 октября 1913 г. прошел судебный процесс по обвинению в этом убийстве приказчика кирпичного завода, неподалеку от которого был найден труп, Менахема Менделя Бейлиса. Обвинение утверждало, что убийство носило ритуальный характер с целью получения христианской крови для приготовления мацы. Одним из главных признаков ритуального убийства объявлялось наличие тринадцати колотых ран на правом виске мальчика. Числу 13 придавался каббалистический смысл. И при первом вскрытии тела, и при осмотре трупа по ходу следствия это число не подтвердилось (на виске ран оказалось 14, а всего на теле 47). В соответствии с вердиктом присяжных Бейлис был оправдан.

177 Об этой дуэли Шкловский рассказывает: «К весне <1921 г.> стрелялся с одним человеком» (*Шкловский В.* Сентиментальное путешествие. С. 77). Дуэль состоялась из-за Надежды Филипповны Фридлянд (1899—2002), начинающей актрисы и поэтессы, участницы семинара Николая Гумилёва. Шкловский продолжает: «Стрелялись в 15 шагах; я прострелил ему документы в кармане (он стоял сильно боком), а он совсем не попал» (там же. С. 79).

178 Павел Николаевич Филонов (1883—1941) — художник, один из лидеров русского авангарда.

же интересно! Я думал всегда /нрзб./ футуриста соединить с каким-нибудь преступлением». Как Нечаев¹⁷⁹. Филонов сказал, что это совершенно ничтожно. «Вот я занимаюсь делом: я хочу нарисовать картину, которая бы висела на стене без гвоздя». Тот говорит: «Ну и что она?» Он говорит: «Падает» — «Что же ты делаешь?» — «Я, — говорит, — неделю ничего не делаю. Но у меня уже похищает эту идею Малевич, который делает кубик, чтоб он висел в воздухе. Он подсмотрел. Он тоже падает».

Д: Это уже...

Ш: Это сумасшествие. Вы не забывайте, что /нрзб./ были тоже сумасшедшие.

Д: Что?

Ш: Сумасшедшие мы были тоже.

Д: Кто «мы»?

Ш: Футуристы.

Д: /нрзб./

Ш: Да-да. Ну, мы, конечно, их помирили, а Хлебников сказал, что он был не прав, что сказал глупость.

Д: Но Мандельштам его вызвал?

Ш: Да, но Мандельштам Хлебникова страшно любил, так же, как Блок очень любил Маяковского. Видите, Маяковский — поэт непризнанный, неоцененный.

Д: Тогда?

Ш: И сейчас. Именно сейчас, потому что он сейчас... он несет ответственность за все ошибки революции, потому что он продолжает существовать, а те люди умерли. И он, значит, несет ответственность, и, кроме того, он поэт, изучаемый в школе, поэтому он несет ответственность вместе с Пушкиным. /нрзб./ А он старший поэт времени, старший, по крайней мере, пятидесятилетия...

Д: Конечно. Я считаю, может, столетия.

179 Сергей Геннадьевич Нечаев (1847—1882) — революционер-террорист, лидер «Общества народной расправы», прототип Петра Верховенского в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» (1870—1872). Организовал убийство вышедшего из повиновения студента Иванова (в романе — Шатов), чтобы сплотить преступлением свою группу.

Ш: Может, и столетия, может, и столетия. И он поэт новой любви, новой России, и будет понят скоро, ну, через десять лет.

Д: Третье пришествие Маяковского будет.

Ш: Да.

Д: Два уже было¹⁸⁰.

Ш: А Пастернак превосходный поэт, превосходный поэт, больший, чем Кузмин, Пастернак...

Д: А как бы вы его сравнили с Мандельштамом?

Ш: Я думаю, что Мандельштам больше, чем Пастернак, трагичнее. Трагичнее. Причем, когда Пастернак говорит, что он написал Сталину, чтоб он освободил его от должности первого поэта¹⁸¹, то он, очевидно, считает, что есть должность, которая зависит от кого-то. Он не сталинист, но он учитывает позицию правительства, и он переписывался

180 Под вторым пришествием Маяковского подразумевается его многообразное и повсеместное внедрение после резолюции И.В. Сталина на письме Л.Ю. Брик — с конца 1935 г.

181 В письме Сталину (конец декабря 1935) Пастернак писал: «В заключение горячо благодарю Вас за Ваши недавние слова о Маяковском. Они отвечают моим собственным чувствам, я люблю его и написал об этом целую книгу. Но и косвенно Ваши строки о нем отозвались на мне спасительно. Последнее время меня, под влиянием Запада, страшно раздували, придавали преувеличенное значение (я даже от этого заболел); во мне стали подозревать серьезную художественную силу. Теперь, после того, как Вы поставили Маяковского на первое место, с меня это подозрение снято, и я с легким сердцем могу жить и работать по-прежнему, в скромной тишине, с неожиданностями и таинственностями, без которых я бы не любил жизни» (*Пастернак Б. Полное собрание сочинений с приложениями*: в 11 т. Т. 9. Письма 1935—1953 / сост. и коммент. Е.В. Пастернак и М.А. Рашковской. М.: Слово/Slovo, 2005. С. 62). Это письмо при жизни Шкловского не печаталось, но, возможно, он знал о нем от самого Пастернака, потому что в пастернаковском пересказе письма в очерке «Люди и положения» (Новый мир. 1967. № 1) слов про «первое место», которые могли трансформироваться в слова о «должности первого поэта», нет (см.: *Пастернак Б. Полное собрание сочинений с приложениями*: в 11 т. Т. 3. Проза / сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.: Слово/Slovo, 2004. С. 237).

со Сталиным, перезванивался и не защитил Мандельштама. Вы это знаете?

Д: Нет. Не защитил?

Ш: Да. Сталин позвонил Пастернаку, сказал: «Что говорят об аресте Мандельштама?» Это мне рассказал сам Пастернак. Тот смутился и сказал: «Раз уж вы мне позвонили, то давайте говорить об истории, о поэзии». — «Я спрашиваю, что говорят об аресте Мандельштама». Он что-то еще сказал. Тогда Сталин ему сказал, что «если бы у меня арестовали товарища, то я лез бы на стенку». Тогда тот ему сказал: «Иосиф Виссарионович, если вы ко мне звоните об этом /нрзб./» На это Сталин ему сказал: «Я думал, что вы великий поэт, а вы великий фальсификатор», — и повесил трубку¹⁸².

Д: Да что вы?!

Ш: Да.

Д: Вообще это о Сталине говорит неплохо.

Ш: Неплохо. Это страшно. Мне рассказывал Пастернак — и плакал.

Д: Значит, он просто растерялся.

Ш: Растерялся. Он бы мог попросить: «Отдайте мне этого человека, я /нрзб./» Тот бы отдал /нрзб./ должен быть добрым.

Д: Ему иногда надо было...

Ш: Конечно... А тот растерялся. И это его сделало... необходимым для него делать героические шаги, чтобы оправдать себя в своих глазах.

Д: Возможно.

Ш: Вот такая, понимаете, история.

Д: Да-а-а...

Ш: А Маяковский был необыкновенно... необыкновенно хорошим товарищем.

182 Обзор и анализ «самых известных» двенадцати версий этого телефонного разговора, включая и версию Шкловского, содержится в книге Бенедикта Сарнова «Сталин и писатели» (М.: Эксмо, 2010. Кн. 1. С. 245—272). Версия Шкловского изложена по публикации в книге «Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников», с. 252—253.

Д: Он был цельным.

Ш: Да.

Д: Так, это мы говорили о, так сказать, отношениях с разными лицами. Маяковский ведь очень любил Пастернака... А к Мандельштаму как он относился?

Ш: Он не любил его. Ведь Хлебников называл Мандельштама первого периода «мраморной мухой». Очень удачно. Мраморная, но муха. Но он не знал позднего Мандельштама. А Маяковский, когда я раз выступал о Мандельштаме, сказал: «Что ты говоришь? Ты вот так говорил, что сто человек купит его книги. Так не надо делать. Не надо пропагандировать людей, которые нам враждебны».

Д: Это кто говорит?

Ш: Маяковский, враждебный к ЛЕФу¹⁸³. Он был партийный человек.

Д: Да.

Ш: Но, я думаю, что он не понимал Мандельштама. Больше того, самый сильный Мандельштам — последнего пятилетия: «Мне на плечи кидается век-волкодав...»¹⁸⁴ и так далее, когда он поднял тяжесть¹⁸⁵.

Д: Он не знал этого.

Ш: Он знал «Камень»¹⁸⁶.

Д: Да.

Ш: Еще кого вам надо?

Д: Асеев.

Ш: Асеев. Асеев тоже не совсем понятый поэт. Види-

183 Т.е. Маяковский говорит о Мандельштаме, который враждебно относится к ЛЕФу.

184 Из стихотворения «За гремящую доблесть грядущих веков...» (17—28 марта 1931). См.: *Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. М., 2009. Т. 1. С. 156.*

185 Фрагмент этой беседы от вопроса Дувакина о том, что такое «Юшинский — 13», и до сих пор выборочно приведен в книге «Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников» (с. 47—49).

186 «Камень» — первый сборник Мандельштама, вышедший в 1913 г. и переизданный в 1916 и 1923 гг. Охватывает стихи 1908—1915 гг.

те, Асеев маленький человек. Он грызун, который хочет... хотел денег. Скупой человек.

Д: Да.

Ш: Маяковский щедрый человек. Но у Асеева чудный язык, чудное чувство языка, чудное ощущение движения слова. Но у него нет общестихотворной композиции стихотворения в целом. Его можно разгадать в движении двух строк.

Д: Он быстро устареваает.

Ш: Он быстро устает, когда пишет стихи. Но у него будет... не возвращение, а у него будет помещение его в ходе истории. Он будет помещен в ход истории. У него есть для этого основания.

Д: А, ну да. Но не самостоятельной главой.

Ш: Нет, вероятно, вероятно.

Д: А Маяковский действительно очень был к нему привязан?

Ш: Привязан. Он вообще людей любил. Он был привязан.

Д: Он привязывался к людям больше, чем они к нему.

Ш: Выходит так.

Д: Ведь все-таки Асеев не очень хорошо себя держал с ним. Вот и с выставкой, то-сё¹⁸⁷. Как-то это всё...

187 С Николаем Николаевичем Асеевым Маяковского связывали давние приятельские отношения. Но с конца 1929 г. они были в ссоре. Много лет спустя Асеев обнародовал свои объяснения:

«В последний раз я видел его живым в пятницу 11 апреля. Надо сказать, что незадолго перед тем между нами была первая и единственная размолвка — по поводу его ухода из Рефа в РАПП, без предварительной договоренности с остальными участниками его содружества. Нам казалось это недемократичным, самовольным: по правде сказать, мы сочли себя как бы брошенными в лесу противоречий. Куда же идти? Что делать дальше? И ответственность Маяковского за неразрешенность для себя этих вопросов огорчала и раздражала. <...>

Так вот, все бывшие сотрудники Лефа, впоследствии отсеянные им в Реф, взбунтовались против его единоличных действий, решив дать понять Маяковскому, что они не одобряют разгона им Рефа и вступления его без товарищей в РАПП.

<...> В последнее время нам казалось, что Маяковский ве-

Ну, Виктор Борисович, раз мы невольно немножко перешли на такую чуть-чуть теоретическую часть, то я вам хочу один обобщающий вопрос задать. Как вы теперь, в 1967 году, относитесь к тому, что высказал покойный друг ваш Тынянов в статье «Промежуток»?¹⁸⁸

Ш: Я думаю, что тогда Юрий Николаевич был не прав. Совершенно...

Д: Мне тоже так кажется. Мне хотелось себя проверить.

Ш: Совершенно не прав.

Д: Есенин и Маяковский, в промежутке — Хлебников.

Ш: Да, это наверно. Маяковский, понимаете ли... Может, он бы еще был великим прозаиком.

Д: Да.

Ш: У него проза хорошая. Настоящая проза. И я считаю, что Маяковского... решила его судьбу поэма «Во весь голос». Он не решился бы умереть в упадке. Он очень устал.

дет себя заносчиво, ни с кем из товарищей не советуется, действует деспотически. Ко всему этому положение между ним и целой группой его сотрудников было обостренное. <...> мне очень хотелось к Маяковскому, но было установлено не потакать его своеволию и не видаться с ним, покуда он сам не пойдет навстречу. Близкие люди не понимали его душевного состояния. Устройству его выставки никто из левовцев не помог. Так создалось невыносимое положение разобщенности» (Асеев Н. Воспоминания о Маяковском // В. Маяковский в воспоминаниях современников / вступ. ст. З.С. Паперного; сост., подгот. текста и примеч. Н.В. Реформатской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. С. 395—397).

- 188 В посвященной Борису Пастернаку статье «Промежуток» (Русский современник. 1924. № 4) Юрий Тынянов констатировал, что проза победила поэзию. «Место поэтов, отступавших в некоторой панике, сполна заняли прозаики» (см. Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино / предисл. В. Каверина; подгот. Е.А. Тоддеса, А.П. Чудакова, М.О. Чудаковой. М.: Наука, 1977. С. 168). Однако то, что сейчас кажется тупиком, в истории всего лишь промежуток. И автор показывает, как идут через этот промежуток Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Велимир Хлебников, Борис Пастернак и другие поэты.

Он был не согласен. Но ему нужно было умереть, но он не мог бы умереть побежденным.

Д: С чем не согласен?

Ш: С ходом...

Д: Истории? Уже?

Ш: Да. А ему надо было умереть героем. Он написал «Во весь голос», показавши сохраненного человека, вдохновенного человека, и умер, обставив место своей гибели фонарями и давши ложный адрес гибели — любовный.

Д: А вы считаете, что это адрес ложный?

Ш: Ложный. Видите, почему? Полонская — это совсем ложный адрес, потому что Полонская была ему рекомендована Лилей¹⁸⁹. Лиля давала такие... в заместители семьи, немножко сводничала, вот она Брюханенко...¹⁹⁰ это ее... А это, а это, значит, нельзя любить. Он... его обидела Лиля. Он хотел взять Яковлеву. Я ее не видал, но она очень красивая женщина, может, большой человек. Теперь, и... Полонская, которую он тоже полюбил... Ему надо было «ночью звон

189 С Вероникой Витольдовной Полонской (1908—1994), начинающей актрисой МХАТа, женой (с 1926 по 1934 г.) актера того же театра Михаила Михайловича Яншина (1902—1976), Маяковский познакомился 13 мая 1929 г. Лиля Брик знала ее раньше — по съемкам фильма «Стекло в глаз» (см. примечание 285). Этим отношениям не препятствовала. По-видимому, считала их преходящими.

190 С Натальей Александровной Брюханенко (1905—1984) Маяковский познакомился в 1926 г. Летом следующего года пригласил ее к себе в Ялту. 13 августа она выехала из Москвы в Севастополь, а уже 17-го Лиля Брик написала ему: «Ужасно крепко тебя люблю. Пожалуйста, не женись всерьез, а то меня все уверяют, что ты страшно влюблен и обязательно женишься!» (*Янгфельдт Б. Любовь — это сердце всего*. С. 167). В 1928 г. на вопрос Брюханенко «Так почему же вы мне не говорите, что вы меня любите?» Маяковский ответил: «Я люблю Лилю. Ко всем остальным я могу относиться только хорошо или ОЧЕНЬ хорошо, но любить я уж могу только на втором месте. Хотите — буду вас любить на втором месте?» (*Брюханенко Н. Пережитое // Имя этой теме: любовь!: современницы о Маяковском / сост., вступ. ст., коммент. В.В. Катаняна. М.: Дружба народов, 1993. С. 200*). Естественно, она отказалась.

свой спрятать»¹⁹¹, он был обременен сердцем. Ему некуда было положить сердце. А вот это такая трагедия.

Д (проверяет, сколько осталось магнитной пленки): Так, тут уже на финише, поэтому новую тему нам начинать не надо, чтоб не оборвалась на полуслове. У нас так шло...

Ш: У Полонской был потом роман с Осипом Мартыновичем Бескиным. А у нее был... Дети ее сгорели, это вы знаете?

Д: Нет.

Ш: Она вышла замуж за человека, который делал воротнички, переделывая их из старых голландских простыней. Для этого он их... У нее было от него двое детей... А он белее чистил бензином. Произошел пожар (недалеко от площади Маяковского теперь) — двое детей угорело. Так что это было всё очень страшно. Я это не от нее слышал¹⁹². А мемуары Полонской написаны в сообществе с Ардовым¹⁹³.

191 Цитата из «Облака в штанах». В поэме:

*Ночью хочется звон свой
спрятать в мягкое,
в женское*

(Маяковский В. Полное собрание сочинений: 13 т. М., 1955. Т. 1. С. 176).

192 После развода с Яншиным, с 1934 по 1939 г., мужем Полонской был администратор Театра им. Вс. Мейерхольда, а затем Ростовского театра драмы, где в 1936—1940 гг. работала и Вероника Витольдовна, Валерий Александрович Азерский (умер в 1957). Одно время он действительно жил недалеко от Триумфальной площади (площадь Маяковского в 1935—1992) — на Садовой-Каретной улице (д. 7, кв. 16). В 1936 г. у них родился сын Владимир, которого усыновил третий муж Полонской — актер Ростовского театра драмы, а затем Театра им. Ермоловой Дмитрий Павлович Фивейский. Владимир — единственный родной сын Вероники Витольдовны. Но вместе с ним в семье рос и сын Фивейского от предыдущего брака Федор Фивейский (р. 1931) — впоследствии известный скульптор. Сын Полонской, Владимир Фивейский, — автор книги «Нора: последняя любовь Маяковского» (М.: Сканрус, после 2008), в которой воспроизведена рукопись воспоминаний его матери.

193 Виктор Ефимович Ардов (1900—1976) — писатель-юморист. Его женой (с 1933) была актриса Нина Антоновна Ольшевская (1908—1991), близкая подруга Полонской. Мемуары

Д: Виктор Борисович, поскольку вы просили вас уже больше не утомлять (чувствуется, что вы действительно очень утомлены), я очень прошу прощения, что вас так задержал. Ну, мы на этом сейчас закончим и продолжим, когда вы еще выберете время, как вы обещали, через неделю-две. Ну, большое вам спасибо.

Полонской написаны в 1938 г. Авторская рукопись — это две общие тетради (111 с. и 73 с.). Первая датирована августом, вторая декабрем. Свои записи о Маяковском Полонская прочитала Ардову 24 августа 1938 г. и попросила отредактировать их. «...Я пришел в такое волнение, что по окончании чтения не смог некоторое время разговаривать», — записал Ардов на следующий день. Оценив эти воспоминания как «редкий пример искренности в мемуарах», он «решил возможно меньше править то, что написала Нора» (см.: «В том, что умираю, не вините никого»?.. С. 528).

Виктор Борисович Шкловский

Вторая беседа

(28 августа 1968 г.)

Беседу ведет В.Д. Дувакин*

* Фонограммы хранятся в Отделе устной истории Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова. Беседа опубликована на сайте <http://oralhistory.ru/>
Примечание Дувакина (31 августа 1968 г.):
«Виктор Борисович вскоре уехал за границу, потом болел, писал книгу, снова уезжал. Одним словом, встреча, которая должна была состояться через две недели, состоялась более чем через год, 28 августа 1968 года».

Кассета № 67

Четвертая дорожка записи

Виктор Дмитриевич Дувакин: Виктор Борисович, ну вот, с нашей первой встречи прошел год с лишним. Я очень рад, что мы с вами еще раз встретились.

Виктор Борисович Шкловский (*глядя на включенный магнитофон*): Пошел, да?

Д: Пошел. Вот. Мы говорили главным образом о до-октябрьском Маяковском, потом ваши поездки. Ну вот, что дальше?

Ш: Лариса Рейснер — очень красивая женщина — говорила, что любовь — это пьеса с короткими актами и длинными антрактами, и надо уметь себя вести в антрактах. Вот у нас тут произошел антракт в год и два месяца, вел я себя во время этого антракта уклончиво. Будем продолжать.

Д: Ну, значит, тогда это любовь. (*Смеются.*)

Ш: Да. Будем продолжать. У нас с Маяковским, так как жизнь была такая, были съезды и разъезды. Я, значит, знал его в 1913-м году, очевидно, знал у Бриков, и у Бриков я его видал в момент Октябрьской революции. А Брики играли в карты. Там была обыкновенная публика Бриков, смешан-

ная публика, как говорят, шибко буржуазная. Там был такой банкир Гандельман. Каждый раз...

Д: Это вы рассказывали.

Ш: Да. Вот этот Гандельман и все прочие, они в это время играли. А Маяковский и все остальные, мы... мы были на улице. Потом я уехал в Персию, видал оккупационные наши войска в Персии, видал каторжников, которыми пополнили армию, в количестве семи тысяч человек, видал погромы курдов, видал, как курды отрезали члены у наших солдат и клали им в рот. Потом видал отступление нашей армии в Персии, бои под Хасавюртом, бывал перед этим в Тбилиси¹⁹⁴. И вот я приехал в Питер, тихий. У меня с собой была лисья шкура, которую я купил по дороге. И я приехал прямо в дом Бриков, не заезжая к жене. Ну, это были самые близкие люди. Холодно, конечно, да, холодно.

Д: 17-й год?

Ш: 17-й год. И всё... всё переменялось. А Брик не был типично буржуазным человеком, но он был человеком на коне. Он был меценатом. Маяковский был голодным человеком. Человек, который был так голоден, что у него даже не было хороших зубов. (*Дувакин усмехается.*) Очень неприятно в продолжении «Автобиографии» Пастернака написано, что у Маяковского были вставные челюсти¹⁹⁵. Вот

194 В книге «Революция и фронт», написанной летом 1919 г., но изданной только в 1921 г., эта история рассказана в главе «Персия» (с. 71—134).

195 В очерке «Люди и положения», на который ссылается Шкловский, этого нет. Сам Маяковский не стеснялся обыгрывать состояние своих зубов. Например, в стихотворении «Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели» (1927): *Я зубы на этом деле сжевал <...>* (*Маяковский В. Полное собрание произведений: в 20 т. Т. 3. Стихотворения. 1927 — первая половина 1928 / подгот. текстов., коммент. В.Н. Дядичева. М., 2014. С. 14*). В 1930-х гг. о том, что рот у Маяковского был «почти беззубый», писал (см. примечание 10). Илья Сельвинский включил в 1928 г. в стихотворную повесть «Записки поэта» эпиграмму:

*Маяковский! Довольно спеси —
Вас выдал химический фокус:
От чистого золота песен*

я Маяковского знал много лет. Знаете, я не знаю, были у него вставные челюсти или нет. Этого мне не нужно было знать. Говорил он внятно. И пастернаковская «Автобиография» очень любопытна. Володя его любил. А «Автобиография» сравнительно с первой — «Охранной грамотой» — это автобиография другого человека. Он уже и не еврей, он уже развелся... он уже... он уже... такой, как Цветаева... /нрзб./ Цветаева. И это отказ от прошлых друзей, отказ от своей биографии.

Ну вот, а теперь, значит, я приезжаю... приехал к Брикам, и Маяковский уже на коне. Революция.

Д: Простите, это между Февралем и Октябрем или после Октября?

Ш: Это после Октября.

Д: Между Февралем и Октябрем вы их не видели?

Ш: Я видел их, я видел, потому что я приезжал. Меня ранило в это время. Я был комиссаром Временного правительства, мне прострелили живот. Я приехал в армию, под Станиславом, ну, был немецкий прорыв. Я сказал, что надо идти. Мне сказали: «Иди сам». Ну, я пошел сам. Мне пробили живот. Полк пришел за мной¹⁹⁶.

Ну вот, теперь. Маяковский был упоен революцией, а так как поэты были нетерпеливые всегда, то он думал, что это будет всё не только хорошо, но и быстро. Вы представляете себе, что в 48-м году Герцен представлял, то есть, вернее, говорил, что мы не думаем, что существующий строй долготен. Он говорил про капиталистический строй. Не долговечен, а долготен. Он давал ему десять лет, пять лет

На зубах не осядет окись

(Сельвинский И. Из пепла, из поэм, из сновидений / сост., вступ. ст. А.М. Ревича. М.: Время, 2004. С. 446).

- 196 Шкловский отправился на Юго-Западный фронт в первых числах июня 1917 г. в качестве помощника военного комиссара Временного правительства в противовес большевикам-пораженцам. 3 июля в бою под деревней Лодзяны у реки Ломницы был ранен в живот навзлет: «...мне что-то согрело бок, и я почувствовал себя сбитым на землю» (Шкловский В. Революция и фронт. С. 51). Приказом от 5 августа 1917 года по 8-й армии Юго-Западного фронта он награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

этому строю. Маяковский представлял, что капиталистическому строю в Европе, ну, два года, три года.

Д: Ах, даже так?

Ш: Да.

Д: Это не только, вероятно, Маяковский представлял?

Ш: Да мы все представляли так, все представляли так. Я в Тбилиси в квартире полковника Антоновского, который был женат на недавно умершей женщине, Анне Арнольдovне, авторе «Великого Моурави», встретился с Диденцем, полковником тоже. Они нас познакомили. Он набирал людей для деникинской армии. Я говорю: «Вы думаете, что вы победите?» Он мне ответил: «Я русский человек. Мои герои — это Буслаев, протопоп Аввакум и Ленин».

Д: Ленин?

Ш: Ленин, да.

Д: Это он тогда вам говорил?

Ш: Да. «Я его хорошо представляю. Я всё понимаю, что он хочет, но я дворянин, полковник, я с ним буду драться, и он, конечно, меня победит. Но я тоже русский человек, и я буду с ним драться»¹⁹⁷, — то есть для него Ленин был старшим человеком, старшим человеком мира и выразите-

197 В воспоминаниях об Александре Довженко Шкловский рассказывал:

«В Тбилиси жил бывший начальник броневое дивизиона, полковник генерального штаба Антоновский; впоследствии он работал в Красной Армии.

Был в его доме, познакомился с хозяйкой дома — Анной Арнольдovной, которая потом стала писательницей и написала роман «Великий Моурави». В гости пришел еще один полковник, бывший товарищ Антоновского по выпуску из академии. Тогда он приехал в Грузию набирать кадры для Деникина. Вот какой разговор происходил на нейтральной территории, в то время, когда будущее было от всех закрыто. Этот деникинец говорил:

— Я русский человек, мой национальный герой — Ленин. Как военный человек пытаюсь понять его как противника и всё время восхищаюсь. Я буду с ним драться. Буду разбит, а согласиться не могу» (Шкловский В. Жили-были. С. 480). Анна Арнольдovна Антоновская умерла 21 октября 1967 г. Василий Буслаев — герой новгородского былинного эпоса, воплощение безграничной молодецкой удалости.

лем внутреннего характера России. Вот, была весна революции, ожидание, где произойдет следующая революция. Она должна была произойти в Германии, потом во Франции... Всё было очень хорошо.

Д: Простите, я вас перебью. Я вам дам непосредственно (может, это вам потом пригодится) иллюстрацию этой мысли. Есть новогоднее «Окно РОСТА», где... вот этот новый, 20-й год:

Кому не ясен истории ход?!

В этот

грядущий¹⁹⁸

двадцатый год

земли

раздробленной

четыре части

в одном сольете

невиданном счастье!

В одно

мировое русло революции

рабочих вселенной

души вольются!¹⁹⁹

Вот это. Это еще через три года.

Ш: Причем, значит, так. Вот счастливый Маяковский... счастливый Маяковский, как я видал счастливого Ленина...

Д: Простите, вы...

Ш: ...слышал его доклад — птица в полете! Человек, который осуществляет свое предназначение²⁰⁰. Мы ведь обыкновенно изображаем великих людей несчастными... Ну, вот...

Д: Простите, вот то, что вы видали Ленина, это где-нибудь записано?

198 У Маяковского: идущий.

199 *Маяковский В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 3. «Окна» РОСТА. 1919—1922 / подгот. текста и примеч. В.Д. Дувакина. М., 1957. С. 66.

200 Шкловский уже использовал этот образ, когда рассказывал о выступлении Ленина в Михайловском манеже: «Казалось, большая птица летит по ветру, как будто управляя этим ветром» (Жили-были. С. 116); «Он был человеком на работе, я повторяю — птицей в воздухе» (там же. С. 117).

Ш: Записано. Я его видал три раза.

Д: И вот так записано?

Ш: Да. Я его видал три раза. Первый раз я его видал в броневом дивизионе, в апреле, как только он приехал²⁰¹. У нас в броневом дивизионе было много большевиков. Они привезли Ленина в огромный манеж Михайловский. Там были дымные такие машины. Этот сейчас манеж называется «Зимний стадион». Он — часть ансамбля Инженерного замка. Выступал Ленин с машины «Уайт»²⁰², с опущенными бортами. Когда с него снимали пальто, то по ошибке сняли пиджак вместе с пальто, и я увидел его в жилете, увидел, что он меньше меня ростом, гораздо меня шире в груди, а у меня в груди было 120, что у него очень толстые ноги, и мышцы, идущие от плеча, подходят к шее, около уха, что он сложен, как пловец и маленький гиревик. Это очень сильный человек, очень сильный человек, хорошо владеющий не только толпой, но собой. Он ходил по маленькому грузовику с опущенными бортами, не думая о том, что он может упасть, говоря с чрезвычайной ясностью²⁰³.

Потом я его увидал на заседании в Таврическом дворце. В «Известиях» («Известия» тогда были меньшевистские и эсеровские)... «Известия» напечатали, что деятельность Ленина — контрреволюция. Ленин пришел говорить... там глубокий зал Таврического дворца, крутой амфитеатр, Ленин был ярко-рыжий.

Д: Рыжий? Он же лысый?

Ш: Ярко-рыжий. Он был лысый, но у него волосы были, ну, начинались с перелома черепа, и рыжий цвет я так ярко помню. Высокий голос. И, может, рыжесть его подчеркивалась тем, что он был похож на шаровую молнию, попавшую

201 «Это было 15 апреля 1917 года», — пишет Шкловский в воспоминаниях «Жили-были» (с. 116).

202 Бронеавтомобиль на шасси американской фирмы «Motor Car White». Эту фирму основал еще в середине XIX в. изобретатель Томас Уайт.

203 Этот эпизод описан в воспоминаниях «Жили-были» (с. 116—117).

на трибуну²⁰⁴. Он говорил во все стороны. Зал был побежден в несколько минут, все члены ЦК, меньшевики и так далее пришли, и все проходы были заполнены, а Ленин повторял одну и ту же фразу: «А мы арестуем здесь министров-капиталистов. А я, я согласен на Пешехонова²⁰⁵. Зачем нам буржуазия». Ленин говорил...

Д: Согласен на?..

Ш: На Пешехонова.

Д: Ах, «лучше десять Пешехоновых, чем...»²⁰⁶

Ш: Да-да. У Ленина речь не была похожа на статью. Он писал одним способом, а говорил другим способом. Хотя у него запись совершенно свободная, но он не давал себя

204 Образ из «Высокой болезни» (1928) Бориса Пастернака:

*Я помню, говорок его
Пронзил мне искрами заживок.
Как шорох молнии шаровой. <...>
Он проскользнул неуследимо
Сквозь строй препятствий и подмог,
Как этот в комнату без дыма
Грозы влетающий комок*

(Пастернак Б. Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1912—1931 / предисл. Л.С. Флейшмана: сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.: Слово/Slovo, 2003. С. 259).

205 Алексей Васильевич Пешехонов (1867—1933) — экономист, журналист; с 1904 г. член редакции народнического журнала «Русское богатство»; основатель Народно-социалистической партии, один из лидеров Трудовой народно-социалистической партии (правее эсеров, но левее кадетов), министр продовольствия во втором и третьем составах Временного правительства (май — август 1917).

206 Возможно, намек на слова из речи Л. Д. Троцкого на I Всероссийском съезде Советов по вопросу об отношении к Временному правительству (5 июня 1917): «Товарищи, я совершенно согласен с нашим министром продовольствия. Я не принадлежу к одной с ним партии, но, если бы мне сказали, что министерство будет составлено из 12 Пешехоновых, я бы сказал, что это огромный шаг вперед.

Я бы сказал: Коновалов ушел — найдите второго Пешехонова, серьезного работника и уберите из министерства всех тех, которые мешают Пешехонову, создайте там возможность работы» (Троцкий Л. История русской революции: в 2 т. Т. 1. Февральская революция / вступ. ст. Н. Васецкого; примеч. В.И. Иванова. М.: Терра; Республика, 1997. С. 455).

стенографировать и говорил, что обыкновенный отчет репортера лучше, что говорят не так, как пишут.

Третий раз я его слышал так. Было соединенное заседание, Первый съезд Советов солдатских и рабочих депутатов²⁰⁷. Происходил он в Первом кадетском корпусе на Первой кадетской линии в Петербурге, на Неве. Это бывший дворец князя Меншикова, одно из самых старых зданий Петербурга. Зал огромен и не очень высокий, хотя он был двухсветный. Но там кадетский корпус мог выстроиться в одну шеренгу и повернуться. Посередине стояли три ряда стульев: эсеры и меньшевики, большевики и маленький — три-четыре стула — анархисты. А дальше сидели солдаты и рабочие, солдаты с винтовками, во всяком случае, все в пальто и в шинелях.

Выступал меньшевик Церетели²⁰⁸, такой шатен рыжеватый, с плотной бородой, князь по происхождению, очень хороший оратор. Он говорил о коалиции, о необходимости коалиции, о представительстве всех партий в революционном правительстве. Он говорил очень убедительно, он был, очевидно, образованным юристом, и был хороший оратор. Все сидели, молчали. И он сказал: «Нет такой партии, которая одна возьмется руководить революцией». И, конечно, не вставая, но в самом конце ораторской паузы, негромко, высоким картавым голосом Ленин сказал: «Есть такая партия», — и, конечно, все услышали, потому что это был ответ на риторический вопрос.

Впоследствии история этой реплики была такая. Недалеко есть морской корпус, там гораздо лучше эстрада, она мраморная, с задником, и Бродский²⁰⁹ перенес эту фразу...

Д: Эту речь.

Ш: Эту речь. Причем, конечно, Ленин выбегает, поднимает руку, как будто: «Позвольте выйти» и кричит: «Есть та-

207 Съезд проходил 3—24 июня 1917 г.

208 Ираклий Георгиевич Церетели (1882—1959) — один из лидеров меньшевиков, с мая 1917 г. министр почт и телеграфов во Временном правительстве.

209 Исаак Израилевич Бродский (1883—1939) — ученик И.Е. Репина, автор обширной изобразительной ленинианы. Но картины с этим сюжетом у него нет.

кая партия!»²¹⁰ И потом оно так и пошло, так и пошло. А дело в том, что революция не совершается при хороших декорациях. Она совершается там, где она подвернулась. Она может совершиться в проходном дворе. А потом придают ей декор.

Д: Как Сологуб предлагал, чтобы стороны дрались за городом, не вредили²¹¹ /нрзб./

Ш: Да-да. Ну вот, видите... Ну, а он наоборот, он предлагал вредить. /нрзб./ А революция, так она и происходит. Она не вредит. Так вот. Я возвращаюсь к Маяковскому.

Д: К Маяковскому. Вы видели счастливого Ленина, а теперь расскажите, где вы видели счастливого Маяковского.

Ш: Я видел счастливого Маяковского. Как бы... он был очень занят, он издавал книги, он основал издательство ИМО. Издательство «ИМО» — это было «Искусство молодых»²¹². Оно было расположено на Фонтанке, напротив цирка Чинизелли, внизу был маленький магазин Ховина «Книжный угол»²¹³, а наверху сняли помещение, черт его знает, что собирались там делать, но мы издали там «Всё изданное Маяковским».

Д (неправляет): «Всё сочиненное...»

Ш: «Всё сочиненное Маяковским»²¹⁴, потом «Мистерию-буфф»²¹⁵.

210 Шкловский описывает картину Константина Юона (1934, Государственный исторический музей).

211 В очерке «Только не воспоминания...» (1927) Маяковский иронизировал над предложением Федора Сологуба (1863—1927) регламентировать революционные катаклизмы: «Революции разрушают памятники искусств. Надо запретить революции в городах, богатых памятниками, как, например, Петербург. Пускай воюют где-нибудь за чертой и только победители входят в город» (см.: *Маяковский В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1959. Т. 12. С. 151).

212 Издательство ИМО существовало с октября 1918 до июля 1919 г.

213 «Книжный угол», частный магазин журналиста и литератора Виктора Романовича Ховина (1891—1944), продержался с 1918 по 1924 г. Здесь готовился одноименный критико-библиографический журнал (1918—1922; всего вышло 8 номеров). В 1923—1924 гг. была налажена издательская деятельность. Выпускалась в основном переводная литература.

214 Сборник «Всё сочиненное Владимиром Маяковским (1909—1919)» вышел в Петрограде в издательстве ИМО в середине мая 1919 г.

215 Пьеса «Мистерия-буфф: героическое, эпическое и сатири-

Д: «Ржаное слово»²¹⁶.

Ш: Да. И главное для нас, что мы издали «Поэтику». «Поэтика» издана Маяковским, издательством ИМО²¹⁷.

Д: Первая книжка?

Ш: Да. Это есть основная книжка²¹⁸, потому что там работал и Якубинский, и Поливанов²¹⁹, и Брик, и я, со своими основными статьями. Там напечатаны «Связь приемов стихосложения с общими приемами искусства», «Искусство как прием»²²⁰, «Звуковые повторы»²²¹. Там все, кроме Тынянова и Эйхенбаума...²²² ОПОЯЗ был уже готов²²³, так что...

ческое изображение нашей эпохи, сделанное Владимиром Маяковским» вышла там же в первых числах ноября 1918 г., к первой годовщине Октябрьской революции. Второе издание появилось в 20-х числах апреля 1919 г.

216 Сборник «Ржаное слово: революционная хрестоматия футуристов», составленный Маяковским, вышел вместе с первым изданием «Мистерии-буфф».

217 Вышло три сборника по теории поэтического языка «Поэтика»: 1-й — в 1916 г., 2-й — в 1917 г. и 3-й — в 1919 г. 1-й и 2-й выпуски издал Брик. Издательства ИМО тогда еще не было. В издательстве ИМО вышел только 3-й выпуск. Некоторые статьи в нем перепечатаны из 1-го и 2-го выпусков.

218 Судя по контексту, «основной книжкой» Шкловский считает 3-й выпуск «Поэтики».

219 Лев Петрович Якубинский (1892—1945) — ученик Бодуэна де Куртенэ (см. примечание 226), языковед, литературовед. В сборниках «Поэтика» помещены его статьи «О звуках стихотворного языка» (1-й и 3-й вып.), «Скопление одинаковых плавных в практическом и поэтическом языках» (2-й и 3-й вып.), «Осуществление звукового единообразия в творчестве Лермонтова» (2-й вып.) и «О поэтическом глоссемосочетании» (3-й вып.).

Евгений Дмитриевич Поливанов (1891—1938) — лингвист, востоковед. В 1-м выпуске «Поэтики» помещена его статья о звуковых жестах японского языка, перепечатанная затем в 3-м выпуске.

220 Обе статьи принадлежат Шкловскому. Первая помещена в 3-м выпуске «Поэтики», вторая — во 2-м и 3-м.

221 Статья О. Брика. Помещена во 2-м и 3-м выпусках «Поэтики».

222 Работ Ю. Н. Тынянова действительно нет в сборниках «Поэтика». Но статья Б.М. Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя» впервые напечатана именно в 3-м выпуске «Поэтики».

223 ОПОЯЗ (Общество изучения теории поэтического языка) — объединение петроградских филологов-формалистов, на-

Д: Это Московский лингвистический кружок?²²⁴

Ш: Нет. Московский лингвистический кружок — совершенно другая организация.

Д: Это Богатырев?²²⁵

Ш: Это и Роман Jakobson, с совершенно другими установками.

Д: Ах, вот что!

Ш: Мы ученики... мы, ленинградцы, мы ученики Маяковского, скажем, или друзья Маяковского, ученики Бодуэна де Куртенэ²²⁶. Ну, я скажу: это моя группа. Мы говорили,

чалом формирования которого стало знакомство Шкловского с Якубинским и Поливановым в 1914 г. В 1915 г. к ним присоединились Осип Брик и Борис Кушнер. Эта пятерка и заполнила 1-й и 2-й выпуски «Поэтики» (цензурное разрешение на 1-й выпуск датировано 24 августа 1916). Но учредительное собрание состоялось только 2 октября 1919 г. Тогда и сложилось что-то вроде бюро ОПОЯЗа: председатель Шкловский, заместитель председателя Эйхенбаум, секретарь Тынянов. В декабре 1921 г. в перерегистрации общества было отказано. 4-й выпуск «Сборников по теории поэтического языка» под издательской маркой ОПОЯЗа составили отдельные брошюры В. Шкловского, Ю. Тынянова, В. Жирмунского и Б. Эйхенбаума (1921—1922). 5-й и 6-й выпуски вышли в 1923 г. в Берлине и в Праге.

224 Московский лингвистический кружок — широкое объединение филологов обеих столиц в 1915—1924 гг. Насчитывал более 60-ти действительных членов и членов-сореволюционеров. Занятия кружка от диалектологии, фольклористики и этнографии со временем переместились в область поэтики, стиховедения, теории поэтического языка. Это было вызвано и общим влиянием идей ОПОЯЗа, и участием в кружке В. Шкловского, О. Брика, Е. Поливанова, Ю. Тынянова, В. Жирмунского.

225 Петр Григорьевич Богатырев (1893—1971) — фольклорист и этнограф. Принимал участие в работе МЛК.

226 Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845—1929) — профессор Петербургского университета, лингвист, занимавшийся общими вопросами лингвистики на материале славянских языков. Переиздал словарь В. И. Даля, уточнив этимологию, исправив разделение на гнезда, а также дополнив новыми словами, в том числе вульгарно-бранной лексикой. Занятый непосредственным наблюдением за живой языковой средой, Бодуэн де Куртенэ обратил пристальное внимание на работу футуристов. Его учениками были Якубинский и Поливанов. «Бодуэн де Куртенэ — человек,

что искусство — это явление стиля, что те законы искусства, которые проявляются в нем, проявляются и в музыке, и законы, скажем, сонета, можно перенести на музыку, можно аналогии найти в архитектуре. Для москвичей литература была явлением лингвистическим: материал — язык, структура языка. Они были правы в том отношении, что они, определивши языковые структуры, создали учение о структурализме, но они были неправы, потому что языковые структуры — не единственные структуры мышления. У Эйнштейна есть в статье «Физика...», у него есть статья о том, что он достоверно знает, что открытия не проходят через слово. И он потом говорит: «Иначе я бы так не удивлялся, получив открытие, я его не мыслил...»

Д: Что возможно мышление...

Ш: Внеязыковое²²⁷.

задающий будущему не загадки, а задачи», — писал Шкловский (*Шкловский В. Жили-были*. С. 89).

227 В книге Шкловского «Тетива: о несходстве сходного» (М.: Советский писатель, 1970) Шкловский, иллюстрируя эту мысль, ссылается на статью Альберта Эйнштейна «Творческая автобиография» из сборника «Физика и реальность» (М.: Наука, 1965. С. 133):

«Для меня не подлежит сомнению, что наше мышление протекает, в основном минуя символы (слова) и к тому же бессознательно. Если бы это было иначе, то почему нам случается иногда “удивляться”, притом совершенно спонтанно, тому или иному восприятию (*Erlebnis*)? Этот акт “удивления”, по-видимому, наступает тогда, когда восприятие вступает в конфликт с достаточно установившимся в нас миром понятий. В тех случаях, когда такой конфликт переживается остро и интенсивно, он, в свою очередь, оказывает сильное влияние на наш умственный мир. Развитие этого умственного мира представляет собой в известном смысле преодоление чувства удивления — непрерывное бегство от “удивительного”, от “чуда”».

«Таким образом, — продолжает Шкловский, — обычный мир, реально существующий, рождающий все наши познания, в самом факте познания рождает другое, иначе — факт изумления, факт какого-то превосходства своей сущности над нашим знанием.

Это чувство изумления, как говорит Эйнштейн, является первопричиной или одной из первопричин научной мысли» (с. 56). См., например: «Слова или язык, как они пишутся или

Д: ...внеязыковое.

Ш: Да. Математическое. Потом, возможность перевода с языка на язык, возможность такого явления... Скажем, Эйхенбаум говорил: «Как сделана “Шинель”? Она сделана из языка, из заикания»²²⁸. Но западный цирк играет «Шинель» мимикой. И они говорят, что герои Гоголя так заняты делом, что им не надо даже разговаривать. Когда я был в Париже, в Париже шло три «Шинели»: одна — инсценировка русской «Шинели», другая — комедия о том, как гоголевский чиновник не может сшить себе пальто, и третья — в цирке, то есть мимика может выразить то, что выражает слово, ну, и перенести...

Д: Тоже имеет структуру?

Ш: Конечно, имеет структуру. Но способы измерения... Ну, скажем, обычай, этикет — это же структура. Карточная игра, когда /нрзб./ — это тоже структура, понимаете, но они, они... Я об этом написал сейчас книгу.

Д: Ну, тогда к этому не будем и обращаться.

Ш: Ну вот, видите, значит...

Д: Как же Маяковский вообще всё это воспринимал и воспринимал ли?

Ш: Маяковский... Значит, выглядит так: Маяковский это воспринимал хорошо, и это и было его... И когда он

произносятся, не играют никакой роли в моем механизме мышления. Психологические реальности, служащие элементами мышления, — это некоторые знаки или более ясные образы, которые могут быть по желанию воспроизведены и комбинированы. Обычные и общепринятые слова с трудом подбираются лишь на следующей стадии, когда упомянутая ассоциативная игра достаточно устоялась и может быть воспроизведена по желанию» (Эйнштейновский сборник. М.: Наука, 1967. С. 28).

228 В статье «Как сделана “Шинель” Гоголя» (1919), напечатанной впервые в 3-м выпуске «Поэтики» (Петроград: ИМО, 1919. С. 151—165) Эйхенбаум настаивает: «Настоящая динамика, а тем самым и композиция его (Гоголя. — В.Р.) вещей — в построении сказа, в игре языка» (Эйхенбаум Б. О прозе: сб. статей / сост. и подгот. текста И. Ямпольского; вступ. ст. Г. Бялого. Л.: Художественная литература, 1969. С. 311).

пишет «Как делать стихи?», когда он говорит о молодых лингвистах, он говорит об ОПОЯЗе, он был опоязовец²²⁹.

Д: Он бывал когда-нибудь у вас на заседаниях?

Ш: Бывал. Но... История такая. Конечно, вот Брик, которого эти сукины коты называют «расторопным»²³⁰, Брик был прежде всего человеком аскетическим. Он нравился женщинам, но он женщин не любил. Он был раньше богат, но богатство он не любил. Он был скромным человеком, ну, как вам сказать, но немножко талмудистом, но человеком с превосходной анализаторской головой, слишком отвлеченным для искусства, но самоотверженным.

Д: По отношению к?..

Ш: Маяковскому.

Д: К Маяковскому или к искусству?

229 В статье «Как делать стихи?» (1926) Маяковский отмечает, что ему «часто приходилось если не разбивать, то хотя бы дискредитировать старую поэтику», а также вместе с соратниками показывать читателям старых поэтов «с совершенно неизвестной, неизученной стороны». Далее эти соратники прямо названы формалистами, а их работа представлена с оглядкой на статью Эйхенбаума «Как сделана "Шинель" Гоголя»:

«Детей (молодые литературные школы также) всегда интересуется, что внутри картонной лошади. После работы формалистов ясны внутренности бумажных коней и слонов. Если лошади при этом немного попортились — простите! С поэзией прошлого ругаться не приходится — это нам учебный материал» (*Маяковский В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1959. Т. 12. С. 81).

230 «Расторопный Брик» — это издевательская формулировка из статьи журналиста, в прошлом директора музея Маяковского в Грузии, А. Колоскова «Трагедия поэта» (Огонек. 1968. 22 июня. № 26. С. 18). Эта статья была напечатана как продолжение статьи «Любовь поэта» (Огонек. 1968. 13 апреля. № 16), подписанной не только Колосковым, но и В. Воронцовым, помощником члена Политбюро и секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова. Поскольку уже первая статья вызвала неоднородную общественную реакцию, Воронцову, чтобы не подставлять шефа, пришлось от продолжения публикаций дистанцироваться. Но без поддержки Воронцова статьи в «Огоньке» не появились бы. Поэтому Шкловский и говорит: «эти сукины коты», имея в виду не одного Колоскова, автора хамской формулировки, но и Воронцова.

Ш: К Маяковскому. Он был настоящий апостол Маяковского. Одновременно, как всякие апостолы, они хотят втереть свое учение Христу. Это кончается тем, что Павел подменяет Христа. Но вот литература факта... Брик не любил искусство. Он любил кино за то, что кино — не искусство, что оно плохое искусство, скажем, что его надо отдалять от искусства. Но вот эта литература факта, с одной стороны, была... черт его знает, там и мои статьи очень ранние²³¹, но это вообще... истерика этого — была бриковская истерика. Я тогда печатал, что когда они отрицали искусство, я говорю, что у нас в журнале печатается Маяковский, Пастернак, Асеев, печатаете Бабеля²³² и одновременно говорите, что искусства нет. Это не получается. Это получается так, как ханжа попадает в тюрьму в «Пиквикском клубе» и ему говорят: «Хотите что-нибудь выпить?» Он говорит: «Все спиртные напитки — это суета сует». Тогда его спрашивают: «А какую из суеты сует вы любите?» Он говорит: «Крепкую». И ему подают ром²³³. Так что всё это суета сует. Значит, литература факта — это не была ошибка, потому что она сейчас значила в мировом искусстве очень много, и очень много значит в чешском искусстве. И это значение мемуара и включение по достоверности... там такая школа Дзиги Вертова²³⁴, включение, новое отношение к фотогра-

231 В книге «Литература факта: первый сб. материалов работников ЛЕФа» (М.: Федерация, 1929), выпущенной под редакцией Н.Ф. Чужака, — 8 статей и рецензий Шкловского. Даже у Брика меньше — 6. А больше только у Сергея Третьякова — 9.

232 В журнале «ЛЕФ», кроме целого ряда стихотворений, напечатаны поэмы «Про это» Маяковского (1923. № 1), «Высокая болезнь» Пастернака (1924. № 1), «Лирическое отступление» Асеева (1924. № 2), а также 7 рассказов из «Конармии» и 2 рассказа из «Одесских рассказов» Исаака Бабеля (1923. № 4; 1924. № 1).

233 Эпизод из 45-й главы «Посмертных записок Пиквикского клуба» (1836—1837) Чарльза Диккенса. Пересказан близко к тексту, хотя мистеру Стиггину вместо запрашиваемого рома с тремя кусочками сахара на стакан соглашаются подать лишь портвейн, подогретый с небольшим количеством воды, пряностями и сахаром.

234 Дзига Вертов (1895—1954) — кинорежиссер-документалист,

фии, отношение... создание эстетики фабричных зданий, понимание того, что эстетика облегчает работу — это было всё...

Д: Всё это придумано было уже тогда. Сейчас...

Ш: Это было придумано тогда.

Д: А сейчас это к нам вторично приходит с Запада.

Ш: Так всегда бывает. И когда мне пришлось говорить в Италии²³⁵, то передо мной на ковре сидели художники и говорили, что «вы наши учителя. Но вы это создали путем революции. Мы не можем сделать революцию...»

Д: Поэтому мы не можем как следует у вас научиться.

Ш: Да, да.

Д: По существу, это /нрзб./ вопрос.

Ш: К сожалению, вот видите, это очень так серьезно. Была такая история. ЛЕФ был аскетической организацией.

Д: ЛЕФ?

Ш: Да. Там, значит, служащие: один на жалованье — это Петя...

Д: Незнамов, да²³⁶. Еще были две... машинистка... Чистякова? (Черткова?) и Ольга Маяковская²³⁷.

Ш: Ольга Маяковская тоже служила там на четверть

новатор и теоретик документального кино. Настаивал на замене игрового, художественного кино — кинохроникой, но не описательно-пассивной, а динамичной, мастерски смонтированной, высекающей мысль из столкновения кадров.

235 В Италии Шкловский был с 11 по 24 марта 1962 г. в числе «гостей» (не делегатов) конгресса Европейского союза писателей, проходившего во Флоренции. Вместе со всей советской группой посетил еще и Рим, Прато, Равенну, Сиену, Сан-Джиминьяно, встречался не только с писателями, но и с художниками и кинорежиссерами, членами общества «Италия — СССР», студентами Римского университета.

236 Петр Васильевич Незнамов (1889—1941) — поэт-футурист и литературный критик. В 1921—1922 гг. член футуристической группы «Творчество» (Владивосток). В «ЛЕФе» и «Новом ЛЕФе» был секретарем редакции. Погиб в московском народном ополчении.

237 Ольга Владимировна Маяковская (1890—1949) — младшая из двух сестер Маяковского. Работала на Главпочтамте. В редакции «ЛЕФа» и «Нового ЛЕФа» выполняла техническую работу.

ставки. И всё, больше никого. И мы издавали журнал. Ну, платили, конечно, за рукописи мало.

Д: Но платили все-таки?

Ш: Платили, но мало. Это привело в ужас Бабеля, когда мы за его... собственно, за его собрание сочинений заплатили столько, что он мог пойти в кафе или один раз пообедать. Неправдоподобно мало.

Ну вот. И ЛЕФ был великое непонятое революционное искусство. Там были номера, когда в одном номере печатался Маяковский, Эйзенштейн, Дзига Вертов, опоязовцы²³⁸ — и всё это были вещи, которые остались.

Д: Да. Не все номера равноценны. Вот это как раз вы говорите про первые номера, 23-го года, лучшие.

Ш: Да. Там были такие вещи, как... был номер о Ленине с превосходными статьями, непревзойденными статьями²³⁹. Ну вот.

Теперь возвращаемся к нашим баранам. У меня есть вопрос такой: изменяется ли любовь? Изменяется ли любовь? В «Гильгамеше», в шумеро-аккадском эпосе, у Гильгамеша есть соперник, человек-зверь, который ходит по лесам и освобождает зверей, и топчет поля. Он сильнее Гильгамеша. А Гильгамеш имеет только медное оружие, и живет в глиняном городе, стены которого кажутся как бы обожженными (еще не было кирпича, были горшки). Это необыкновенная история. И вот для того чтобы победить дух, Гильгамеш (это всё про Лилию Брик) насылает на него

238 Сергей Эйзенштейн (со статьей «Монтаж аттракционов» о постановке «На всякого мудреца довольно простоты» А.Н. Островского в Московском Пролеткульте) и Дзига Вертов (с материалом «Киноки. Переворот») были напечатаны в «ЛЕФе» лишь однажды: в № 3 за июнь — июль 1923 г. Из опоязовцев в этом номере присутствуют Осип Брик и Борис Кушнер. Редкий случай, но Маяковского здесь нет.

239 В журнале «ЛЕФ» (1924. № 1) под рубрикой «Теория» помещены статьи В. Шкловского «Ленин как деканонизатор», Б. Эйхенбаума «Основные стилевые тенденции в речи Ленина», Л. Якубинского «О снижении высокого стиля у Ленина», Ю. Тынянова «Словарь Ленина-полемиста», Б. Казанского «Речь Ленина: (Опыт риторического анализа)» и Б. Томашевского «Конструкция тезисов».

блудницу и говорит: «Открой перед ним свою наготу». Он сходится с ней, три дня они лежат вместе. Когда он очнулся, он увидел, что звери вокруг него отошли, и проститутка (значит, это древнее занятие) говорит ему: «Ешь хлеб, потому что это пища человека, пей вино — это судьба человека, одень платье — потому что ты человек». И она разрывает свое платье и половину отдает ему. То есть самый древний эпос, три тысячи, четыре тысячи лет до нашего эпоса — облагораживание той любви, которая у нас считается уже незаконной²⁴⁰.

Д.: Что называется сейчас словом «секс».

Ш.: Секс.

Кассета № 67

Пятая дорожка записи

Виктор Борисович Шкловский: Мы не знали, какая будет любовь, то есть так как писал Энгельс, что будущее людей будут знать те, кто будет его делать²⁴¹. Предполагалось, что старый брак — это две проституции, которые создают подобие одной верности. Князь Петр Вяземский в записных книжках говорит, что, конечно, женщина из порядоч-

240 «Эпос о Гильгамеше» создавался на протяжении полутора тысяч лет, начиная с XVIII—XVII вв. до н. э., т.е. он примерно на тысячу лет старше поэм Гомера и почти на три тысячи лет старше древнерусских былин, содержание которых устанавливается лишь в XIII—XIV вв. н. э. Дикого человека, который приобщается к цивилизации благодаря посланной к нему Гильгамешем проститутке, зовут Энкиду.

241 В письме к В.И. Засулич (23 апреля 1885) Фридрих Энгельс писал: «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. Т. 36. Письма Ф. Энгельса к разным лицам. Апрель 1883 — декабрь 1887 / подгот. к печати Т.Л. Артемьевой и Б.Г. Тартаковского. М.: Издательство политической литературы, 1964. С. 263).

ного дома не должна изменять мужу для того, чтобы не вводить незаконных наследников. Но если она уже беременна, то она свободна, она застрахована своим мужем, она родит ребенка от него²⁴². Это всё ошибки вот этих /нрзб./ огоньков на болоте в том, внутренняя ошибка, что они думали, что революция — это продолжение старой жизни, старой нравственности, только деньги будут у них, а не у буржуа, и женщины будут у них. Но жить они будут так же, что будет моногамный брак, в то время когда Энгельс цитирует Фурье, что моногамный брак и земельная собственность — это один заговор богатых против бедных²⁴³. Между прочим, это и есть... эта тема — тема Анны Карениной, которую мы не можем никак снять, /нрзб./ ее не понимает. Он думает,

242 В «Старой записной книжке» П.А. Вяземский передает слова своей собеседницы — «милый, умной, молодой женщины»: «Женщина, которая себя уважает и не совсем заглушила совесть свою, ни в каком случае, ни при каких увлечениях страсти, не позволит себе подвергнуться опасению водворить в семью свою детей, которые не принадлежали бы мужу ее. Но раз мужем *застрахованная* на известный срок (ее собственное выражение), это дело другое: тогда она не так безусловно обязана бороться с наступающим искушением. Таким образом уравниваются брачные права и ответственность между супругами. В устройстве нашего общества главное преимущество мужа пред женою заключается в том, что проступок, что грех его не позорит семьи, не вводит в нее беззаконных наследников и наследниц: семья остается нерушимой твердыней, святыней, по крайней мере, фактически непоруганною и незатронутою. Вы, мужчины, счастливы: даже и преступление ваше имеет в пользу свою облегчающие вину обстоятельства» (*Вяземский П. Старая записная книжка* // Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. Т. 8. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1883. С. 397). На эту же запись Вяземского Шкловский ссылается в книге «Энергия заблуждения» (1981. С. 217).

243 В одном из примечаний к работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Фридрих Энгельс пишет: «Замечу только, что уже у Фурье моногамия и земельная собственность служат главными отличительными признаками цивилизации и что он называет ее войной богатых против бедных» (*Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. Т. 21. Работы Ф. Энгельса. Май 1883 — декабрь 1889 / подгот. к печати Б.Г. Тартаковского. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 177).*

что Анна Каренина сама по себе, а хозяйство само по себе. А почему оба лезут в петлю, не понимает.

Для Маяковского программа жизни была сделана Чернышевским, «Что делать?», что может быть даже чай втроем²⁴⁴. То есть для него свобода любви была свободой женщины от мужчины, чтоб он ее не привязывал к себе тем, что он дал ей деньги. Он ее не привязывает к себе. Для Лили свобода любви была свободой измены. Они... это было классово... как пишет Ленин в письме к Инессе Арманд — это было классовое, осознанное различно одно и то же явление²⁴⁵.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Различно осознанное в классовом отношении?..

Ш: Отношении.

Д: Но явление одно и то же?

Ш: Одно и то же. А у Володи было несколько женщин, хотя он был не весьма предприимчивым мужчиной. У Лили было сколько угодно. Причем, про одного, Герцмана... Володя говорил: «Вот если бы я узнал, что у нее был роман с Герцманом, я бы навсегда ушел от нее». А у нее был роман с Герцманом, конечно²⁴⁶. Герцман...

Д: То есть, до чего она опускалась, что даже...

244 «Чай втроем» — это невинные вечерние чаепития, которые собирают вместе Веру Павловну с ее нынешним мужем — Лопуховым и будущим мужем — Кирсановым.

245 Речь о письме В.И. Ленина — И.Ф. Арманд от 17 января 1915 г. по поводу брошюры о свободе любви, — брошюры, которую Арманд собиралась написать для работниц. Шкловский целиком приводит это письмо в книге «О Маяковском» (с. 84—85). Ленин настаивает, что свободу любви буржуазия и пролетариат понимают по-разному: «Дело в объективной логике классовых отношений в делах любви» (*Ленин В. Полное собрание сочинений*: в 55 т. Т. 49. Письма: август 1914 — октябрь 1917 / подгот. к печати А.П. Смирновой и А.Г. Хоменко. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 52).

246 Лев Герцман — сотрудник АРКОСа (Всероссийского кооперативного акционерного общества), учрежденного в 1920 г. в Великобритании. Л.Ю. Брик познакомилась с ним в 1922 г., когда навещала мать и сестру в Лондоне. Тамошний партнер ее по танцам.

Ш: Она не опускалась, она...

Д:...какой-то Герцман...

Ш: Ну да, она, она это... Вот эта история, что такая, ну такая богема буржуазная совпала, на время пересеклась с революционным отношением к жизни. Вот что произошло.

С другой стороны, во втором томе «Дон Кихота» в доме герцога Дон Кихот говорит, что видал одну женщину, красивую, она жила с очень некрасивым мужчиной. Ее спросили: «Почему вы это делаете?» Она говорит: «Он мне дает то самое, что мне нужно от него». И Дон Кихот говорит: «Вы спрашиваете меня про Дульцинею Тобосскую. Она та самая женщина, которая мне нужна». Ему эта выдуманная Дульцинея Тобосская нужна как поэзия.

Вероятно, у Данте не было романа с Беатриче, потому что она была чужой женой. И дай Бог, слава Богу, что не было романа²⁴⁷. И у Петрарки, вероятно, не было романа с Лаурой²⁴⁸. Это были другие... Они удовлетворяли другими требованиями — деление любви и супружества. Но Маяковский хотел, чтобы она его любила. Он хотел другой любви освобожденной женщины. Причем он ее всё время помещал в будущее. Что он долюбит через тысячу лет, долюбит по-своему. Он не был импотентом. Его любили женщины. Его любила Лариса Рейснер. Его любила Зинаида Райх.

Д: Как, и связь была?

Ш: /нрзб./

Д: Во всяком случае, он нравился Ларисе Рейснер?

Ш: Очень. Я тоже нравился. Но он... Она, когда накрывала постель, говорила: «Кушать подано».

Д: Ах, она тоже была такая вольная женщина?

247 Лишь дважды в жизни Данте слышал слова Беатриче (1266/1267—1290), обращенные к нему: впервые в возрасте девяти лет (а ей было восемь) у нее дома, куда его взял с собой в гости отец; второй раз через 9 лет на улице, когда она шла в сопровождении двух дам старше ее.

248 Лаура — поэтический идеал Петрарки — по одной из версий Лаура де Нов (1308—1348), мать одиннадцати детей. Однако даже друзья поэта сомневались в реальности его лирической героини. Постоянно присутствующая в сонетах Петрарки, Лаура почти не упоминается в его письмах.

Ш: Так мы же все были вольные. Мы все вольные были. А кто нам был неволя? Почему? Если он мне нравится? Если он мне сейчас нравится? Мы переносим, когда у нас есть квартиры и пенсии, и мы боимся алиментов, и мы нравы 50-летней революции переносим в 10-летнюю революцию. Это другая... другая нравственность, не установленная нравственность, но не опровергнутая. То, что Володя убил этими вещами, что его не сделали счастливым, это не опровергает возможность этого.

Это было... Это:

*Да, есть печальная услада
В том, что любовь пройдет, как снег.
О, разве, разве клясться надо
В старинной верности навек?*²⁴⁹

Д: Это Блок.

Ш: Да. И разве Толстой не влюблен в Анну Каренину? Конечно. Он же писал об этом Анне²⁵⁰ Андреевне, своей тетке, что она... «не осуждайте ее, она у меня удочерена»²⁵¹. Он ее любит, а не Кити. То есть он хочет ее судить, а она не судится, она ему неподсудна. И благополучный Левин мечтает о смерти, он мечтает о смерти, прячет от себя ружье

249 Из стихотворения Александра Блока «На островах» (1909). См.: Блок А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 3. Стихотворения: кн. третья: 1907—1916 / подгот. текстов, коммент. В.Н. Быстрова и др. М.: Наука, 1997. С. 14.

250 Оговорка, надо: Александре.

251 В книге «Энергия заблуждения» (1981) Шкловский очередной раз проговорит это:
«В письме к тетке Толстой написал, что он удочерил Анну, что он не хочет, чтобы ее ругали. Трагедия Анны не трагедия одной из жен министра далекой страны, далекого для нас времени. Эта трагедия, я скажу банальным языком, — это трагедия женщины» (с. 222). Имеется в виду письмо Льва Толстого двоюродной тетушке фрейлине Александре Андреевне Толстой (между 8 и 12 марта 1876): «Моя Анна надоела мне, как горькая редька. Я с нею вожусь, как с воспитанницей, которая оказалась дурного характера. Но не говорите мне про нее дурного или, если хотите, то с *ménagement* <осторожностью — фр.>, она все-таки усыновлена» (Толстой Л.Н. и Толстая А.А. Переписка. 1857—1903 / подгот. Н.И. Азаровой и др. М.: Наука, 2011. С. 328—329).

и шнурок. Вот в чем дело-то, история, история Маяковского. Маяковский — человек будущего. Человек, придуманный в поэзии таким, какими мы будем.

Д: Но Маяковский-то, так сказать, как раз, по сути дела, глубоко (ну, буду пользоваться вашими, употребленными вами социологическими терминами), он глубоко моногамен.

Ш: Он... думаю, не совсем, не совсем.

Д: *Не смоют любовь
ни ссоры,
ни вёрсты.
Продумана,
выверена,
проверена²⁵².*

Ш: Мы как говорили? Как я говорил?..

Д: Над этими строчками, между прочим, издевались.

Ш: У меня было так: была жена, любовница, с которой я изменял жене, и потом женщины. У меня был спорт: чтобы я перешел от одной женщины к другой так, чтобы она не заметила, что она не первая. Мы к этому не очень серьезно относились.

Д: Но это как раз свойственно XIX веку больше, чем...

Ш: Может быть, но Володя Лиллю любил, но он хотел, чтобы она была свободной.

Д: Это понятно — свободной. Это понятно. В том, чтобы не было, так сказать, обязательной привязанности, причем эта привязанность тем более как-то еще пересекалась бы с какими-то имущественно-бытовыми...

Ш: Да-да-да.

Д: Это понятно. Но... Вы говорите сейчас... про себя говорите, что была любовница, еще женщины, значит, возможно... секс может быть абсолютно свободен от человеческого отношения.

Ш: Он у нас, знаете ли, нет... он у нас...

Д: Почему это будущее? Вот в чем вопрос.

252 Из поэмы «Люблю» (1922). См.: Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1957. Т. 4. С. 93—94.

Ш: Мы...

Д: Может, это как раз прошлое?

Ш: Мы... Нет. Мы думали, что... прежде всего, Маяковский-то думал, что можно жить «и болью дорожась»²⁵³. Он жил неприятностями. Но мы думали, что это... что мы не платим, мы не связываем, мы помогаем, но мы не думаем, что мы владельцы. Мы не старшие для них.

Д: Не старшие?

Ш: Не старшие для них, для этих женщин. И вот это ощущение потери собственности, что вы сперва завладеете женщиной, как бы приобретете, а потом она ваша. Она не ваша, она...

Д: Вы каждый день должны завоевывать снова.

Ш: Да. Она... она своя. Она своя. И когда я влюблен был в Эльзу, я разогнал, правда, вокруг нее на километр всех мужчин²⁵⁴. Просто они боялись меня, но это было просто от дурного характера.

Д: Выходило, что если бы вы не разгоняли, а держались бы на противоположном полюсе, так, как держался Осип Максимович: «Прими ванну»²⁵⁵, то...

Ш: Вы откуда знаете, от меня, нет?

Д: И от вас тоже, мне уже четыре раза говорили... то выходит, что вы были бы на более, так сказать, высоком уровне, были бы более человеколюбивым? По-моему, это вполне естественно. Это доказывает, что вы в то время Эльзу любили...

Ш: Конечно, любил. Видите ли, в чем дело, мало, что я ее любил, я ее сделал писательницей за то, что я ее любил. Я ее научил писать. Я дал ей индукцию. Ну вот, Эльза...

253 Из поэмы «Про это» (1923). См.: *Маяковский В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1957. Т. 4.

254 В книге «О теории прозы» (1983) Шкловский рассказывает об обстоятельствах, сопутствовавших созданию книги «Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза» (1923), посвященной Эльзе Триоле:
«Я в это время был влюблен. Влюблен так, что разогнал от женщины, в которую был влюблен, на километр всех людей, которым она нравилась» (с. 77).

255 См. примечание 117.

Д: Вы Триоле знали, самого?²⁵⁶

Ш: Знал. Эльза более прозаичная, чем... менее трагичный человек, чем Лиля, но она преданный человек Арагону²⁵⁷.

Д: Значит, преданность — это не есть какая-то коренная черта женщин.

Ш: Не знаю. Вы знаете что, я этими вопросами не заинтересован. Я не заинтересован. Женщины ревнивы. Я не очень ревнив вообще.

Д: Ну, а если разогнали?..

Ш: Разогнал — это... Они меня боялись. Я одного человека взял и бросил в Рейн. Но это... я надумал, что это мое право. Это мой характер.

Д: А вы были физически сильным?

Ш: Очень сильным. Я у Эльзы в квартире ударил кулаком изразцовую печку и вышиб изразец голым кулаком.

Д: Плохой был печник.

Ш: Что?

Д: Плохой был печник.

256 Андре Триоле (1889—1969) — французский офицер-кавалерист, приехавший в Россию в мае 1917 г. в составе военной миссии союзнической Франции. В июле 1918 г. Эльза Каган отправилась во Францию «для выхода замуж за офицера французской армии», как было написано в ее советском заграничном паспорте. Добиралась через Норвегию и Англию и попала в Париж только в 1919 г. 20 августа вышла замуж за Андре Триоле, приняла фамилию мужа и уехала вместе с ним на остров Таити. Через год они вернулись в Париж, а в 1921 г. разошлись. В письмах Лиле 1960-х гг. Эльза называет его Андреем, но чаще Петровичем. Сообщает, в частности, 22 октября 1963 г., что между его операциями ходит к нему в больницу каждый день. См.: *Лилия Брик — Эльза Триоле*. Неизданная переписка. 1921—1970 / сост., вступ. ст. В.В. Катаняна; подгот. текста и коммент. И.И. Аброскиной, И.Ю. Генс. М.: Эллис Лак, 2000. С. 420.

257 Луи Арагон (1897—1982) — французский поэт и прозаик, член Гонкуровской академии. С 1927 г. член Французской коммунистической партии (с 1954 член ЦК). Участник Сопротивления. Редактор еженедельника «Les Lettres françaises» (1953—1972). Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1957). Муж Эльзы Триоле (1928—1970).

Ш: Плохой был печник. Нет! Эта был немецкий печник, немецкий печник был. Причем, видите, в чем дело было. Вот если вы ударите этот стол, не думая о руке, то, вероятно, его можно сломать. А если вы подумаете о руке, вы его никогда не сломаете. Вы разобьете руку.

Ну вот, Володя... Володя был трогательный любовник. Он ее страшно любил. А Лиля думала, вот есть бабья такая: «А я? Я тоже», — понимаете ли?

Д: Что «я тоже»?

Ш: «А я тоже человек». Ну правильно, человек, но я поспорил с...

Д: Но она о нем мало думала.

Ш: Мало думала.

Д: Значит, вот это все-таки и есть. При всей премудрости все-таки находятся некоторые простые и извечные /нрзб./ истины, что... Впрочем, и у Маркса сказано об этом. Я не берусь спорить цитатами, что, так сказать, в отношениях мужчины и женщины более всего проявляется степень человеческого развития человека²⁵⁸. И вот мне и кажется, что новые... трагизм Маяковского был в том... не в том, что он стал недостаточно новым человеком в том смысле, в каком это они представляли, а наоборот, в том, что он был очень человечен в любви, а Лиля была бесчеловечна.

258 Отсылка к «Экономическо-философским рукописям 1844 года» Карла Маркса: «Непосредственным, естественным, необходимым отношением человека к человеку является *отношение мужчины к женщине*. В этом *естественном* родовом отношении человека к природе непосредственно заключено его отношение к человеку, а его отношение к человеку есть непосредственным образом его отношение к природе, его собственное *природное* предназначение. Таким образом, в этом отношении *проявляется в чувственном виде*, в виде наглядного *факта* то, насколько стала для человека природой человеческая сущность, или насколько природа стала человеческой сущностью человека. На основании этого отношения можно, следовательно, судить о ступени общей культуры человека» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. Т. 42. К. Маркс: январь — август 1844 / подгот. к печати А.К. Воробьевой и А.И. Малыша. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 115).

Ш: Она не бесчеловечна была, она была буржуазна.

Д: Это, очевидно, одно и то же.

Ш: Теперь история такая. Однажды Лиля полюбила. Она полюбила Краснощекова.

Д: Вы считаете, что это любовь была?

Ш: Да. Она развелась с Бриком...

Д: Да, это вы рассказывали.

Ш: ...уехала из его квартиры.

Д: В Сокольники, это я знаю.

Ш: Она перестала встречаться с Володей, и Володя написал «Про это»²⁵⁹.

Д: Но она... (Усмехается.) С другими она продолжала встречаться.

Ш: Я не знаю, в этот момент, этого я не знаю. Я с ней никогда не жил. Ну вот, так что я не знаю. Но, знаете, мне сейчас семьдесят шестой год, так что я, конечно... мне легче разговаривать про ревность (*поправка*) не ревность, а верность. Но я просто ее не понимал.

Д: Ее?

Ш: Я не понимал верности, не понимал. Причем я...

Д: Верности Маяковского? Или вообще?

Ш: Вообще. Я был женат на одной женщине сорок лет, имел детей, был хорошим мужем, страшно хорошим мужем, заботился о женщине²⁶⁰. Но там была другая история. Она не очень верила, что я хороший писатель, что надо зарабатывать, время прошло. Но не понимала. Хороший человек. Но когда я приехал...

259 Над поэмой «Про это» Маяковский работал с конца декабря 1922 г. — от полутора до двух месяцев, согласившись на двухмесячное «домашнее заключение», которого потребовала от него Лилия Брик, чтобы он наедине с самим собой критически разобрался в себе и в их отношениях. Для автора — это поэма «по личным мотивам об общем быте». Впервые — Лиле Брик — он прочитал «Про это» 28 февраля 1923 г.

260 В 1919 г. Шкловский женился на художнице Василисе Георгиевне Корди (после замужества Шкловская-Корди, 1890—1977). Их дети — Никита Шкловский-Корди (1924—1945, погиб на фронте) и Варвара Шкловская-Корди (1927). С 1956 г. Шкловский был женат на Серафиме Густавовне Суок (1902—1982).

Д: А вас не печатали...

Ш: Что?

Д: А вам мешали печататься.

Ш: Ну, да-да, конечно.

Д: У вас же была очень трудная полоса...

Ш: Очень.

Д: ...длинная.

Ш: Очень длинная. Но когда я вернулся²⁶¹, то я каждому говорил, что я разъехался со своей женой, и Маяковский ее разыскал.

Д: Это когда вы вернулись из-за границы?

Ш: Да, да. И мы встретились с ней... Он взял мотоцикл, нашел нас обоих и свез нас на Водопьяный переулок²⁶², чтоб мы не разошлись.

Д: Он об этом позаботился?

Ш: Да.

Д: Вот это очень интересный факт. «Пусть, если мне не удастся, пусть другие будут счастливы, пусть живут так, как я хочу».

Ш: Да. И очень был рад, когда у меня родился ребенок. И написал об этом.

Д: Где?

Ш: Он написал об этом...

Д: Письмо?

Ш: Что? Нет! Он написал... в одном месте говорил, что он советует человеку дать имя Никита своему сыну: «У Шкловского родился сын, он назвал его Никитой и доволен».

Д: И это он посоветовал Лавинскому?²⁶³

261 Зная, что его разыскивает ОГПУ (о причине см. примечание 338), 14 марта 1922 г. Шкловский бежал из Петрограда в Финляндию по льду Финского залива. Жил в Берлине. В сентябре 1923 г. вернулся на родину.

262 В Водопьяном переулке (д. 3, кв. 4) Брики и Маяковский жили с сентября 1921 г. И сам дом на углу Мясницкой улицы, и весь переулок снесены при реконструкции Тургеневской площади в начале 1970-х гг.

263 Антон Михайлович Лавинский (1893—1968) — скульптор, архитектор, график, дизайнер; профессор ВХУТЕМАСа. Работал над «Окнами РОСТА», входил в ЛЕФ, был художником журналов «ЛЕФ» и «Новый ЛЕФ». Его жена — Елизавета

Ш: Да. Не знаю кому.

Д: У Лавинских сын Никита. И у Вас Никита? Это тот, кто погиб на войне?

Ш: Да. И внук у меня Никита²⁶⁴.

Д: И внук. Ах, у вас есть еще внук? Это вот от первой вашей жены?

Ш: Да.

Д: Значит, все-таки вы пришли-то очень кружным путем к тому, что Маяковский утверждал верность.

Ш: Видите ли, в чем дело. Это сейчас меня не касается. Это дело Маяковского. Я другого мнения, я другого мнения. При чем, знаете, я уже... У меня еще есть половая сила, но это уже не то, я уже не волнуюсь из-за этого так, но у меня отец шестидесяти трех лет университет кончил, математический факультет, так что мы крепкие. Вот я сейчас кончил книгу, тринадцать листов²⁶⁵. А через три дня начну другую, об Эйзенштейне²⁶⁶. Ну вот. Я думаю, что... я не думаю, что вот... ну, что вы делаете? Вы женитесь. Аристотель говорил, что между женой и мужем должна быть разница в семнадцать лет²⁶⁷. Но предположим, что вы женились двадцати лет (я женился восемнадцати лет²⁶⁸), проходит сорок лет...

Александровна Лавинская (1901—1950), художница, тоже лефтовка. Их сыну — Никите (Глебу-Никите) Антоновичу Лавинскому (1921—1986), в будущем скульптору-монументалисту, — было уже три года, когда родился Никита Шкловский.

264 Никита Ефимович Шкловский-Корди (1952) — сын Варвары Викторовны Шкловской-Корди и Ефима Арсентьевича Либермана.

265 По-видимому, это: *Шкловский В.* Тетива: о несходстве сходного. М.: Советский писатель, 1970. 376 с. Печ. л. 11¾. Уч.-изд. л. 17½.

266 *Шкловский В.* Эйзенштейн. М.: Искусство, 1973 (серия «Жизнь в искусстве»); 2-е изд. М.: Искусство, 1976.

267 Если женщине для замужества достаточно было достичь возраста, позволяющего рожать здоровых детей, то мужчине до женитьбы нужно было добыть средства на содержание семьи.

268 Здесь Шкловский промахнулся то ли на восемь, то ли на девять лет. В «Сентиментальном путешествии» (1924) он писал: «...я женился в 1919 или 1920 году, при женитьбе принял фамилию жены — Корди, но не выдержал характера и подписываюсь Шкловский <...>» (с. 56). В 1919 г. ему было 26 лет.

Д: Вам пятьдесят восемь.

Ш: Мне пятьдесят восемь²⁶⁹. Ну, я еще довольно молодой человек. Я сейчас не хочу пробовать силу, но стул я могу разбить. А она совсем старая женщина, совсем старая женщина. И она, она этого не может делать. Не может этого делать с таким энтузиазмом, как я... Это не выходит. Так что это, это не закон природы, это не закон природы, это наша теперешняя жизнь. Володя попробовал другое — тоже не вышло, женщина не та. Она не поверила, что он ее лучше.

Д: Что он ее больше?

Ш: Что он ее больше. Она думала по отношению к Володе, что Ося его больше.

Д: Что Ося больше, чем Володя?

Ш: Да.

Д: Как человек искусства и вообще как человек?..

Ш: Да.

Д: Ну, тогда она просто глупая.

Ш: Она, конечно, дура.

Д: Вы не считаете ее интеллектуально сильным человеком?

Ш: Нет.

Д: Нет?

Ш: Нет. Видите ли...

Д: Имея сексуальную силу, но...

Ш: Я не знаю, я с ней не жил...

Д: Нет, но что она интеллектуально человек не богатый?

Ш: Нет, она буржуазный человек. Но то, что вот написали, — это безобразие.

Д: Но это — черт с ним, это вообще забудется, слава Богу, я думаю, что... Это желтая пресса. Вы имеете в виду «Огонек»?

Ш: Да.

Д: Бог с ними. Но с другой стороны... Вы прочли то, что я вам дал?

Ш: Да.

269 Шкловский родился 12 (24) января 1893 г. Беседа состоялась 28 августа 1968 г. И шел ему 76-й год.

Д: Да, конечно, сплетню обсуждать нельзя, но вообще, поскольку Маяковский гений, а я в этом... на том стою и убежден в этом абсолютно...

Ш: Я тоже думаю.

Д: ...постольку, когда всё это уйдет, люди будут интересоваться, поэтому я лезу во всё.

Ш: Видите, это такая история с Толстыми²⁷⁰.

Д: Слишком рано стали заниматься...

Ш: Что?

Д: Его семейной трагедией стали заниматься слишком рано.

Ш: Да. Но он был очень несчастлив, и она была несчастлива. А он, может быть, был ей верен, а может быть, и нет.

Д: Горький пишет, что она была на протяжении пятидесяти лет его единственной женщиной²⁷¹. А это не так?

Ш: Врет.

Д: Была такая фраза.

Ш: Он говорил это.

Д: Толстой?

Ш: Толстой. Но он врет.

Д: Вы думаете, что Толстой тут говорил неправду, да?

Ш: Неправду. Ему очень хотелось, чтоб это было, для себя.

Д: Для воплощения...

Ш: Видите, он ее не любил особенно.

Д: А Маяковский Лилию любил.

Ш: Любил.

270 В 1963 г. Шкловский выпустил в серии «Жизнь замечательных людей» книгу «Лев Толстой». В 1967 г. она вышла 2-м, исправленным изданием. И семейную жизнь Толстых автор знал не понаслышке.

271 В очерке «О С.А. Толстой» (1924), защищая жену Льва Толстого от нападок, М. Горький уверяет: «Говоря о жене его, следовало бы помнить, что при всей страстности натуры художника София Андреевна была единственной его женщиной на протяжении почти полувека» (*Горький М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения: в 25 т. Т. 16. Повесть [«Мои университеты»], рассказы, очерки, стихи. 1917–1924 / подгот. текстов и коммент. Ю.И. Шведовой и др. М.: Наука, 1973. С. 368).*

Д: И мне казалось, что будь какой-то...

Ш: Человечность.

Д: ...какая-то, действительно, большая нежность и человечность...

Ш: Всё было бы хорошо.

Д: ...то могло бы быть как-то и по-другому.

Ш: Конечно.

Д: Хотя я понимаю, что после такой семьи, хорошей, честной, но уж очень пресной, его потянуло в этот...

Ш: Буржуазный мир.

*Тебя пою,
накрашенную,
рыжую²⁷².*

Д: Да. Но, понимаете...

Ш: Я думаю, «все вы бабы — дуры...»

Д: «Трясогузки и каналы».

Ш: «Все вы бабы бляди...», а не «дуры».

Д: А у него не «дуры» —

*— Все вы,
бабы,
трясогузки и каналы...*

*Что ей крейсер,
дылда и пачкун?²⁷³*

Это скорее то же самое...

Ш: «Трясогузки» — это всё равно.

Д: Тот же смысл? Но вместе с тем...

Ш: Он ее любил.

Д: *Нам надоели небесные сласти —
хлебище дайте жрать ржаной!*

272 Из поэмы «Флейта-позвоночник» (1915). См.: Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1955. Т. 1. С. 203.

273 Из стихотворения «Разговор на одесском рейде десантных судов: “Советский Дагестан” и “Красная Абхазия”» (1926). См.: Маяковский В. Там же. Т. 7. Вторая половина 1925 — 1926 / подгот. текста стихотворений 1926 г. и примеч. к ним В.В. Тимофеевой. М., 1958. С. 191.

*Нам надоели бумажные страсти —
дайте жить с живой женой!*²⁷⁴

Это как будто утверждение вульгарного материализма такого, но в этом же есть и другое. Понимаете ли, Брик пишет во «Взял» статью об «Облаке» — «Хлеба!», где, вы помните, говорится, что мы обжирались пирожными, а теперь у нас есть черный хлеб²⁷⁵. Но Маяковский не обжирался пирожными не буквально, не метафорически.

Ш: Никогда.

Д: Он отплюнулся от пирожных в юности.

Ш: Конечно.

Д: Вот ведь в чем дело.

Ш: Конечно.

Д: Вы согласны с этим?

Ш: Конечно, конечно.

Д: Понимаете, тогда и весь вопрос о «кушать подано» становится все-таки по-другому.

Ш: Видите, «кушать подано» тоже. Двое молодых людей, понимаете, двое молодых людей, кто... Я недавно прочел у какого-то восточного... в былинах, да, в былинах, что две лошади встретились богатырей, богатырь подарил богатырихе лошадь, и у него лошадь. И они заигрались. /нрзб./ не сходится. Что им мешать? Понимаете, в чем дело, Лиля... Я даже не думаю, что она очень сексуальная женщина.

Д: Вот так уверяют, что она была исключительной, так сказать, в этом смысле, что она была такой Мессалиной, ненасытной гетерой, которая с огромным половым любопытством...

Ш: Любопытство было большое. Она жена неподходящая.

Д: Жена, да.

Ш: Жена неподходящая.

Д: А почему вы в вашей первой записи так огульно, пренебрежительно отозвались о Полонской, что это заве-

274 Из «Мистерии-буфф» (1918). См.: Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 2. 1917—1921 / подгот. текста и примеч. Н.В. Реформатской. М., 1956. С. 170.

275 Брик О. Хлеба! // Взял. С. 12—13.

домо ложный адрес?

Ш: Видите, я про Полонскую знаю, что она потом сошлась с Осипом Бескиным.

Д: Это точно?

Ш: Говорят, да.

Д: Я спросил ее... Я не знал, не обратил внимания на это, а просто мы разговаривали, я говорю: «Бескина звали мелкий Бескин». Она очень рассмеялась и сказала: «Совершенно точно».

Ш: Это мое прозвище.

Д: Ну да, это вы рассказывали.

Ш: «Мелкий Бескин» был любовником Лили, и я ей сказал, что это невозможно, она сказала: «Я могу об нем написать на четырех страницах, какой он хороший мужчина, а Володя — мужчина на два с минусом».

Д: Это кто сказал? Лили?

Ш: Лили.

Д: Но это значит абсолютное отделение, так сказать, секса от личности. А это значит, мне так кажется (может быть, я действительно старомоден), это разложение личности.

Ш: Володя... Но, с другой стороны, она Володе предлагала перед поездкой в Мексику, что «давай устроим семью, сделаем ребенка...» А он /нрзб./ Он тоже ей не построил семью. Может, надо было на нее покричать. Понимаете?

Д: Он был слишком пажом.

Ш: Пажом.

Д: Потом он не был хозяином.

Ш: Надо быть хозяином.

Д: Это просто...

Ш: А потом трудно, трудно это. Но должен вам сказать, что она не интеллектуальна, Лили, но она интересный человек. Она неплохой товарищ. Она не очень жадна.

Д: Не очень?

Ш: Не очень.

Д: Но вместе с тем, не заботясь о нем, она все-таки требовала от него забот, денег и всего....

Ш: Конечно. Требовала.

Д: Вот эта односторонность в этом при односторонно-

сти в сторону Маяковского в главном, очень как-то...

Ш: Тут еще одно. Вы подумайте, как трудно зарабатывать деньги систематически несистематическим трудом. Не пишется. А деньги нужны. И нужно денег много. Хотя Брик тратил немного, но тоже надо кормить Брика.

Д: Брик тоже кормился Маяковским?

Ш: Конечно.

Д: А сам почти ничего не зарабатывал?

Ш: Да, не зарабатывал. Но он не рвач.

Д: Она, вы хотите сказать, не скупа?

Ш: Это да, она не скупа.

Д: Она вместе с Маяковским даже щедра. Но быть щедрым за чьей-то спиной — это другое...

Ш: Володя был человек очаровательный. Очаровательный товарищ. Внимательный. Добрый. Хорошая хозяйка. Он умел принимать людей. (*Дувакин усмехается.*) Он был грузин.

Д: Ах так, да? Ну вот, по-моему....

Кассета № 68

Шестая дорожка записи

Виктор Борисович Шкловский: Я за свою жизнь столько не насплетничал, сколько сегодня. Но будем продолжать вот это преступное действие.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Записи для истории. История ставит /нрзб./

Ш: У Лили была такая манера. Они говорили друг другу: «Наверти мне такого-то»²⁷⁶. По-моему, так. Ну, скажем, она хочет кого-нибудь полюбить. И ее, значит, женщины, которых мы называли «подлилками».

276 Лиля Брик позаимствовала это выражение у своей подруги — балерины Екатерины Гельцер (1876—1962): «Романы свои она называла “навертками” и, когда ей нравился какой-нибудь мальчик, просила: “Навертите меня ему”» (*Брик Л.* Пристрастные рассказы. С. 26).

Д: Как? Поддилками?

Ш: Да. Не от слова «подлый», а от слова «Лиля». «Лиля» и «поддилки».

Д: А, как «подмаксимки» были²⁷⁷.

Ш: «Подмаксимки». Так вот, поддилки начинали ей наворачивать. Рассказывать про какого-нибудь человека, заинтересовывать ее. И вот Лиля боялась, что Маяковский от нее уйдет, и поэтому, как Потемкин, она ему наворачивала женщин, не опасных для нее²⁷⁸. Так она ему наворачнула Полонскую. Вот такая история. Лиля хотела снимать картину, хотела снимать картину в месте, которое было ей подчинено — «Межрабпом-Русь»²⁷⁹...

Д: Почему подчинено?

(Звук настолько плох, что в правильности расшифровки следующей страницы нет уверенности.)

Ш: Потому что работал Ося. Ося работал в сценарном отделе²⁸⁰. А у Оси были там свои люди, были... был там, значит, Олег Леонидов²⁸¹, потом там Яхнина работала се-

277 «Подмаксимками» Зинаида Гиппиус назвала «бесчисленных» последователей и подражателей Максима Горького (Крайний А. Братская могила // Весы. 1907. № 7. С. 58).

278 Григорий Александрович Потемкин (1739—1791) — государственный деятель, генерал-фельдмаршал; официальный фаворит Екатерины II с 1774 по 1776 г. и, видимо, ее морганатический супруг с 1775 г. С 1777 по 1789 г. поставлял Екатерине новых фаворитов из числа своих бывших адъютантов. Это Семен Гаврилович Зорич (1745—1799; официальный фаворит в 1777—1778), Иван Николаевич Римский-Корсаков (1754—1831; официальный фаворит в 1778—1779), Александр Дмитриевич Ланской (1758—1784; официальный фаворит в 1780—1784), Александр Петрович Ермолов (1754—1834; официальный фаворит в 1785—1786) и Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов (1758—1803; официальный фаворит в 1786—1789).

279 Советская кинокомпания, созданная в Москве в 1924 г. В 1928 г. преобразована в киностудию «Межрабпомфильм» (впоследствии Киностудия им. М. Горького).

280 С 1926 г. Осип Брик заведовал литературным отделом студии «Межрабпом-Русь» (затем «Межрабпомфильм»).

281 Олег Леонидович Леонидов (1893—1951) — сценарист, прозаик, критик. Как и сам Шкловский, работал в отделе у Оси-па Брика.

кретаршей этого... владельца предприятия²⁸². Вот, значит, она²⁸³ захотела снимать. Так как снимать она не могла, то к ней был приставлен человек — Жемчужный²⁸⁴. Они снимали картину, представляющую из себя пародию на картины «Межрабпома».

Д: Это «Стеклянный глаз» называлась?²⁸⁵

Ш: Да, «Стеклянный глаз». Стеклянный глаз — это, значит, выражение, взятое... перефразировка...

Д: «Киноглаза»²⁸⁶.

Ш: «Киноглаза». Таким образом, это вещь была вьющаяся вещь, она цеплялась за Дзигу Вертова и, отрицая, повторяла схемы «Межрабпом-Русь». Там была история... Там снималась красивая женщина Полонская и, я уже забыл, как его звали, человек, который снимался тогда в картине «Герой нашего времени» — Печорин²⁸⁷.

Д: Очень красивый /нрзб./

Ш: Что? Да. И там... Это была пародия и она кончалась тем, что мужчина и женщина вдвоем выходили из воды сухими, в халатах. Лиля ела яблоки на съемках. Руководил съемкой Жемчужный, который был небольшим, но только документальным режиссером. И здесь Лиля увидела Полон-

282 Евгения Иосифовна Яхнина (1892—1979), секретарь дирекции кинофабрики, написала несколько исторических повестей для детей в соавторстве с Михаилом Никифоровичем Алейниковым (1885—1964), руководившим компанией «Межрабпом-Русь».

283 Т.е. Лиля Брик.

284 Виталий Леонидович Жемчужный (1898—1966) — в начале 1920-х гг. режиссер и актер Театра Вс. Мейерхольда, затем заведующий редакцией журнала «Советское кино», в 1927—1937 гг. кинорежиссер; сценарист.

285 «Стеклянный глаз» («Фильм о фильме») — 48-минутная лента, снятая в 1928 г. Авторы сценария и режиссеры — Лиля Брик и Виталий Жемчужный. Актеры — Николай Prozоровский, Вероника Полонская, Анатолий Головня.

286 «Киноглаз» для «киноков» — это собственно объектив кинокамеры и в то же время способ увидеть жизнь в такой полноте и яркости, какая не доступна человеческому глазу.

287 Николай Петрович Prozоровский (Бржезицкий-Прозоровский; 1905—1935). В роли Печорина снялся в фильмах «Княжна Мери» (1926), «Максим Максимыч» и «Бэла» (оба 1927).

скую. Она как-то ее связала с Володей в качестве своей временной заместительницы. Лиля, когда уезжала, то говорила мужчинам: «Я уезжаю, делайте что хотите, только чтобы не было детей». А приезжая, давала телеграмму: «Произведите ремонт и дезинфекцию»²⁸⁸. Вот так появилась Полонская.

Д: Дети, кстати, начисто отсутствуют в этой теории свободной любви.

Ш: Да. Полонская была красивая женщина, /нрзб./

Д: Не /нрзб./?

Ш: Нет. И она... У меня впечатление, что Володя в нее был влюблен...

Д: В Полонскую?

Ш: В Полонскую, да. После съемок... я теперь вспоминаю, как он ее ждал, он ее ждал в саду тогдашнего «Огонька».

Д: На Страстном бульваре²⁸⁹.

Ш: Да-да. Очень волновался. Наконец она пришла. Связь Володи с Полонской бóльшая, чем та, на которую рассчитывала Лиля. И Лиля, по-моему, однажды даже устроила скандал Полонской, говоря ей при Маяковском, что Володя не мужчина²⁹⁰, что...

Д: Почему она так говорила?

Ш: Что?

Д: Ведь он действительно не был импотентом. Что это значит?

Ш: Не был, не был. Ну...

Д: Очевидно, это было /нрзб./

288 В письме из Риги в Москву (начало января 1922 г.) Лиля Брик писала Осипу Брику и Маяковскому: «Вы, конечно, понимаете, что, несмотря на то, что я очень радуюсь, что вы так веселитесь, — вам перед моим приездом придется открыть все окна и произвести дезинфекцию» (*Янгфельдт Б. Любовь — это сердце всего*. С. 90).

289 Редакция журнала «Огонек», возобновленного в 1923 г. М.Е. Кольцовым, помещалась до 1938 г. на Страстном бульваре (д. 11, стр. 1). На доме — мемориальная доска, посвященная Кольцову.

290 Чтобы уязвить Маяковского, Лиля, обращаясь к Полонской, назвала его импотентом. Но Полонской, которая была в близких отношениях с Маяковским, говорить это не имело смысла.

Ш: Ну вот. Теперь, ну, сохранился у Перцова план разговора с Полонской...²⁹¹

Д: Ну, по всем пунктам этого плана мы с Вероникой Витольдовной прошли²⁹².

Ш: Что?

Д: По всем пунктам этого плана мы... Не у Перцова сохранилось, а в рукописях Маяковского. Перцов только фотографию сделал потом.

Ш: Ну вот. Значит, что же дальше? В последние времена жизни, когда Маяковский еще был жив, я с ним мало встречался, потому что у меня были очень плохие отношения с Лилей. Однажды я сидел в левом корпусе Дома литераторов, там, где был тогда большой зал, зал конференций. Там сейчас правление.

Д: Клетушки.

Ш: Теперь клетушки, а тогда был зал.

Д: Это правая сторона?

Ш: Если стоять...

Д: Если стоять лицом к...

Ш: Левая.

Д: ...зданию...

Ш: Левая, левая.

Д: Левая²⁹³.

291 Составленный Маяковским 12—14 апреля 1930 г. план разговора с Полонской впервые воспроизведен в книге В. Перцова «Маяковский: жизнь и творчество в последние годы. 1925—1930» (М.: Наука, 1965. С. 373). Автограф Маяковского, находившийся в архиве Лили Брик, в 1967 г. был передан в Библиотеку-музей поэта. Повторно приведен в книге: «В том, что умираю, не вините никого?». С. 380—381.

292 5 апреля 1968 г. (3-я беседа Дувакина с Полонской) и 30 мая того же года (5-я беседа).

293 Речь о здании, которое москвичи называют «домом Ростовых», с памятником Л.Н. Толстому во дворе (Поварская улица, дом 52). С середины 1920-х гг. здесь был Клуб писателей и штаб-квартира ФОСП — Федерации объединений советских писателей. В большом зале с 15 по 17 апреля 1930 г. прощались с Маяковским. Впоследствии здесь разместился аппарат Союза советских писателей. Для его нужд на месте зала были устроены служебные кабинеты. Если стоять

Ш: Я сидел с этим... с покойным Никулиным²⁹⁴. Показался очень мрачный Маяковский.

Д: Это когда примерно было?

Ш: Ну, это было в месяц смерти.

Д: Ах, так — конец марта, начало апреля²⁹⁵.

Ш: Он заговорил, и говорил, что «вот как хорошо, что существуют производственные коммуны, где деньги все кладут в коробку, а потом каждый берет, сколько ему надо». Я говорю: «Это хорошо, когда нечего покупать. Когда появятся потребности... (а сколько он заработал — ерунду).

лицом к зданию, то бывший зал и последующие кабинеты размещались в правом крыле.

294 Лев Вениаминович Никулин (1891—1967) — прозаик, драматург, журналист; автор воспоминаний «О Маяковском» (*Никулин Л. Воспоминания и встречи // Знамя. 1939. № 9. С. 168—184*).

295 Никулин относит этот эпизод к открытию выставки «20 лет работы Маяковского», т.е. к 1 февраля 1930 г.: «Позади выставки была другая и третья комната, выкрашенная в раздражающий ярко-синий цвет. В этой комнате я и Виктор Шкловский ожидали Маяковского.

Он пришел и спросил меня о парижских друзьях и знакомых (Никулин только что вернулся из Парижа. — *В.Р.*). Он спросил обо всех, но не назвал красивую женщину (Татьяну Яковлеву. — *В.Р.*), которую я не раз видел с ним в Париже. <...> Он ничего не спросил о ней, хотя, конечно, это было ему нелегко.

Он сразу заговорил о другом и неожиданно, с какой-то излишней страстностью стал рассказывать о домах-коммунах. В трудный год, весной 1930 года, в дни “головокружения от успехов”, много говорили о новом устройстве быта. Говорили о домах-коммунах, где как бы осуществлены отношения людей в коммунистическом обществе — все заработанные деньги идут в общий котел, и каждый берет из котла, сколько ему нужно по потребностям.

Маяковский говорил об этой форме быта с каким-то страстным упрямством, точно заглушая в себе горькую, глубокую печаль. И это внезапное увлечение казалось мне в то время тоже своеобразным “головокружением от успехов”.

Я помню, что ответил ему скептической шуткой. Маяковский промолчал» (*Никулин Л. Воспоминания и встречи // Знамя. 1939. № 9. С. 182*).

Потом это не решение вопроса — эти коробки. Это на две недели — коробки». Володя пошел.

Д: А кто это рассказывал про коробки?

Ш: Володя. У него было такое... это была эпоха производственных коммун.

Д: «...от ударных бригад...»²⁹⁶

Ш: Да, Сельвинский сюда входит²⁹⁷, /нрзб./ такой очередной загиб. Потом показался Леопольд Авербах²⁹⁸. Молодой, совсем лысый, в очках блестящих, немножко сгорбленный, потому что у него в руке был тяжелый портфель. У него был кожаный портфель. Он быстро прошел, так, как врач приходит на тайный аборт, с инструментами.

У меня было впечатление, что вот они идут перевоспитывать Маяковского. Пробежал такой лихорадочно румяный, белобрысый, сутуловатый Ермилов²⁹⁹.

Д: Вы молодым его помните? Я только...

Ш: Да. Они начали как? Когда...

Д: Какое-нибудь РАППовское заседание было?

Ш: Какое-то РАППовское заседание³⁰⁰. Что с Володей

296 Из стихотворения «Марш ударных бригад» (1930), с рефреном:

*От ударных бригад
к ударным цехам,
от цехов
к ударным заводам.*

(Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 10. 1929—1930; Стихи детям: 1925—1929 / подгот. текста и примеч. С.А. Коваленко. М., 1958. С. 162, 163, 164).

297 Поэт Илья Львович Сельвинский (1899—1968), будучи председателем Литературного центра конструктивистов, в 1927—1930 гг. вел острую полемику с Маяковским, не удерживаясь от личных выпадов.

298 Леопольд Леонидович Авербах (1903—1937, расстрелян) — литературный критик, генеральный секретарь РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей), ответственный редактор журнала «На литературном посту».

299 Владимир Владимирович Ермилов (1904—1965) — литературовед, критик, секретарь РАПП, активный участник проработочных кампаний. Полемически упомянут в предсмертном письме Маяковского.

300 Шкловский писал ранее об этой встрече с Маяковским вслед

произошло? Володя...

Д: Вы знаете, что Авербах... Простите, это вам... может, тоже к этому поводу что-нибудь дополните. Кто-то мне это говорил, то ли Вольпин³⁰¹, то ли Ардов, я уже не помню, но, во всяком случае, у меня записано, что Маяковский пришел для какого-то разговора к Авербаху. И Авербах заставил его в приемной ждать час³⁰².

Ш: Угу. Правильно. Теперь, когда была последняя выставка Володи, я пришел, народу не было. Пришел Володя, очень усталый, очень усталый, больной. Ну, поздоровались. Он сказал: «Правда, много сделано?» А сделано было очень много. Кругом висело. Теперь... Потом был вечер.

Д: А кто еще был с вами?

Ш: Никого не помню. Потом был, значит, маленький зал, сидело, ну, четыре-пять рядов людей. Я сидел в четвертом ряду. Володя рассказывал о своей жизни, и рассказывал, что его исключили из третьего класса

за Никулиным (см. примечание 295):

«Я видел его в последний раз в Доме писателей на улице Воровского. Комната была освещена прожекторами. Вделанными как-то в углы в упор глазам.

Сидел, разговаривал с Львом Никулиным о Париже.

Прошел один человек, другой прошел. Были они с портфелями. Шли разговаривать о своих организационных делах. Прошел низкорослый человек с голым черепом, обтянутым бледной кожей.

Нес он рыжий, большой, блестящий портфель.

Человек очень торопился: Маяковского шли перевоспитывать.

Пошел Владимир, задержался на минутку.

Заговорил.

Начал хвалить бытовые коммуны, которым раньше не верил. Убедили, значит.

Говорил устало о коробке, в которую все кладут деньги, берут столько, сколько им надо. Никулин ответил шуткой. Маяковский не стал спорить, улыбнулся и прошел на заседание» (Шкловский В. О Маяковском. С. 218).

301 Михаил Давыдович Вольпин (1902—1988) — драматург, поэт и сценарист. Под началом Маяковского работал над «Окнами РОСТА» как текстовик.

302 В записях бесед с Вольпиным и Ардовым этой детали нет. Но Ардов Авербаха не упоминает, а Вольпин о нем рассказывает.

школы и что мама плакала³⁰³.

Д: Этой мелочи...

Ш: Что?

Д: Этой мелочи нигде не было.

Ш: «А вот, мама, теперь ты сидишь в третьем ряду и видишь, что не так плохо получилось. Не надо было плакать».

Д: Вот спасибо. Это конкретная деталь, которая нигде, ни в одном месте, даже ни у мамы, ни у Люды...³⁰⁴

Ш: В чем дело? В это время у него в кармане могло лежать уже предсмертное письмо³⁰⁵.

Д: Нет еще.

Ш: Но во всяком случае это было близко к этому. Я думаю, что у него... что он собирался жить. Мать он любил и так терзать ее сердце, что не так плохо вышло, он бы не стал.

Д: То есть думая, что через неделю его не будет?

Ш: Да.

Д: Думаю то же, не стал бы.

Ш: Да. Вот, после этого я ушел и значит... Жил я в Марьиной роще.

Д: А вы знаете, как он про вас сказал?

Ш: Как?

Д: То есть, он очень горько говорил, что на выставку не

303 Маяковский ушел не из третьего класса, а из пятого. Посреди учебного года он настоял, чтобы мать забрала его документы из гимназии. Александра Алексеевна Маяковская не смогла его переупрямить и в прошении на имя директора утверждала, что сын не может продолжать учебу по болезни. Педсовет отчислил Маяковского по стандартной формулировке: за невзнос платы за учение. В гимназии Маяковский проучился до марта 1908 г.

304 Т.е. нет ни в книге Александры Алексеевны Маяковской «Детство и юность Владимира Маяковского» (М.; Л.: Детгиз, 1953), ни в книгах Людмилы Владимировны Маяковской «Пережитое: из воспоминаний о В. Маяковском» (Тбилиси: Заря Востока, 1957) и «О Владимире Маяковском: из воспоминаний сестры» (М.: Детская литература, 1965) и в ее журнальных публикациях.

305 Выставка «20 лет работы Маяковского», о которой рассказывает Шкловский, открылась 1 февраля 1930 г., а известное предсмертное письмо датировано 12 апреля.

пришли писатели. Бромберг ему говорит: «Да ну, как же не пришли? Был Шкловский, был Никулин». Он говорит: «Это не в счет. Это друзья и знакомые. А просто писатели не пришли».

Ш: Ну вот. Теперь, значит, ко мне позвонили первого апреля, что Маяковский застрелился³⁰⁶. Я повесил трубку: а, первое апреля, очевидно. Я приехал на... на...

Д: Вы после этого его не видели? Ни разу?

Ш: Да.

Д: Вы ушли с выставки — и всё?

Ш: Да, всё.

Д: И больше ни разу не виделись?

Ш: Потом, значит, я приезжаю на Гендриков переулок. Столовая. В Володиной комнате кто-то. А тут на диване сидят Раппы и Олеша. Катаева, кажется, не было. А там, в этой комнате³⁰⁷, слышно — стучат. Потом выходит молодой врач в белом халате, с большим блюдом, на котором лежат мозги Маяковского.

Д: Мозг.

Ш: Мозг. И говорит: «Посмотрите, как ничего не значит внешний вид мозга. Насколько мозг Маяковского больше и красивее мозга академика Фриче»³⁰⁸. *(Дувакин смеется.)*

Д: То есть врач исходил из того, что академик Фриче должен быть умнее.

Ш: Умнее, да. Потом, значит... Лили в это время не было...³⁰⁹

Д: Не было. Это тут был при этом Зенкевич.

306 Маяковский застрелился 14 апреля. По старому стилю это 1 апреля.

307 В комнате Маяковского, куда перенесли его тело.

308 «Врач, производящий вскрытие, говорит о тяжелом гриппе: — Посмотрите, грипп поразил этот мозг. Какой большой мозг, какие извилины! Насколько он интереснее мозга знаменитого профессора В.Ф. Очевидно, форма мозга еще не решает» (*Шкловский В. О Маяковском. С. 220*).

Владимир Максимович Фриче (1870 — 4 сентября 1929) — литературовед и искусствовед; академик АН СССР (1929), директор Института русского языка и литературы при РАНИОН, ответственный редактор журнала «Литература и марксизм» (1928—1929).

309 С 18 февраля 1930 г. Брики были в заграничной поездке.

Ш: Зенкевич. Теперь мы... Я пошел на похороны, и тут, значит, приехала (/нрзб./ в этом самом в Доме литераторов), и тут приехала совершенно заплаканная Лиля, Ося...³¹⁰

Д: Они куда же?... Уже перевезли оттуда?

Ш: Они вернулись...

Д: Вы в Гендриковом долго были?

Ш: Недолго был.

Д: Кого вы там помните?

Ш: Никого не помню.

Д: Вы плакали очень.

Ш: Очень плакал. И вот, значит, приехала Лиля и говорит Кирсанову: «Вы поссорились с Володей». Он говорит: «Да». А она ему говорит очень хорошие слова: «Считайте, что вы помирились, не помните об этом». И все встречаются... тут говорит речь Луначарский³¹¹.

Д: Это уже сами похороны, да?

Ш: /нрзб./ Луначарский говорит. И, значит, проходит этот... как его... Агранов и показывает мне пулю. «Это, — говорит, — вынутая из мозга Маяковского»³¹².

Д: Как из мозга?!

Ш: Из мозга Маяковского. Он стрелялся так, стоя

310 Брики, получившие телеграмму о самоубийстве Маяковского в Берлине, 17 апреля прямо с Белорусского вокзала приезжают в Клуб писателей.

311 Траурный митинг начался в 3 часа дня 17 апреля во дворе Клуба писателей. Среди выступавших с балкона был и Анатолий Васильевич Луначарский (1875—1933) — нарком просвещения с октября 1917 по сентябрь 1929 г., затем председатель Ученого комитета при ЦИК СССР. Поэт Семен Кирсанов прочитал на митинге поэму Маяковского «Во весь голос». Но за два с лишним месяца до смерти Маяковского, 8 февраля 1930 г., Кирсанов напечатал в «Комсомольской правде» стихотворение «Цена руки», непримиримо оскорбительное по отношению к Маяковскому:

*Пемзой грызть,
бензином кисть облить,
чтобы все его рукопожать
со своей ладони соскоблить.*

Конечно, Лилия Брик знала об этом. Знала она из письма Маяковского от 19 марта и то, что Кирсанов с женой были у него «раза два» (Янгфельдт Б. Любовь — это сердце всего. С. 189).

312 См. примечание 139.

около телефона, и пуля прошла в мозг. Так я понял. И он мне говорит фразу, которую я до сих пор не понял, фраза из «Zoo»: «И быть жестоким очень легко, надо только не любить»³¹³. Про кого он говорил? Про Лилю или про кого? Я не знаю. Володя лежал в том помещении, которое сейчас разгорожено, а когда-то было церковью, но... там сейчас, в правой стороне, бухгалтерия и так далее.

Д: Он в правой стороне и лежал.

Ш: У него (он показывал мне, когда он приехал из-за границы), у него были ботинки, желтые, на медных набойках, которые были на каблуке и на носке, и он говорил, что это неизносимо. Он лежал в гробу в хорошем костюме, приподнятый на подушках. Но так как он был большой, он не помещался, и носки <ботинок> были видны. Это были ботинки с неизносимыми медными набойками³¹⁴.

Д: Виктор Борисович, простите, я вас остановлю, потому что вы здесь коснулись таких вещей, о которых мне хочется узнать подробнее. Ну, относительно ботинок, это всюду, так сказать... уже Асеев использовал, и от вас это идет, и Цветаева. Уж не знаю, откуда, видно, корреспонденция была. Помните, у нее же:

В сапогах, подкованных железом,

В сапогах, в которых гору брал —

Никаким обходом и объездом

*Не доставшийся бы перевал...*³¹⁵ и так далее. Там на три строфы. Но меня совершенно... Очень привлекло мое внимание сообщение о вашем споре с Аграновым. Что-то тут... что-то тут очень неясное.

Ш: Не знаю.

Д: Во-первых, как пуля... это технически непонятно. Тогда у него должна была быть рана где-то...

Ш: Ничего. Она может пройти, пройти...

313 См. примечание 140.

314 Об этом же — в книге «О Маяковском»: «Он лежал в Союзе писателей. Гроб мал, видны крепко подкованные ботинки» (с. 220).

315 Из стихотворения «Маяковскому» (1930). См.: *Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. Стихотворения; переводы / сост., подгот. текста и коммент. Анны Саакянц и Льва Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 274.*

Д: Как может пуля пройти через...

Ш: Через шею.

Д: В мозг? У него было, по-моему...

Ш: Он стрелялся в сердце.

Д: Он стрелялся в сердце.

Ш: Стоя.

Д: Стоя. И пуля, по-моему, была у задней стенки.

Ш: Не знаю.

Д: Это сказал?.. А как вы считаете, не могло тут быть какой-нибудь дезинформации?

Ш: Не знаю.

Д: Вы вообще этого человека...

Ш: Мало знаю. Встречал у Бриков. Не пришлось, слава Богу, с ним связаться.

Д: Вот роль этого человека и некоторых других, и связь Осипа Максимовича с этими людьми и некоторыми другими, мне бы очень хотелось, конечно, узнать как можно больше.

Ш: Не знаю. Теперь давайте...

Д: Хорошо. Тогда продолжайте.

Ш: Теперь дальше буду рассказывать. Теперь, значит, люди шли. Очень много людей было. Агранов... в доме Бриков бывало много чекистов. Значит, приходили с женами, и было впечатление, что, скажем, у Оси, так сказать, есть с ними живая связь. Так что даже в отделе (он же служил когда-то в ЧК), в отделе спекуляции...

Д: А может, он и продолжал служить?

Ш: Нет. Даже была песня тогда:

Жду своего комиссарика

Из спецотдела Чеки.

Д: Подождите, где-то это приводили?..

Ш: Ну вот. Теперь так. Машину вел Кольцов. Оторвался и, значит, проехал вперед, то есть он потерял...

Д: Близких сопровождающих³¹⁶.

316 Художник Борис Ефимов рассказывал автору этих строк в апреле 1989 г., что от Клуба писателей грузовик с гробом вел его брат, Михаил Ефимович Кольцов, уступивший место за рулем только на подъезде к стройке Дома правительства,

Ш: Да. И я тогда уже не помню ничего.

Д: Вы где были сами?

Ш: Не знаю.

Д: В толпе?

Ш: В толпе, я же был очень подавлен. Теперь что, в чем дело?

Д: А на самих похоронах вы были? На самой кремации вы прошли к нему?

Ш: Не помню.

Д: Даже не помните? Вы были очень, так сказать...

Ш: Совсем.

Д: ...взволнованы настолько, что вы просто не помните, как шли, кто был — ничего? Но помните только, что вел машину...

Ш: Это я помню. Он маленького роста был, на грузовике, и уехал. Так что, видите... В чем дело? У меня такое впечатление, что вся эта диверсия с Лилей и так далее задумана...

Д: «Огонек»?

Ш: Да. ...по двум линиям. Первое: что вины у «това-

сразу за Большим Каменным мостом, где уличное полотно сильно сужалось. Но были и свидетели того, как председатель похоронной комиссии А.Б. Халатов силой вытаскивал Кольцова из кабины еще во дворе Клуба писателей, пока грузовик не трогался с места. Тем, кто говорил, что ритуальным грузовиком управлял Кольцов, решительно возражает В.А. Катанян:

«Меня потом (много лет спустя) спрашивали: правда ли, что этот грузовик с гробом Маяковского вел Михаил Кольцов? Не знаю, откуда пошла эта легенда. Я помню М<ихаила> Е<фимовича> в тот день в пешем строю за гробом, а недавно мне попалась фотография, где перед бронированным грузовиком ясно различимый Кольцов чинно выступает в обществе Халатова и Авербаха.

Но это могло быть только в самом начале, на первых шагах похоронного шествия. Дальше всё смешалось» (Катанян В. Распечатанная бутылка. С. 218).

Но все одинаково вспоминали, что шофер грузовика никак не мог согласовать свою скорость с движением похоронной процессии и то вырывался вперед, заставляя толпу догонять машину, то притормаживал, создавая толчею.

рища правительства» в смерти Маяковского нет. А виноваты... виновата еврейка и еврейское окружение.

Д: И это тоже есть.

Ш: Да. Вот для чего это сделано. Поэтому подчеркнуто, что Яковлева — русская женщина³¹⁷, мол, можно было бы и женить — всё было бы хорошо. Теперь, значит...

Д: Хотя раньше подчеркивалось, что она эмигрантка.

Ш: Да. Теперь, какие же следы замечаются? Маяковский застрелился из револьвера, который постоянно с собой носил: испанский браунинг...³¹⁸

Д: Испанский?

Ш: Да.

Д: У него ведь был еще какой-то второй?

Ш: Не знаю.

Д: Маленький.

Ш: Я не знаю, не держал его в руках. Мне так говорили.

Д: Вам так говорили? Простите, я перебиваю для того, чтобы уточнить. Это страшно важно, потому что у него, оказывается, было два револьвера.

Ш: Да.

Д: Вы своими глазами его видели?

Ш: Я... Да. Видите ли, раньше у Володи была лента «Не для денег родившийся», где он (она снималась в доме Нирнзее³¹⁹), где он собирался стреляться.

317 Злому гению Маяковского — Лиле Брик — противопоставлена любящая и преданная Татьяна Яковлева. Предъявлен и источник этой любви и преданности: «Татьяна Алексеевна Яковлева была дочерью русских родителей» (*Воронцов В., Колосков А. Любовь поэта // Огонек. 1968. 13 апреля. № 16. С. 11*).

318 У Маяковского на момент самоубийства были как минимум три пистолета: «Маузер» № 312045, «Баярд» № 42508 и «Браунинг» № 268979. Однако он выстрелил в себя не из браунинга, а из маузера. Именно маузер лежал рядом с телом покойного, и пуля, извлеченная из тела, по заключению криминалистической экспертизы, была выпущена не из браунинга, а из маузера («В том, что умираю, не вините никого»?.. С. 362—375, 427—441, 98, 100).

319 Фильм «Не для денег родившийся» (1918) по сценарию Маяковского, переделавшему под себя интригу романа Джека Лондона «Мартин Иден», и с Маяковским в главной роли русского поэта Ивана Нова снимался в Москве, в Самарском

Д: Да.

Ш: Он сперва перелезал через перегородку (очень ловко, между прочим), пытаясь выброситься, а потом он играл с этим браунингом³²⁰.

Д: Вы видели эту ленту?

Ш: Видел.

Д: По возможности перескажите ее.

Ш: Ну, лента глупая.

Д: Ее уже нет сейчас.

Ш: Лента глупая. Подробности про нее вам расскажет Лева Гринкруг, который в ней снимался. Актер³²¹.

переулке, на студии «Нептун». Даже когда действие переносилось в «Кафе поэтов», принадлежавшее Д. Бурлюку, В. Каменскому и В. Маяковскому, съемка велась не в самом кафе, а в студийных декорациях. Правда, один из уличных эпизодов (нападение на брата главной героини, которого спасает Иван Нов и благодаря этому знакомится с нею и влюбляется в нее) был разыгран в Спиридоньевском переулке, на углу Спиридоновки. От картины уцелело всего несколько кадров. Но Шкловский ее видел. В его пересказе Иван Нов не раз примеривался к самоубийству. Например, так: «Он уходил на крышу и хотел броситься вниз» (*Шкловский В. О Маяковском*. С. 104). С этим эпизодом и могла быть связана съемка в доме Нирнзее. У этого десятиэтажного дома высотой более сорока метров, построенного в центре Москвы, в Большом Гнездниковском переулке, в 1912—1913 гг. и почти 20 лет остававшегося самым высоким жилым зданием города, была плоская крыша со столовой, сквериком и смотровой площадкой. Маяковский поднимался туда неоднократно.

320 В статье «Кинематография Маяковского» Шкловский рассказывал: «Вещь называлась “Не для денег родившийся”. Она была переделкой романа Джека Лондона. В ней рассказывалось о том, как поэт из народа Иван Нов случайно спасает на улице какого-то молодого человека. Молодой человек знакомит его со своей сестрой, вводит в общество.

Поэт прославился, но его не любят. Он хочет покончить с собой, играет револьвером, перелезает через решетку балкона. Потом одевает свой цилиндр на скелет, почему-то стоящий в его комнате, и уходит по дороге, бездомный и свободный, как Чаплин, который еще тогда не снимал таких лент» (Кино. 1937. 11 апр.). Фильм снимался весной 1918 г., а маузер, из которого застрелился Маяковский, попал к нему только в 1927 г.

321 Лев Александрович Гринкруг (1899—1987) — литературный редактор и киноработник, многолетний близкий друг Бри-

Д: Актер он разве был?

Ш: Да. Снимался в ней в качестве брата женщины, которого спас <Иван Нов>.

Д: Ага. Просто чтоб подзаработать.

Ш: Да. Ну вот, значит, этот револьвер у него был давний³²². Теперь, так как он стрелялся у телефона, то, может быть, он получил какое-нибудь сообщение по телефону.

Д: Нет, телефон не звонил. Я видел следствие.

Ш: А почему он стоял около телефона?

Д: Ну, комната вся была в несколько шагов. Он снял... она была небольшая³²³.

Ш: Он /нрзб./, так, позвонили, пришел человек с энциклопедическим словарем. Он получил том «Le Russe», расписался³²⁴.

Д: Расписался. Потом продолжался разговор.

Ш: Разговор. Потом...

ков и Маяковского. В 1918 г. снялся в фильме «Не для денег родившийся» в роли того самого брата девушки, в которую влюбляется главный герой. Воспоминания Гринкруга «Не для денег родившийся» напечатаны в сборнике «В. Маяковский в воспоминаниях современников» (с. 178—182).

322 Уже в книге «О Маяковском» Шкловский писал: «Он убил себя выстрелом из того револьвера, который снят в картине «Не для денег родившийся»» (с. 219).

323 Около 12 м².

324 Звонил в дверь общей квартиры книгоноша Госиздата Шефтель Шахнович Локтев. На допросе он показал, что принес Маяковскому-подписчику очередные два тома Советской энциклопедии. Открыла ему соседка Маяковского. Локтев громко постучал к Маяковскому. Не дождавшись ответа, постучал еще раз. После повторного стука раздраженный Маяковский резко вытолкнул дверь, держа ручку в руке, и крикнул:

— Не до вас сейчас, товарищ! Бросьте там книги на пол, а деньги возьмите в соседней комнате.

В приоткрытую дверь Локтев увидел, что на диване справа от двери сидит женщина приблизительно 24-х лет, худощавая, с круглым белым лицом, а Маяковский стоит перед нею на коленях.

Нарвавшийся на грубость курьер вошел к соседке, получил деньги за книги, принесенные прошлый раз, 31 марта, и сегодня, 14 апреля, и выписал две квитанции. Пока писал, слышал за стеной, у Маяковского, взволнованный шепот (см.: протокол допроса Локтева в кн.: «В том, что умираю, не вините никого»?.. С. 65—68).

Д: Разговор с Норой³²⁵. Она попрощалась...

Ш: Она при этом была.

Д: Она сказала, что она за дверь вышла.

Ш: Тогда мы думали, что она была.

Д: Она говорит, что... Она рассказывает целую, можно сказать, картину, как она услышала крик и что вот стала метаться в квартире. «Мне, — говорит, — казалось, что прошло какое-то время, но, очевидно, это было всего несколько секунд, потому что когда я открыла дверь, то Маяковский лежит на полу, а в комнате еще был дым от выстрела»³²⁶. Она... он ей дал денег... Последние его слова были: «У тебя есть деньги? На тебе двадцать рублей»³²⁷.

Ш: Теперь так: нужно выстрелить из браунинга в комнате и посмотреть, даст ли это дым.

Д: Ну, теперь, наверное, другая...

Ш: Можно взять старый. У меня нет представления, что браунинг дает дым. Это немножко из детективного рассказа. А воспоминания она писала с Ардовым.

Д: Да, это в варианте 38-го года. Мне она рассказала в четыре раза больше в общей сложности³²⁸.

Ш: Надо было бы знать, что у нее... что она записала, когда приехала милиция, когда НКВД приехало.

Д: Протокол снимало не НКВД, а просто милицкий³²⁹. Настолько этому не придавали значение... Может, вам подставить?..

Ш: Ничего, ничего. Значит так. Вот что было у Маяков-

325 Нора — домашнее имя Вероники Витольдовны Полонской.

326 Из воспоминаний Полонской: «Мне казалось, что прошло очень много времени, пока я решилась войти. Но, очевидно, я вошла через мгновение: в комнате еще стояло облачко дыма от выстрела» («В том, что умираю, не вините никого»?.. С. 505). В воспоминаниях Полонская пишет: «Он дал мне 20 рублей» (там же). В протоколе допроса, состоявшегося в день самоубийства Маяковского, со слов Полонской записано: «Он мне дал 10 рублей, которые я взяла; простился со мной, пожал мне руку» (там же. С. 107, 111).

328 Дувакин записывал Полонскую в 1968 г.: 22 и 24 марта, 5 и 14 апреля и 30 мая.

329 Допрашивал Полонскую 14 апреля 1930 г. народный следователь Московской областной прокуратуры, сотрудник 2-го участка Бауманского района г. Москвы Иван Сырцов.

ского? Я думаю, такая история. В целом он был разочарован в жизни, в ходе жизни, а... об «амортизации тела и души»...³³⁰

Д: «Сердца и души».

Ш: «Сердца и души». Но эти «тело и душа», потому что это тело страшно старилось, он поссорился незадолго до этого с портным.

Д: С кем?

Ш: С портным, который ему сказал, что «вам надо делать гимнастику, у вас образуется...

Д: Брюшко.

Ш: ...брюшко.

Д: Женщина мажется.

Мужчина по Мюллеру мельницей машется.

Но поздно.

Морщинами множится кожа.

Любовь поцветет,

поцветет —

*и скукожится*³³¹.

Ш: Теперь, я думаю, это было... Я не знаю, почему он умер. Я не знаю. Потому что, вот так, как рассказывают... Дело с Яковлевой... ушло, Лили нет. С Полонской он хочет как-то жить дальше.

Д: А она не хочет.

Ш: Она не хочет.

Д: Она хочет работать в театре. Он ей ставит ультиматум: уходи из театра немедленно и больше туда не возвращайся. Вот ей надо идти на репетиции, сейчас, сию минуту, он говорит: «Нет, не ходи, оставайся в моей комнате и будешь моей женой»³³².

330 Из стихотворения «Разговор с фининспектором о поэзии» (1926):

Приходит

страшнейшая из амортизаций —

амортизация

сердца и души. (Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. Вторая половина 1925 — 1926. М., 1958. С. 124).

331 Из поэмы «Люблю» (1922). См.: Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 4. М., 1957. С. 85.

332 Таков общий смысл требований и уговоров Маяковского, судя по воспоминаниям Полонской (см.: «В том, что умираю, не вините никого»?.. С. 503—505).

Ш: Тут надо проверить, когда бывает там репетиция.

Д: Это идея. Ну что ж, в одиннадцать часов утра репетиция во МХАТе — это вполне...

Ш: Понимаете, это надо проверить. У меня впечатление, что это липа. Я не знаю...

Д: Ну, а в каком смысле и в чем? И какие вы чувствуете признаки. И как раз в связи с тем, что вы говорили о «Во весь голос», вы говорили, что он разочаровался в ходе жизни. Мне тоже так кажется.

Ш: У меня такое впечатление. У меня такое впечатление, вот когда я его видел, когда он проходил — ужасно, ужасно разочарованный человек.

Д: Вообще-то представить его себе два года спустя в нашей действительности, не говоря уже о 37-м годе, по моему, просто невозможно.

Ш: Да. Видите, у меня был такой случай, что я встретился перед... незадолго до Володиной смерти с Малкиным, Борисом Малкиным, который был нашим приятелем, тоже был у него роман с Лилей, ну, и он почему-то меня вызвал к себе. Он был в районном комитете, где-то на улице... недалеко от Смоленского рынка, около здания теперешнего министерства³³³, дом выходил, одноэтажный особняк, первый на той стороне.

Д: На той же стороне?

Ш: Да.

Д: Ах, райком?

Ш: Райком.

Д: Это был особняк Морозова. Он и сейчас стоит. Это Киевский районный комитет большевиков, начиная с 17-го года³³⁴.

Ш: Почему я это говорю? Чтобы дать вам какие-то признаки, что этот разговор был.

333 Имеется в виду министерство иностранных дел на Смоленской-Сенной площади.

334 Речь о доме № 26/9 на Смоленском бульваре, перестроенном в конце XIX в. для фабриканта Михаила Абрамовича Морозова. В этом доме одно время действительно находился Киевский райком партии, затем Дом пионеров Киевского района, теперь здесь банк.

Д: Понятно.

Ш: И мне Малкин говорит: «Поэзия Маяковского — это оппозиция Зиновьева»³³⁵. Я говорю: «Кто это мог придумать?» Он мне сказал: «Это мнение партии». По-моему, тут ничего не могло быть, ничего не было. Он с Ленинградом не был связан. Но он говорил это очень определенно, и не знаю, для чего.

Д: Самое странное, что оппозиция Зиновьева — это 25-й год. 27-й — уже объединенная троцкистско-зиновьевская, 28-й — бухаринско-рыковская³³⁶, в 29-м — это уже вообще... В 30-м — уже «Головокружение от успехов»³³⁷, уже Сталин, так что, так сказать, как будто это уже история. Но Малкин вам сказал такую вещь?

Ш: Да. Я не помню, когда...

Д: А вы давно ведь Малкина знали?

Ш: Давно знал.

Д: И вы были, вероятно, связаны, еще по дореволюционному прошлому?

Ш: Нет.

Д: Нет?

335 Григорий Евсеевич Зиновьев (1883—1936, расстрелян) — на вершине карьеры председатель исполкома Петроградского (впоследствии Ленинградского) совета (1917—1926), член политбюро ЦК РКП(б) (1921—1926), председатель исполкома Коминтерна (1919—1926). Один из лидеров «новой», или «ленинградской», антисталинской оппозиции (1925—1926) и объединенной троцкистско-зиновьевской оппозиции (1926—1927), тоже направленной против сталинского руководства.

336 Николай Иванович Бухарин (1888—1938, расстрелян), член политбюро ЦК ВКП(б) (1924—1929), Николай Иванович Рыков (1881—1938, расстрелян), член политбюро ЦК ВКП(б) (1922—1930) и председатель Совнаркома (1924—1930), вместе с Михаилом Павловичем Томским (1880—1936, покончил с собой), председателем ВЦСПС (1918—1929), — наиболее известные фигуры правой оппозиции, или «правого уклона» (1928—1929), выступившие против сворачивания нэпа и форсирования индустриализации и коллективизации.

337 «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения» — статья Сталина в «Правде» (1930. 2 марта. № 60). Констатируя, что «коренной поворот деревни к социализму можно считать уже обеспеченным», автор переложил вину за нарушения, искривления, чиновничье декретирование колхозного движения на низовых исполнителей.

Ш: Нет, я был знаком через...

Д: Малкин ведь был... Малкин же вступил... был принят в РКП по рекомендации Ленина. Он эсер.

Ш: Знаю. Но там история такая. Я эсером не был, особенно дореволюционным. Я с эсерами связался... на броневиках поехал³³⁸. А видите какая штука: Малкин работал в «Межрабпомфильме», там, где... вот когда вы спросили: «Кто был? Почему для Лили был родной дом?» Там был Малкин. Что я думаю? Что Маяковскому позвонили из учреждения и ему сказали что-то такое, после чего он застрелился.

Д: Ах, вот что? Ну, что могли еще раз сказать относительно Яковлевой? Что? Всё уже было сказано... Что что-то не проходит?

Ш: Это ерунда. Он же был мужчина. Сегодня не проходит — завтра пройдет. Понимаете, у всякого человека есть то, что называется «хвосты», «хвосты», когда столько раз меняется ориентация, люди, которых вы считаете сегодня ближайшим другом и опорой, а он, завтра вам говорят, что он враг номер один.

Д: Кто-нибудь, скажем, арестован был в этот момент?

Ш: Может быть. Понимаете...

Д: Весной 30-го года шли аресты первые³³⁹. Да... Понимаете, вашему предположению противоречит один факт: то, что записка написана двенадцатого, «что это не выход... (понимаете, на два дня раньше), это не выход, другим не советую, но у меня выходов нет»³⁴⁰. Вот что значит: «У меня выходов нет»?

Ш: Это... Что значит «другие»?

Д: Как «другие»? Что?

338 В 1918—1919 гг. Шкловский был руководителем броневика отряда Военной комиссии при ЦК партии эсеров, участвовал в подготовке мятежа.

339 8 января 1930 г. был арестован Владимир Александрович Силлов (1901—1930) — поэт и критик, примыкавший к кругу футуристов, печатавшийся в «ЛЕФе». 13 февраля он осужден за «шпионаж и контрреволюционную пропаганду». 16 февраля расстрелян.

340 Из предсмертного письма Маяковского: «Мама, сестры и товарищи, простите — это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет» («В том, что умираю, не вините никого»? С. 39, 45).

Ш: «Другим не советую».

Д: А! «другим не советую». Ну, вообще, так сказать...

Ш: Видите, написано письмо двенадцатого, но у меня впечатление, что у него было какое-то ощущение обреченности.

Д: Вот это да. Безысходности.

Ш: Безысходности. И срочной безысходности.

Д: А вы не думаете, что его можно было бы в этот момент — как я всегда говорю публично, и так думал в молодости, не скрою, сейчас я немножко колеблюсь — что его можно было здесь поддержать, что он еще бы прожил...

Ш: Конечно!

Д: Мог... но недолго.

Ш: Конечно. Понимаете, мало ли что... Горький стрелялся много раз, два раза стрелялся³⁴¹, все стрелялись, понимаете. У нас же стреляются люди... Есть легенда, что Фадеев выстрелил в сердце два раза³⁴².

(Обрыв записи.)

<...>

Теперь вот, значит, такая история. Значит, чувство обреченности. С другой стороны — «товарищ правительство»³⁴³. Значит, он считает себя связанным, он стоит на коммунистических позициях и как-то считает одновременно их виноватыми...

341 Горький выстрелил себе в левый бок 12 декабря 1887 г. После извлечения пули на обходе хирург насмешливо высказался о нем. Обиженный пациент схватил большую банку с хлоралгидратом и выпил. Хлоралгидрат — успокаивающее и снотворное средство, но высшая разовая доза его — 2 грамма. Конечно, повторного самоубийцу откачали.

342 Александр Александрович Фадеев покончил с собой 13 мая 1956 г. выстрелом в сердце из нагана, который с 25 м гарантированно пробивал одну за другой три сосновых доски. Это был выстрел наповал. Повторно стрелять не было нужды. Другое дело, что, как рассказывала мне его секретарша Валерия Иосифовна Зарахани, примерно за год до самоубийства она выхватила у него пистолет, не позволив ему тогда застрелиться.

343 Обращение из предсмертного письма Маяковского. Приведено в примечании 129.

Д: Из чего это вытекает?

Ш: Потому что у него есть претензии.

Д: «Товарищ правительство. Моя семья — это...» и так далее. «Если можешь, обеспечь им существование...»

Ш: Да. Но, видите ли, он уходит с поста, он считает себя виноватым.

Д: Он сдает вахту.

Ш: Да.

Д: Слушайте... А если... Можно понять вашу мысль так, что это немножко напоминает пушкинскую заботу о жене и детях, порученную Николаю?³⁴⁴

Ш: Да.

Д: Так?

Ш: Да-да. Понимаете, так: он отбывает... Он... Письмо очень мужественное.

Д: Очень.

Ш: Очень мужественное. Да. Дальше, оно написано так, чтобы отвести политические подозрения: «Любовная лодка разбилась о быт... перечень...»³⁴⁵. Он дает след, любовный след, понимаете.

Д: Первое сообщение следователя вы помните в газетах?

Ш: Нет.

344 В.А. Жуковский пересказывает письмо Николая I умирающему А.С. Пушкину в ответ на его просьбы: «О жене и детях не беспокойся. Я их беру на свое попечение» (А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2 /сост. и примеч. В.Э. Вацура и др. М.: Худож. лит., 1974. С. 347).

345 В предсмертное письмо Маяковский включил несколько перефразированные строки из незавершенного наброска, написанного, вероятно, летом 1929 г.:

*Как говорят —
«инцидент исперчен».
Любовная лодка
разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете,
и не к чему перечень
взаимных болей,
бед
и обид.*

(«В том, что умираю, не вините никого»?.. С. 40, 45.)

Д: «Первоначальное ознакомление с расследуемым делом позволяет сразу делать вывод, что самоубийство не связано с общественно-литературной деятельностью поэта и связано с чисто личными причинами»³⁴⁶.

Ш: Ну, это так всегда и делают у нас. Такое же, когда умер Фадеев, написали, что он был пьяница³⁴⁷. Так не принято писать про покойника.

Д: Да.

Ш: Так что это было принято с восторгом.

Д: Что?

Ш: То, что он написал, что «любовная лодка...», но в то же время никаких...

Д: Его пять лет после смерти травили.

Ш: Да.

Д: Официально. До слов Сталина. Слова Сталина в этом смысле были огромным переломом.

Ш: Да.

Д: Значит, вы считаете, что инфракрасная часть спектра, общественная, безусловно присутствует.

Ш: Присутствует.

Д: Мне важно было хотя бы просто ваше мнение. Я об этом очень много думаю...

Ш: Это мое убеждение.

Д: Это убеждение? Понимаете, я думаю, что он умер... Он не перестал быть коммунистом...

Ш: Нет.

346 «Как сообщил нашему сотруднику следователь тов. Сырцов, предварительные данные следствия указывают, что самоубийство вызвано причинами чисто личного порядка, не имеющими ничего общего с общественной и литературной деятельностью поэта. Самоубийству предшествовала длительная болезнь, после которой поэт еще не совсем оправился» (Правда. 1930. 15 апр.).

347 К некрологу Александра Александровича Фадеева (1901—1956) было приложено медицинское заключение: «А.А. Фадеев в течение многих лет страдал прогрессирующим недугом — алкоголизмом. <...> 13 мая в состоянии депрессии, вызванной очередным приступом недуга, А.А. Фадеев покончил жизнь самоубийством» (Правда. 1956. 15 мая).

Д: Не перестал.

Ш: Он умер непоколебленным коммунистом.

Д: Он умер коммунистом, но он вместе с тем и понимал, что он тем коммунистом, каким он считает, что должен быть, что он не может быть. Он сказал: «Я, если партия прикажет, буду писать ямбом»³⁴⁸, но вообще он понимал,

348 Из поэмы «Маяковский начинается» (1936—1939):

*Однажды
мы шлялись с ним по Петровке;
он был сумрачен
и молчалив;
часто —
обдумывая строки —
рядом шагал он,
себя отдалив.
«Что вы думаете,
Коляда,
если
ямбом прикажут писать?» —
«Я?
Что в мыслях у вас —
беспорядок:
выдумываете разные
чудеса!» —
«Ну все-таки,
есть у вас воображение?
Вдруг выйдет декрет
относительно нас!
Представьте
такое себе положение:
яmb, — скажут, —
больше доступен для масс». —
«Ну, я не знаю...
Не представляю...
В строчках
я, кажется, редко солгу...
Если всерьез,
дурака не валяя...
Просто, мне думается,
не смогу».
Он замолчал,
зашагал,
на минуту
тенью мечась
по витринным лампам, —*

что если он будет делать всё, что ему прикажет партия и /нрзб./ и так далее, и так далее, то он перестанет быть самим собой. Так, что ли?

Ш: Да. Конечно, тут он увидал...

Д: Удивительно исторический момент точно выбран.

Ш: Да. Он... Очень точно. Причем он увидал по РАППу, к чему дело идет.

Д: Ведь РАПП — это еще детские игрушки были.

Ш: Но РАПП, понимаете, — это детская болезнь, которая... видно же, «чего изволите». «Прикажете воспеть экзекуцию...» Ну вот. Теперь я считаю, что я истощен. Вы меня на полгода отпустите. Желаю вам...

Д: Еще на полгода отпустить? Виктор Борисович, ну давайте закончим. Значит, о смерти вы всё сказали, да, что вы думаете?

Ш: Да.

Д: Считаю... Вообще, представить себе Маяковского даже в 35-м году, голосующим за процессы... на процессах и прочее, немыслимо.

Ш: Трудно, трудно.

Д: И той гибкости, которую проявил аполитичный Пастернак, Маяковский проявить не мог.

Ш: Не мог.

Д: Это, безусловно, так. Ну, Виктор Борисович, а теперь еще немножко вот о чем. Во-первых, вот на некоторые, незаконченные ваши главные темы. У нас там осталось, минут на двадцать, мне хотелось... Я прослушал вчера полностью вашу старую запись, вообще, по-настоящему надо было бы вам дать ее послушать, но я понимаю, что вы после этого выдохнетесь, и не будет...

Ш: Интересно, наверно?

и как решение:

«Ну, а я

буду

писать ямбом!»

(Асеев Н. Стихотворения и поэмы / вступ. ст. и сост. А.И. Михайлова; подгот. текста и примеч. А.А. Урбана, Р.Б. Вальбе. Л.: Сов. писатель, 1981. С. 381—382).

Д: Интересно, но немного сбивчиво.

Ш: Ну, а зачем, чтоб было несбивчиво?

Д: Да, это правильно, пусть разбираются в XXI веке. Мое дело предложить, как сказано³⁴⁹. (*Усмехается.*) Вот вы там как раз очень лаконично, хорошо говорите об отдельных людях. Вот я хочу в такого же плана вам задать вопросы. Поговорим об «и». Маяковский и... Блок. Вы с Блоком лично встречались?

Ш: Встречался.

Д: Да? Где? Когда?

Ш: Я встречался в Ленинграде. Мы с ним ходили две ночи по городу, белые ночи, разговаривали. (*Реагирует на удивление Дувакина.*) Что?

Д: Ну, чувствуется, что вы не... у меня стоят уши...

Ш: Он мне сказал: «Скажите, почему вы всё понимаете?» Я об этом напечатал, но я не помню, о чем я с ним говорил³⁵⁰.

Д: Как обидно!

Ш: Мы два дня говорили, две ночи говорили, друг другу... понимаете... У меня было впечатление какое? У меня

349 Отсылка к поэме «Человек» (1916—1917):

Предложил им:

«Хотите, по облаку

телом

развалюсь

и буду всех созерцать».

«Нет, — говорят, — это нам не подходит!»

«Ну, не подходит — как знаете! Мое дело предложить»
(Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1955. Т. 1. С. 261).

350 Соседи Шкловского по лестничной площадке, поэт Владимир Лифшиц и его жена художница И.Н. Кичанова, записали такой рассказ Виктора Борисовича:

«Это было, вероятно, в 1918 году. Как-то ночью мы бродили с Блоком по петроградским улицам и увлеченно разговаривали. “А вы всё понимаете”, — сказал мне, прощаясь, Блок. Странная вещь память. Она работает выборочно и не всегда удачно. Я запомнил эти слова Блока и унес их как хорошую отметку, полученную — совершенно не помню за что» (Устный Шкловский / публ. Э. Казанджана // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 370).

было впечатление от Блока, что он глупый, но когда он говорил об определенных вещах, он был очень умен. Он был в обыденных вещах такой офицерский сын, ну, человек старого времени...

Д: На нем был /нрзб./, да?

Ш: Да. ...у него было такое... Он так грустно расставался с революцией...

Д: С революцией или с Россией?

Ш: С революцией.

Д: С начала НЭПа?

Ш: Нет. С неудачами. С неудачами. Он был очень несчастлив.

Д: Это уже последний год? 20-й — 21-й?

Ш: 20-й — 21-й.

Д: После возвращения?³⁵¹

Ш: Да. Он был...

Д: Он был грустный?

Ш: Что?

Д: Он был грустный.

Ш: Очень грустный был, грустный... Он должен был уехать и этого ему не хотелось. Он продал библиотеку³⁵².

Д: Уехать за границу?

Ш: Да.

Д: Его тянули?

Ш: Ему устраивали отъезд. Он должен был уехать.

351 Шкловский не только вернулся из-за границы, но и бежал за границу после смерти Блока.

352 Об этом же Шкловский писал в книге «Сентиментальное путешествие»:

«Иногда же садился и придумывал особое устройство шкафа для своей библиотеки.

Библиотека же его уже была продана» (С. 142).

И в книге «О Маяковском»:

«Перед смертью он чертил новый шкаф для своей библиотеки; библиотека же была продана» (*Шкловский В. О Маяковском*. С. 111). Однако, судя по изданию: Библиотека А.А. Блока: описание: кн. 1—3 / сост. О.В. Миллер, Н.А. Колобовой, С.Я. Вовиной. Л.: БАН, 1984, 1985, 1986, Блок продавал книги из своей библиотеки, а не библиотеку, потому что библиотека в основном сохранилась.

Д: А он не хотел ехать за границу?

Ш: Он знал, что если поедет, так не вернется, и не хотел уезжать.

Д: Это очень его делает как-то... дорогим.

Ш: Да. /нрзб./ от какой болезни умереть.

Д: Ведь ему всего сорок лет было. Это был молодой человек. Отчего он все-таки умер?

Ш: Даже неизвестно.

Д: От истощения?

Ш: Да, не знаю.

Д: Ну, когда вы его видели, он очень бедствовал?

Ш: Нет, по нашим понятиям, ничего. У него были люди, которые его любили. Лариса ему помогала.

Д: Рейснер?

Ш: Рейснер, да.

Д: А вы его что же?.. Вы /нрзб./ бывали? Откуда вы его знали? Или во «Всемирной литературе»?

Ш: Он даже был на заседании ОПОЯЗа.

Д: Да что вы говорите?! Вы ему, конечно, не понравились.

Ш: Нет, мы понравились.

Д: Понравились?

Ш: Это было заседание, о котором я тогда же написал. Он потом сказал, что «я в первый раз слышу, что об искусстве говорят правду, но то, что вы говорите, поэту знать вредно»³⁵³.

Д: А, ну да, потому что у поэта душевное отношение к искусству, а у вас — формальное.

353 В книге «О теории прозы» (1983), в главке «Рассказ об ОПОЯЗе» Шкловский писал: «Мне приходилось говорить с Блоком; к сожалению, мало. По ночам, гуляя по набережным тогдашнего Петербурга, который не был еще Ленинградом, Блок говорил мне, что он в первый раз слышит, что о поэзии говорят правду, но он говорил еще, что не знает, должны ли поэты сами знать эту правду про себя» (с. 81—82). Об этом же Шкловский рассказывал в книге «О Маяковском» (1940): «Когда-то Блок говорил мне, что когда он меня слышит, то в первый раз слушает правду про стихи, но то, что я говорю, поэту знать вредно» (Шкловский В. О Маяковском. С. 137).

Ш: На этом заседании был Виктор Максимович Жирмунский³⁵⁴. Так что еще сохранились живые свидетели.

Д: Якобсон не был?

Ш: Нет, Якобсон — москвич.

Д: Ну, а вообще ОПОЯЗ вырос из Московского лингвистического?..

Ш: Нет, конечно, нет. ОПОЯЗ вырос... на Ленинграде.

Д: На Ленинграде? Целиком?

Ш: Конечно.

Д: А то Московский: Богатырев, Якобсон — это другое?

Ш: Это другое.

Д: Ну, вы потом так как-то слились, нет?

Ш: Да. Они приехали к нам. У них же... Они выходили под нашей маркой. Они взяли...

Д: Ах, вот что! Теперь я понимаю.

Ш: Они взяли, когда начали издаваться, издаваться в Праге, то они попросили разрешения выйти под маркой ОПОЯЗа. А потом, когда я приехал... Тынянов в Прагу, то Якобсон и Тынянов напечатали в журнале ЛЕФ письмо о необходимости восстановить ОПОЯЗ под председательством Шкловского³⁵⁵.

Д: Ага. Тогда был восстановлен?

Ш: Тогда уже нельзя было восстановить, уже нельзя было, уже не та обстановка.

Д: Уже изменилась? Ведь в 23-м — 24-м году еще можно было.

Ш: Нет, это уже был 25-й³⁵⁶.

Д: Ах, 25-й!

Ш: Конечно.

Д: Так. А у вас... Да, вот что мне страшно важно! Чуть не упустил. Вы вспомните точнее... Вы по-разному

354 В.М. Жирмунский (1891—1971) — лингвист и литературовед, впоследствии профессор Ленинградского университета (с 1956), академик АН СССР (1966).

355 Тынянов Ю., Якобсон Р. Проблемы изучения литературы и языка: Левый культурный фронт за рубежом // Новый ЛЕФ. 1928. № 12. С. 35—37.

356 На самом деле 1928-й.

это рассказывали публично: вот то, что вам сказал Блок о Маяковском, относительно «Мистерии»³⁵⁷.

Ш: Он сказал не мне, он сказал Блоку, при мне.

Д: То есть как? Блок сказал кому?

Ш: Маяковскому.

Д: При вас?

Ш: При мне.

Д: Вот повторите, как вы это помните?

Ш: Это было на...

Д: Как можно точнее припомните.

Ш: Это было на Троицкой улице³⁵⁸, перед Театром миниатюр был какой-то маленький зал, где в присутствии Марии Федоровны Андреевой выступал Маяковский и читал «Мистерию-буфф».

Д: Для кого?

Ш: Вот для /нрзб./ людей, Марии Федоровне...

Д: Ах, для какого-то начальства.

357 «На Литейной улице в театре “Миниатюр” читал Маяковский “Мистерию-буфф”. <...>

Блок сказал:

— Мы были очень талантливы, но мы не гении. Вот вы отменяете нас. Я это понимаю, но я не рад. И потом мне жалко, что у вас рифмуется “булкою” и “булькая”. Мне жалко и вас и себя, что мы радуемся булке. <...>

Блок был не прав, когда он упрекал Маяковского после “Мистерии-буфф”, что там счастье — это булка.

Это наша булка» (Шкловский В. О Маяковском. С. 110, 111, 158). Маяковский по телефону звал Блока на первое же чтение «Мистерии-буфф», которое состоялось на квартире Бриков по улице Жуковского (д. 7, кв. 35) 27 сентября 1918 г. В записной книжке в день чтения Блок пометил: «Не пошел» (Блок А. Записные книжки. 1901—1920 / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. В. Орлова. М.: Художественная литература, 1965. С. 429). Но 7 ноября на премьере в театре Музыкальной драмы он был и записал: «Вечером — хрипая и скорбная речь Луначарского (перед спектаклем. — В.Р.), Маяковский, многое. Никогда этого дня не забыть» (Там же. С. 435). Регулярно записывая события дня, Блок чтение «Мистерии-буфф» не упоминает. Вероятнее всего, разговор, о котором рассказывает Шкловский, произошел после спектакля.

358 В книге был назван Литейный проспект.

Ш: Для крупного начальства³⁵⁹.

Д: Для крупного начальства и людей искусства.

Ш: Да. Там было, скажем, человек десять-пятнадцать. Встал Блок, подошел к Маяковскому и сказал, что «мы были очень талантливыми людьми...»

Д: «Мы были?...»

Ш: «...очень талантливыми людьми, но мы не гении. Вы нас отменяете, я не могу этому радоваться, но у меня к вам нет никаких претензий. Ну, вот у вас... вы рифмуете “булкою — булькая”...³⁶⁰ Мне жалко себя, Маяковского...»

Д: А что вы за этим видите? Почему ему жалко?

Ш: Это... мечта о простом... о черном хлебе. Если... выпить и закусить.

Д: Что это слишком низменно для поэзии?

Ш: Для поэзии.

Д: Что «мне жалко, что вы все-таки так снижаете поэзию»?

Ш: Да.

Д: Так это понимать?

359 Для начальства Маяковский читал «Мистерию-буфф» 4 октября 1918 г. в Центральном бюро по организации празднеств первой годовщины Октябрьской революции. Но в ежедневных записях Блока его присутствие на этом чтении не отражено.

360 «Фонарщик
Бутылы горящие ходят, булькая...

Голоса
Булька?

Фонарщик
Да, булькая!
Дерево цветет,
да не цветком, а булкою.

Голоса
Булкою?

Фонарщик
Да, булкою!» (Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1956. Т. 2. С. 233—234).

Ш: Да. Я так понял. Вот всё, собственно, что там было. Теперь, раз Лиля попросила Володю привезти книгу Блока с автографом. Володя поехал. Это было в Петербурге. Блок написал: «Лиле Брик... Мяу-мяу-мяу...» (не знаю, у Лили есть) и сказал: «Ну, раз вы ко мне приехали, то давайте говорить о поэзии». Володя говорил, что «я... мне страшно хочется, но я должен отвезти книгу», — и уехал³⁶¹.

Д: Ой, это ему простить нельзя!

Ш: Что?

Д: Это, говорю, простить нельзя.

Ш: А она, значит... И он очень жалел. Володя говорил (и я это написал), что «если взять десять стихотворений (*поправка*) десять строчек, то...

Д: Десять стихотворений или?..

Ш: Нет, десять строчек. ...то «у меня четыре хороших из десяти, а у Блока две, но эти две строчки я не могу написать»³⁶².

361 Рассказ Маяковского об этом посещении Блока (30 октября 1916) подробно записан К.И. Чуковским: «Лили была именинница, приготовила блины — велела не запаздывать. Он пошел к Блоку, решив вернуться к такому-то часу. Она же велела ему достать у Блока его книги — с автографом. — Я пошел. Сажу. Блок говорит, говорит. Я смотрю на часы и рассчитываю: десять минут на разговор, десять минут на просьбу о книгах и автографах и минуты три на изготовление автографа. Всё шло хорошо — Блок сам предложил свои книги и сказал, что хочет сделать надпись. Сел за стол, взял перо — сидит пять минут, десять, пятнадцать. Я в ужасе — хочу крикнуть: скорее! — он сидит и думает. Я говорю вежливо: вы не старайтесь, напишите первое, что придет в голову, — он сидит с пером в руке и думает. Пропали блины! Я мечусь по комнате, как бешеный. Боюсь посмотреть на часы. Наконец Блок кончил. Я захлопнул книгу — немного размазал, благодарю, бегу, читаю: Вл. Маяковскому, о котором в последнее время я так много думаю» (*Чуковский К. Дневник: в 3 т. Т. 1. 1901—1921. С. 309*).

362 Вариативный пересказ слов Маяковского из воспоминаний Льва Никулина. По Никулину, Маяковский говорит: «— У меня из десяти стихов — пять хороших, три средних, два плохих. У Блока из десяти стихотворений — восемь плохих и два хороших, но таких хороших мне, пожалуй, не написать» (*Знамя. 1939. № 9. С. 174*).

Д: Да, это у вас есть³⁶³. Ну вот, вот это /нрзб./, тем более, что я как раз в своей книжке на этом вашем разговоре с Блоком очень много строю³⁶⁴.

Ш: Нет, вы мне скажите, кто еще вам нужен?..

Д: Так, минуточку, с Блоком кончим. Значит (для более точной документации), вы говорите, что Блок — вы говорите как факт точный, так? — что Блок слушал Маяковского, читающего «Мистерию-буфф»... Где вы сказали?

Ш: В Петербурге, на Троицкой улице, которая сейчас называется улицей Рубинштейна...

Д: На Троицкой улице, которая сейчас называется улица Рубинштейна, перед Театром миниатюр?

Ш: Да, недалеко от Невского проспекта.

Д: Вот. У Блока в записных книжках есть, вот в последнем синем издании, запись (мне поэтому очень интересна дата): «Зовут на чтение Маяковским “Мистерии-буфф”...

Ш: «Не поеду», да.

Д: ...Не поеду».

Ш: Поехал.

Д: Значит, он поехал?

Ш: Поехал.

Д: Это об этом самом?

Ш: Очевидно.

Д: Вы не помните месяц?

Ш: Не помню.

Д: Может, было еще какое-нибудь, другое?

Ш: Нет, не помню.

Д: Ну, два раза вряд ли. Ведь это страшно интересно.

Ш: Ведь пятьдесят лет прошло, господи!

363 См., например, в кн.: Шкловский В. О теории прозы. М., 1983. С. 81.

364 В статье «В запасе вечность» Дувакин привел из книги Шкловского «О Маяковском» слова, сказанные Блоком Маяковскому в связи с «Мистерией-буфф»: «Мы были очень талантливы, но мы не гении. Вы нас отменяете. Я это понимаю» (Дувакин В. Радость, мастером кованная: очерки творчества В.В. Маяковского. М.: Советский писатель, 1964. С. 12).

Д: Значит, хотел... думал... «Не поеду». И все-таки поехал и сказал, что гениально.

Ш: Да.

Д: Это очень интересно. Ну, Гумилёв с Маяковским терпеть не могли друг друга, да?

Ш: Не знаю.

Д: Вы ведь с Гумилёвым были знакомы?.. Значит, с Блоком вы... вот...

Ш: Был знаком.

Д: Были две встречи и потом — смерть. На похоронах Блока были?

Ш: Был.

Д: Были? Верно, что шло очень мало народу?

Ш: Немного. Уговор был: ничего не говорить.

Д: Что?

Ш: Уговор был: у могилы ничего не говорить...

Д: Да?

Ш: ...поэтому было мало народу.

Д: А панихида была?

Ш: Не помню.

Д: Церковная?

Ш: Да. Это был день... Нет, не было. Это был день Смоленской Божьей Матери³⁶⁵. Это был церковный праздник церкви, которая... Это Смоленское кладбище...

Д: Смоленское кладбище? Ах, это там, в Дорогомилове³⁶⁶ было?

Ш: Нет, это было в Петербурге.

Д: Ах, Петербург! Что я говорю?! Я всё по Москве конкретно представляю, а там отвлеченно. И, значит, все-таки... Ну, его отпевали, конечно?

Ш: Не помню.

Д: Вы на отпевании не были?

Ш: Не помню. Я христианин по рождению, хорошо знаю церковную службу.

365 Празднование Смоленской иконы Божией Матери совершается 28 июля (10 августа).

366 Дорогомилово — это бывшая московская окраина, за Смоленской площадью.

Д: Я знаю, но вы могли быть.

Ш: Может, я не пошел. Не помню. По-моему, не был.

Д: Тогда этот вопрос был, конечно, острый, хотя, с другой стороны, не представляется, чтобы Блока могли хоронить без церковного отпевания.

Ш: Там есть... об этом стихи есть Анны Андреевны, об этих самых похоронах³⁶⁷.

Д: А! Поищу. Тогда, хорошо, не буду вас больше спрашивать по этому. Подождите, вы говорите, не было речей. А сборник «Об Александре Блоке» 21-го года³⁶⁸. Там же речи на похоронах, по-моему, есть?

Ш: Там... Нет, не было речей. Это издал Игнатий Игнатьевич Ивич, он же Бернштейн, брат Сергея Бернштейна³⁶⁹. Мы эту книгу называли «Собрание всех русских опечаток». Там очень много опечаток.

Д: Ага. Это отец Сони Бернштейн?³⁷⁰

Ш: Да, и она вам расскажет.

Д: Я ее буду писать³⁷¹. Соню Бернштейн, Костю знаю, и Петра Григорьевича знаю, всех знаю. Мы с ними друзья почти.

Ш: Ну, вот, они это вам расскажут.

Д: Я не знал, что он издавал.

367 Стихотворение «А Смоленская нынче именинница...» (август 1921), посвященное «Памяти Ал. Блока». См.: *Ахматова А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Стихотворения. 1904—1941 / сост., подгот. текста, коммент., ст. Н.В. Королевой. М.: Эллис Лак, 1998. С. 363.*

368 Об Александре Блоке: [статьи Н. Анциферова, Ю. Верховского, В. Жирмунского и др.]. Пб.: Картонный домик, 1921.

369 Игнатий Игнатьевич Бернштейн (псевдоним Александр Ивич) (1900—1978), младший брат филолога Сергея Игнатьевича Бернштейна (1892—1970), был создателем и единственным сотрудником издательства «Катонный домик», которое выпустило сборник «Об Александре Блоке» через три месяца после его смерти.

370 Софья Игнатьевна Богатырева (1932) — историк литературы, публикатор, мемуарист; дочь Игнатия Игнатьевича Бернштейна, вдова поэта-переводчика Константина Петровича Богатырева (1925—1976), невестка Петра Григорьевича Богатырева. Его Дувакин записал 26 августа 1967 г.

371 С.И. Богатыреву записать Дувакину не удалось.

Ш: Была речь, кратчайшая, Белого, которая... Дело в том, что он задохся. Нет воздуха — и он задохся.

Д: Гумилёва вы не знали.

Ш: Знал.

Д: Знали?

Ш: Знал.

Д: Где вы с ним встречались?

Ш: Мы жили в одном доме, в Доме искусств.

Д: Да что вы? В Доме искусств, в Петербурге?

Ш: Да.

Д: Вот в трудные годы? После приезда?³⁷²

Ш: Да. Он ко мне пришел раз и сказал: «Можете ли вы мне дать какие-нибудь контрреволюционные адреса?»

Д: Контрреволюционные?

Ш: Да. Я ему сказал: «Знаете что, вы купец, вы гвардейский офицер³⁷³. Если вы куда-нибудь подойдете, вас убьют первым. Не вмешивайтесь в эти дела». Так что я...

Д: Он разве из купеческой семьи?

Ш: Кажется. Просто я так сказал. Ну вот. Он... Я его не любил.

Д: Он что, держался заносчиво, да?

Ш: Нет.

Д: Нет?

Ш: Нет. Я считаю, что, во всяком случае, у него такого... ярко выраженного...

Д: Враждебного?

Ш: ...настроения не было, контрреволюционного. Он /нрзб./ Он и не понимал, что происходит.

Д: Громче.

Ш: Он не понимал, что происходит. Потом он очень любил женщин, причем девственных, так что...

Д: Может быть, это и случайность?

372 В Доме искусств Шкловский жил до бегства за границу в марте 1922 г. К этому времени после расстрела Гумилёва (26 августа 1921) прошло уже более полугода.

373 Отец Н.С. Гумилёва был корабельным врачом. Купцом не был ни отец, ни сын. Гумилёв был прапорщиком (с 28 марта 1916), но гвардейцем не был.

Ш: Может быть, это случайность. Может быть...

Д: Ведь есть такая легенда. Я не знаю, насколько... Может, это и факт. Что его помиловал Ленин...³⁷⁴

Ш: Да-да.

Д: ...и что Зиновьев положил под сукно.

Ш: Да-да.

Д: Верно это или не верно?

Ш: Верно.

Д: Вы думаете, верно?

Ш: Верно.

Д: Это тогда говорили?

Ш: Тогда говорили.

Д: Что Горький что-то о нем написал.

Ш: Да-да. При мне звонил Зиновьев Горькому ранним утром (я жил у Горького), что телеграмма опоздала, что его не разбудили, и Горький... А я жил около прихожей и слышал, как Горький говорил: «Не разбудили вас из-за телеграммы Ильича?»³⁷⁵

374 Благодаря вмешательству В.И. Ленина был освобожден сотрудник Геологической комиссии В.И. Яворский, проходивший по одному делу с Гумилёвым, отделался условным наказанием консультант управления «Главсахар» М.К. Названов. Но Гумилёв был расстрелян.

375 Эту же версию, исходящую от Горького, обнародовал Евгений Замятин, который, возвращаясь из Москвы в Петербург, оказался в одном вагоне с Горьким: «Вдвоем мы долго стояли в коридоре, смотрели на летевшие за черным окном искры и говорили. Шла речь о большом русском поэте Гумилёве, расстрелянном за несколько месяцев перед тем (Гумилёв был расстрелян 26 августа 1921 г., а уже 16 октября Горький уехал за границу. — В.Р.). Это был человек и политически, и литературно чужой Горькому, но тем не менее Горький сделал всё, чтобы спасти его. По словам Горького, ему уже удалось добиться в Москве обещания сохранить жизнь Гумилёва, но петербургские власти как-то узнали об этом и поспешили немедленно привести приговор в исполнение» (Замятин Е. М. Горький // Евгений Замятин. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Лица / сост., подгот. текста, коммент. Ст. Никоненко и А. Тюрина. М.: Русская книга, 2004. С. 68).

В книге «Жизнь Николая Гумилёва: воспоминания современников» (Л.: Издательство Международного фонда исто-

Д: Да-а. Слушайте, Виктор Борисович, я же буду рвать на себе волосы (у меня есть еще, есть, что рвать), ведь вы же не рассказали о ссоре Маяковского с Горьким. А ведь вы об этом знаете больше всех.

Ш: Так ведь я же написал о ней.

Д: Вы написали уклончиво, что «Володя обидел девушку»...³⁷⁶

Ш: Он не обидел.

Д: Кого? Какую девушку?

рии науки, 1991) составители комментариев Ю.В. Зобнин, В.П. Петрановский, А.К. Станюкович привели рассказ Арнольда Эммануиловича Колбановского, работавшего секретарем у А.В. Луначарского.

1 декабря 1986 г. Колбановский рассказал, что однажды, в конце августа 1921 г., около четырех часов ночи Луначарского попросила разбудить Мария Федоровна Андреева, в прошлом жена Горького. «Медлить нельзя, — сказала она Луначарскому. — Надо спасать Гумилёва. Это большой и талантливый поэт. Дзержинский подписал приказ о расстреле целой группы, в которую входит и Гумилёв. Только Ленин может отменить его расстрел».

«Андреева была так взволнована и так настаивала, что Луначарский наконец согласился позвонить Ленину даже в такой час.

Когда Ленин взял трубку, Луначарский рассказал ему всё, что только что узнал от Андреевой. Ленин некоторое время молчал, потом произнес: «Мы не можем целовать руку, поднятую против нас», — и положил трубку.

Луначарский передал ответ Ленина Андреевой в моем присутствии.

Таким образом, Ленин дал согласие на расстрел Гумилёва» (с. 274).

376 «...Горькому сказали про Маяковского, что Володя обидел женщину.

Я приехал к Алексею Максимовичу с Л. Брик.

Конечно, Горькому разговор был неприятен, он стучал пальцами по столу, говорил: «Не знаю, не знаю, мне сказал очень серьезный товарищ. Я вам назову его имя, мне его передадут».

Л. Брик смотрела на Горького, яростно улыбаясь.

Фамилии товарища Алексею Максимовичу не сказали, и он на обороте письма к нему Л. Брик написал несколько слов, что он узнает, кто это говорил» (Шкловский В. О Маяковском. С.117).

Ш: Я пришел... Видите, я думаю, что это сделал (уж он покойник), я думаю, что это Израилевич³⁷⁷ сделал, поссорил их.

Д: Ну что хоть? Из-за чего вышла драка или ссора?³⁷⁸

Ш: Было так... Пришел человек к Алексею Максимовичу и сказал, что Маяковский жил с его дочкой и ее заразил.

Д: Сифилисом?

Ш: Кажется, сифилисом. Он сказал это мне.

Д: Значит, кто-то... человек, который, вы думаете, что это был Израилевич...

Ш: Кажется, он был послан Израилевичем.

Д: Послан. Сказал Горькому, что Маяковский соблазнил его дочь и заразил ее сифилисом. Горький сказал это вам... Вы...

Ш: Я сказал Лиле. И мы приехали к Горькому.

Д: Объясняться?

Ш: Объясняться. Горький сказал: «Я это не говорил». Я сказал: «Алексей Максимович, вы сказали это мне».

Д: Значит, вы с ним поссорились в первую очередь.

Ш: Повторите! Он говорит: «Ну да, я сказал».

Д: Значит, при...

Ш: Лиле.

Д: При Лиле.

Ш: А Лиля сказала: «Володя здоров. Я это наверное знаю». Тогда он сказал: «Знаете что, этот человек должен прийти ко мне через день». Я не ходил к Горькому. А вдруг

377 О нем см. примечания 111 и 113.

378 Цитата из стихотворения «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому» (1926):

*Алексей Максимович,
как помню,
между нами
что-то вышло
вроде драки*

или ссоры (Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1958. Т. 7. С. 206).

ко мне позвонил он, чтобы я пришел. Я пришел к нему, а он сказал: «Знаешь, а он не пришел, старик». А я... Говорит: «Лучше бы, чтобы этого не было»

Д: Он говорит?

Ш: Он сказал. Я спросил Маяковского: «Как, ходили к Горькому?» *(Следующая фраза бессмысленна. По-видимому, нельзя расслышать.)* «Ходили (или не ходили), — говорит, — потому что еще что-нибудь придут скажут». Вот такая история.

Д: А что это за старик? Его фамилию не знаете?

Ш: Не было старика. Не было.

Д: Вы думаете, что это выдумали?

Ш: Кто-нибудь выдумал, чтобы поссорить.

Д: Вы думаете, что это нарочно выдумали?

Ш: Думаю, что нарочно.

Д: Зачем? Кому это нужно?

Ш: Ну-у...

Д: Вы думаете, что это антиреволюционные товарищи?

Ш: Конечно, конечно.

Д: Тогда... чтобы, так сказать, Горького и Маяковского...

Ш: Разбить, да-да.

Д: Ну, а до этого? Ведь Маяковский всё равно ведь не (?) бывал на Кронверкском³⁷⁹. Ведь дружба, которая была в «Летописи», ну, не дружба, но во всяком случае...

Ш: Дружба, дружба. Потом Горький бывал на улице Жуковского, играл в «тетку».

Д: Ну, про «тетку» вы говорили. Играли... И Маяковский... И Горький там бывал?

Ш: Бывал.

Д: Значит, он бывал в доме Бриков?

Ш: Был.

Д: И в ту пору Маяковский был в «Летописи». В Маяковского Горький был влюблен. Я вас не спрашиваю об этом, потому что вы написали в книжке, что Горький был

379 На Кронверкском проспекте была квартира Горького.

как-то влюблен в Маяковского немножко и так далее³⁸⁰. Но когда же наступило охлаждение?

Ш: Не помню.

Д: Или просто это было в то время, когда вас не было в Москве?

Ш: Не знаю.

Д: Вы какое время отсутствовали?

Ш: Я несколько раз отсутствовал. Я поехал на... фронт и так далее.

Д: Это 18-й год?

Ш: Это 18-й год. Я отсутствовал два раза. Значит, я поехал сперва на австрийский фронт и мне прострелили живот.

Д: Ну, это вы говорили, да. Значит, «я в это время болел. Потом я поехал...»

Кассета № 68

Седьмая дорожка перезаписи

Виктор Борисович Шкловский: Я в это время болел. Потом я поехал в Кисловодск, из Кисловодска поехал прямо в Персию. В Персии я был уже... осень, зима. И возвращался с армией после октябрьского переворота. Так что я был в отсутствии... предположим, скажем... сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь.

Виктор Дмитриевич Дувакин: 17-го?

Ш: 17-го.

Д: Так. Ну, а Нордерней — это 22-й год?³⁸¹

380 Шкловский вполне определенно написал об отношении Горького к Маяковскому, начиная с 1915 г., когда появились поэмы «Облако в штанах» и «Флейта-позвоночник»:

«Горький его любил тогда. Немного позднее он говорил, что «Флейта-позвоночник» — это позвоночная струна, самый смысл мировой лирики, лирика спинного мозга» (Шкловский В. О Маяковском. С. 84).

381 В Нордернее, на берегу Северного моря, Маяковский прожил август 1923 г. На трех пляжных фотографиях рядом с ним Шкловский.

Ш: Это 22-й год. Это было, когда убили Ратенау³⁸².

Д: И там вы с Маяковским тоже постоянно встречались?

Ш: Ну, да.

Д: А там он был хороший?

Ш: Хороший.

Д: Веселый?

Ш: Веселый.

Д: Что, «верую в ярую, верую в скорую...»?³⁸³

Ш: Да-да.

Д: И Лиля там была?

Ш: И Лиля была.

Д: Вот вы начали сегодня разговор: «Я видел Ленина и Маяковского счастливыми». Ленина в полете вы дали, а вот Маяковского...

Ш: Да, у него было хорошее настроение..

Д: Вот. А Маяковского в полете... Вы как раз так всё время на подступах были и уходили...

Ш: Вы что хотите сказать, что я старый стал? Сколько мы времени разговариваем?

Д: Мы разговариваем... реально... час сорок минут.

Ш: Ну, это как два. Это очень много.

Д: Вот. Ну, сейчас кончаем. Есенин?

Ш: Когда-нибудь.

Д: Уже иссяк, да? В общем, вы Есенина видели?

Ш: Видал.

Д: И похороны? Слушайте, а он был человек умный или нет?

Ш: Видите ли, я его знал... У меня с ним были ссоры из-за Зинаиды Райх, которую я знал до него.

Д: Ах, у вас были отношения личные с Зинаидой?

382 Вальтер Ратенау (1867—24 июня 1922) — министр иностранных дел Германии, подписавший вместе с советским наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным Рапалльский договор между Германией и РСФСР (16 апреля 1922). Умер через несколько часов после покушения на улице Берлина. В это время Маяковский жил на даче в Пушкине, под Москвой, а Шкловский в Берлине.

383 См. примечание 131.

Ш: Ну.../нрзб./ Потом я его знал в доме Мережковских, когда он был совсем молодой. Об этом есть и в записи³⁸⁴. Так что я его знал, когда ему было лет восемнадцать.

Д: Да что вы говорите! Какой же он был?

Ш: Красавец.

Д: Очень хорош? И действительно, соответствует... Ведь есть поэты, которые соответствуют своему образу...

Ш: Да, соответствует.

Д: Соответствует? Вот, «березовый ситец»...³⁸⁵

Ш: Нет, вот знаете, это было выдуманно... про это, про ситец. Он был человек образованный.

Д: Да?

Ш: Он знал французскую литературу.

Д: Да что вы?! Я думал, что он действительно в сермяге...

Ш: Нет. Видите ли, его дед был крупным пароходчиком, разорившимся³⁸⁶. И ничего не осталось. Отец вернулся в деревню.

384 «Есенина я видел первый раз у Зинаиды Гиппиус. Зинаида — подчеркнутая дама, с лорнетом, взятым в руку нарочно.

Она посмотрела на ноги Есенину и сказала:

— Что это за гетры на вас надеты?

— Это валенки.

Зинаида Гиппиус знала, что это валенки, но вопрос ее обозначал осуждение человеку, появившемуся демонстративно в валенках в доме Мурузи» (Шкловский В. О Маяковском. С. 169). Еще раньше этот эпизод попал в книгу Шкловского «Гамбургский счет» (Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1928. С. 88).

385 Слова из стихотворения «Не жалею, не зову, не плачу...» (1922):

Ты теперь не так уж будешь биться,

Сердце, тронутое холодком,

И страна березового ситца

Не заманит шляться босиком

(Есенин С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 164).

386 Имеется в виду дед Сергея Есенина по матери — Федор Андреевич Титов (1845—1927), в доме которого внук жил и воспитывался с двух лет. «В молодости он (дед. — В.Р.) каждое лето уезжал на заработки в Питер, где нанимался на баржи возить дрова, — писала Александра, младшая сестра Сергея Есенина. — Проработав несколько лет на чужих баржах, он приобрел в конце концов свои и стал получать от них приличный доход» (Есенина А. Родное и близкое //

Д: А... Так что у него крестьянство-то все-таки не исконное.

Ш: С перерывом.

Д: А, это тоже очень интересный факт. Между прочим, не отмечается никем, кто занимается Есениным, это не отмечается.

Ш: Да.

Д: Вот в последние минуты обязательно какие-нибудь еще... Я как жадный кладоискатель. А Маяковского с Есениным вы вместе никогда не видели?

Ш: Я знаю, что Зина ударила Сережу поленом за то, что он ругал Маяковского.

Д: Да что вы говорите!

Ш: Она ужасно любила Маяковского.

Д: Даже поленом.

Ш: Да. Зинаида Райх очень любила Маяковского, и сестры³⁸⁷ хотели свести Зину с Маяковским.

Д: Отбить у Лили?

Ш: У Лили. Потому что красивая женщина.

Д: Они потом очень дружили, сестры с... <Зинаидой Райх>. И она как раз и передала сестрам кислый отзыв Лили. Она их поссорила. Ну, не вредно, просто по бабьей болтливости. У нее как раз это получилось, как раз... сплетни. Я был на есенинских похоронах.

Ш: Вы помните крик «Гроб на аппарат»?

Д: Крик «Гроб на аппарат»?

Ш: Ну, да. Там как раз фотограф снимал и закричал: «Гроб на аппарат!»

С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1 / вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Художественная литература, 1986. С. 70). Сам Ф.А. Титов рассказывал: «Жил светло. Без тысячи домой не ездил. Сорок годов в Питере хозяйствовал» (Дневник И.Н. Розанова // Там же. Т. 2. С. 508). Однако со временем дед разорился. «Две его баржи сгорели, а другие затонули, и все они были не застрахованы» (Есенина А. Родное и близкое // Там же. Т. 1. С. 71).

387 Имеются в виду сестры Маяковского — Людмила Владимировна (1884—1972) и Ольга Владимировна (1890—1949).

Д: Нет, это я не помню. Я помню, как читал кто-то из них — Кириллов, что ли:

Загрызли Сережку, собаки,

Загрызли за то, что он был поэт.

А может, Олеша³⁸⁸. Это я мог спутать. Вообще, страшные были похороны, мрачные какие-то ужасно. Конечно, похороны не бывают веселыми, но слишком уж тяжелые. Я был горячим есенинцем, а после этих похорон как-то отшатнулся. У меня какое-то...

Ш: Поставили памятник из крест... крест, который был сделан из рельса³⁸⁹. /нрзб./

Д: Ну, а Маяковского об Есенине слышали какие-нибудь отзывы?

Ш: Не помню. Не помню.

Д: Не помните.

Ш: Не знаю. Тут очень страшно придумать.

Д: Да-да, конечно. Под таким нажимом можно что-нибудь и придумать, чтоб от меня отвязался. (Усмехается.) Ну, спасибо большое. Спасибо, Виктор Борисович. Вы, конечно, прожили такую... помимо того, что вы писатель, вы прожили еще такую жизнь в XX столетии богатую, что вас можно записывать еще пять раз. Я на это, конечно, не претендую, но знаете что, я к вам, может быть, приду с вопро-

388 Когда траурная процессия после остановки у памятника Пушкину на Тверском бульваре подошла к Дому Герцена (ныне Литературному институту), председатель Всероссийской ассоциации пролетарских писателей, поэт Владимир Кириллов, взобравшись на ограду, произнес прощальную речь. Но говорил он всё же без того эмоционального надрыва, который передан в приведенных стихах: «Трагическая смерть поэта должна заставить нас глубоко задуматься над нашей литературной жизнью. Дадимте же, товарищи, над этой свежей могилой обещание сделать всё, чтобы изменить некоторые отрицательные стороны этой жизни и общими силами создать ту дружескую, товарищескую атмосферу, которая сделает невозможной такие смерти, как смерть Есенина» (Памятка о Сергее Есенине. М.: Сегодня, 1926. С. 46). В этом же сборнике помещена фотография выступающего на панихиде Кириллова. Юрия Олеси на похоронах Есенина не было.

389 Крест был с крупным скульптурным изображением распятого Христа.

сиками и маленьким аппаратом. Я буду вас прослушивать с бумажкой и выписывать все уточнения.

Ш: Вы знаете, я почти всех знал.

Д: Ведь это же всё интересно.

Ш: Кого я не знал? Ну, значит, я не был знаком с Куприным, я не был знаком с...

Д: Бунина знали?

Ш: Нет, нет.

Д: Ну вообще, с горьковским этим непосредственно...

Ш: Горького я знал очень хорошо.

Д: Ну Горького самого... Ну о Горьком много писали. Вообще-то, конечно, не дописали.

Ш: Совсем ничего не написали, совсем ничего.

Д: Хотите, я вас как-нибудь о Горьком запишу?

Ш: Нет.

Д: Не, хотите?

Ш: Не хочу.

Д: Я могу домой приехать.

Ш: Очень несчастливый человек.

Д: Да, трудно... Тоже трагическая по-своему судьба.

Ш: Конечно.

Д: Но ведь он большой художник?

Ш: Большой человек.

Д: Даже большой человек?

Ш: Да.

Д: Вот я в человеке не был уверен, а что он художник большой все-таки где-то, в лучших своих вещах, по-моему, это все-таки так. Хотя вы довольно сердито сказали о нем «по гамбургскому счету»³⁹⁰. Я помню. Сейчас-то мы одни.

390 Гамбургский счет — это метафора, придуманная Шкловским для определения, кто чего стоит на самом деле. В основе — байка о борцах, которые на публике эффектно побеждают или проигрывают по приказанию антрепренера. Но раз в году сходятся в гамбургском трактире и при закрытых дверях и завешанных окнах борются долго, некрасиво и тяжело, чтобы разобраться без обмана — кто сильнее. По гамбургскому счету, написал Шкловский еще в 1928 г., «Горький — сомнителен (часто не в форме)» (*Шкловский В. Гамбургский счет. С. 5*).

Ш: Сейчас мы одни.

Д: Да. Ну, и вы до сих пор к Маяковскому... Вы не пересмотрели своего отношения к Маяковскому?

Ш: Нет.

Д: Вы до сих пор считаете его...

Ш: Великим поэтом.

Д: Поэтом XX века.

Ш: Гораздо более крупным, чем Пастернак и Блок.

Д: Даже так! Ну вот это, так сказать, целиком нас объединяет, потому что сегодня, сейчас очень многие смотрят на это иначе. Я это не пересматривал.

Ш: Я люблю его и я люблю Мандельштама.

Д: Много я люблю поэтов, но Маяковский — это что-то все-таки особое. Ну, большое вам спасибо, Виктор Борисович, хотя рукопожатия не записываются на магнитофон, но я специально говорю, чтобы это тоже записалось.

Виктор Борисович Шкловский

Третья беседа

Беседу ведет В.В. Радзишевский*

* Фонограммы хранятся в Отделе устной истории Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова. Беседа опубликована на сайте <http://oralhistory.ru/>. Запись на магнитофон беседы с Виктором Борисовичем Шкловским о Маяковском и книге Волкова-Ланнита «Вижу Маяковского», сделанная 14 июля 1981 года сотрудником «Литературной газеты» Владимиром Владимировичем Радзишевским и переданная им в фонд Московского университета.

От собеседника

В тот раз я записывал Шкловского по просьбе Леонида Волкова-Ланнита³⁹¹. Он выпустил книгу «Вижу Маяковского» с фотографиями Маяковского (одного и в группах) и рассказами об этих фотографиях и хотел, чтобы Шкловский написал о его книге. Но Шкловский согласился только наговорить о ней.

И я отправился с диктофоном к Шкловскому в писательский дом на «Аэропорте».

Обычно дверь мне открывала Серафима Густавовна, в прошлом жена Владимира Нарбута и Николая Харджиева, в разговор не вмешивалась, но сидела, как на страже, у меня за левым плечом. Однако на этот раз, за год до смерти, дома ее, видимо, не было. Меня впустила женщина средних лет, провела через гостиную, указала на дверь спальни и поспешно, явно по делу ушла дальше по коридору. «Наверно, на кухню», — подумал я.

391 Леонид Федорович Волков-Ланнит (1903—1985) — журналист, фотограф, художник, историк фотоискусства.

В спальне, в дальнем углу, сбоку от раскрытого окна, спасаясь от июльской духоты, сидел, откинувшись в кресле, в белом вафельном белье Шкловский, шумно дышал и выглядел как вытащенная на берег глубоководная рыба. Зная, что он плохо слышит, я от двери прокричал:

— Виктор Борисович! Я от Волкова-Ланнита!

Может быть, он и не расслышал, но сориентировался и прерывисто прокричал в ответ:

— Будьте вы все прокляты! Как вы мне надоели!

Ошарашенный, я готов был тотчас рвануть обратно, но давешняя женщина вместе с пожилой напарницей, оттеснив меня, ринулись в спальню, с двух сторон подхватили старика и потащили в гостиную. И ему ничего не оставалось, как начать свой монолог.

Меня смущало, что Волков-Ланнит, отсидевший 18 лет и вернувшийся из лагерей с перебитым позвоночником, не побрезговал выпустить книги «Голоса, сохраненные на века: как записали и восстановили речи В.И. Ленина» (1960, 1966) и «Ленин в фотоискусстве» (1967, 1969).

Больше всего он говорил о Маяковском, по обыкновению подыскивая новые обертоны для того, что уже не однажды высказал. Но самой книги Волкова-Ланнита, ради которой и была заварена каша, касался лишь мимоходом. А в книге были странности, которых нельзя было упустить в рецензии. Например, оказались тщательно обойдены женщины, небезразличные Маяковскому. И чем ближе они ему были, чем больше для него значили, тем меньше у них было шансов на упоминание. Даже Лиля Брик, которой Маяковский посвятил все собрание сочинений, появилась только на одной фотографии. Но и эта фотография подписана следующим образом: «В. Маяковский, Б. Пастернак, С. Эйзенштейн и другие на приеме японского писателя Тамизи Найто в ВОКСе, 11 мая 1924 г.». Так вот, «другие» — это как раз Лиля Брик и жена Сергея Третьякова, Ольга Викторовна, обезличенная, разумеется, «за компанию». От коллеги по Библиотеке-музею Маяковского, Владимира Федоровича Земскова, я узнал итоговый афоризм Шкловского о его отношениях с Лилей Юрьевной:

— Мы с Лилей столько враждовали, что уже почти сроднились.

А за три года до последней нашей беседы я слышал Виктора Борисовича на прощании с Лилей Брик на даче в Переделкине. Уже тогда он был очень слаб. С трудом, общими усилиями, его вытащили из машины, помогли влезть по ступеням на веранду, где стоял гроб. Он говорил сидя, медленно, но отчетливо:

— Великого Маяковского разрезали на цитаты и расклеили... Из Маяковского вырезали великую любовь...

И что же, теперь по умолчанию он поощряет тех, кто вырезал?

Не думаю, что это Волков-Ланнит взял грех на душу. Такова была тогда установка: если не поносить, то и не упоминать. Скорее всего, редактор настоял, а автор уступил.

Запись я расшифровал, показал Леониду Филипповичу и объяснил, почему не могу из беседы сделать рецензию. По-видимому, он со мной согласился, потому что на подаренной книге написал: «Самоотверженному интервьюеру (имярек) для пополнения его библиотеки. 23.VII.81».

Владимир Радзишевский

Уже давно, так давно, что я забыл, сколько мне было лет, но помню, что и тогда было жить очень интересно. Поехало несколько писателей на стройку Магнитки. Степи /нрзб./, людей нет. Строят дома с печами, а рядом строят громадные такие, как можно построить для большого автомобильного (?) праздника, на который придет тысяча человек, строят здание, а печей нет. Я так спрашиваю рассеяно: «Ну, а как это будет отапливаться?» Мне отвечают: «Они не будут никак отапливаться, тут печей не будет. Тут будут стоять домны, и они будут давать металл, а топить-то уже не надо будет, надо будет топить домны, а отдельно дом не надо. И вот вы видели у нас факела на стройке. Это

неправильно. Их надо спрятать в трубы, и уехать... в трубы, и в тех местах, где не придет газ, будет другая жизнь, без старых печей».

И вот меняется искусство, изменяются возможности искусства. Когда появлялась фотография, то большой писатель Бальзак не снимался. Ему казалось, что всякая фотография снимает с человека покров какой-то. Он становится меньше, что округляет как... огрубляет... Ну, он не снимался. А фотография продолжала существовать. И сперва она существовала на самых простых вещах — на карточках. Ее презирали... /нрзб./ как презирали в старину собак: собака должна сама кормиться. /нрзб./ Пускай поживет. Потом появилось кино. Кино не очень уважали. Я помню, уже мальчиком, на каком-то переулке звонит звонок... а он не знает... не должно быть. Это, оказывается, иллюзион. И все время звонит звонок, зазывает людей. Они начинают и не кончают, идут лента за лентой: поезда идут, скачут ковбои. Иногда люди смеются. Потом оказывается, что такой нелюбящий сказать не запечатленное слово, как Ленин, сказал, что главное искусство для нас сейчас кино. Вот для нас главное искусство кино среди других искусств и зданий, которые не имели прежних названий. Это огромные домны. Мы их строили. Я помню, что рядом ходили люди из степи, женщины с длинными косами, и на конце косы — ключ, ключ от ее сундука: она живет в общечитии. А они работают на стройке и работают на печах, где создают кокс, где горячо ходить. Ходят в валенках, люди из прошлого столетия, и хорошо работают, и переучиваются. И мы каждый год, ну, скажем точнее, каждые пять лет переучиваемся и оказываемся в другой стране /нрзб./ не всегда хватает.

Я товарища... Волкова-Ланнита хорошо знаю, знаю его и видел, по-моему, у Маяковского. Он говорил о кино и говорил так, как раньше говорили, ну, о топоре или о телеге. Ему было трудно, он жил, как бы не имея мандата на широкую задачу. А задача изменяется. Вот я, современник Маяковского, кажется, я человек того же возраста. Помню его с 1914 года, а может, с 1913-го. Прекрасный, красивый

человек, который говорил про другое искусство. Он говорил: «“О-го-го” могу громко сказать, и охоты поэта сокол, плавно сойдет на низы»³⁹². Человеческий голос стал орудием разговора, орудием соединения людей в группы, которые знают, куда они пойдут, для чего они идут. Это был не только новый поэт. Это был поэт, создающий не вещи отдельные, а потоки металла. Он говорил, что улице нечем разговаривать. Он изменил стих, он оторвал стих от набора. Стих нуждается в наборе, но он должен звучать. Пушкинский стих был стихом голоса, и его можно сейчас прочесть, и голос Пушкина, его манера говорить, его манера думать, соединять вещи, родится заново. Но трудно человеку, который приходит на новое поле, трудно, потому что так сперва говорят: «Это невозможно», потом говорят: «Ну, это неинтересно», потом говорят: «Мы это уже раньше знали». И человек, большой человек, редко получает при жизни полное признание. Один из великих марксистов — я сейчас говорю /нрзб./, найдете это — говорил, что богатели не те люди, которые покупали изобретения, и, конечно, не изобретатели. Богатели те люди, которые покупали пробные, выброшенные, кажущиеся ненужными, даром потраченные создания. Паровоз, самый обычный паровоз, про который говорили, что он невозможен, перед ним нужно послать человека, который предупреждал бы, что идет страшная машина, оказывается, что он пошел, и он уже не паровоз, он уже дизель, а она бежит, без него нельзя, и мир изменяется, и этот изменяющийся мир мы не сразу оцениваем.

Владимир Владимирович казался идеалом человека. Я такого товарища, и другие мои современники, не видели: бескорыстный, верящий в людей, умеющий с ними работать. У него люди, которых он знал, были перед ним равны.

392 У Маяковского:

«О-ГО-ГО» могу —
и — охоты поэта сокол —
голос
мягко сойдет на низы

(Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1955. Т.1. С. 248).

Они сравнивались по степени своей необходимости для изменения всей жизни. Ну, конечно, этот человек, Володя, Владимир Владимирович, мы сейчас видим его статуи, он стоит на улице Горького. Когда-то он говорил: «Мне просто наплевать на бронзы многопудье...»³⁹³ Ему не нужно было. Но книги изданы, и книги изданы про него — они нужны. И надо узнать, кто такой человек, что это за человек, которого каждый день мы видим, как видим электрическое освещение, как видим автомобиль. Кто этот человек и как он выглядел? И мы... Ну, я сейчас скажу несколько грустных слов. Одна очень маленькая поэтесса, которая при мне стала писать, когда начали говорить про великого Маяковского, сказала: «Да что такое Маяковский? Маяковский — это поэт среди поэтов!» Это то же самое, что сказать, что Москва — город среди городов. Она большой город, с другими потребностями, с другой поэзией.

И вот книга Волкова-Ланнита, она... (*листает*) в ней триста страниц, почти все заняты фотографиями. Это не одна фотография. Конечно, приятно автору увидеть свою хорошую фотографию перед книгой, которой... увидеть, побыть с автором рядом. Вот эта книга, придуманная, открытая Волковым-Ланнитом, который любил в это время граммофоны и защищал... он защищал новую технику, а теперь он из обыкновенных фотографий создал книгу о человеке. Человек маленький, молодой, его мать, дом, в котором он родился, его молодость. Он растет и, увы, он стареет на ваших глазах. Он даже устает. Вы живете вместе с этим автором, который перед вами перелистывает. Вы забываете, что это фотографии. Это важно. Вас пустили в комнату, в которой еще живет Маяковский. И когда автор говорит о судьбе фотографий, о труде Маяковского... Он работает непрерывно, он ездил в самые глухие части нашей страны, не потому что ему было тесно, потому что он был нужен всюду. Он говорил, что я теперь знаю, сколько километров занимает бритье и сколько километров проходит поезд, пока человек выпивает стакан чая. Он... Под

393 В цитате слово «просто» лишнее.

ним ехала земля. Причем он ехал не на праздник, он отыскивал города, такие как Элиста, построенные только что среди пустыни. Он как бы вводил в это новое трудовое гнездо понимание широкого читателя. Эта книга, этот рассказ про то, как снимались фотографии...

Я старый человек, который помнит жизнь Маяковского, был на последней выставке его. Люди не умеют ценить соседей. Не все мы умеем ценить своих спутников по вагону метро, а это самые близкие люди, люди, близкие нам по судьбе. И вот, когда была выставка Маяковского, подводящая итог его работе /нрзб./, очень мало профессиональных писателей пришло. Одни говорят, что «я тоже писатель, я завтра приду, я тоже...» Мы все равны. Но это не значит, что мы должны похлопывать друг друга по плечу. Мы должны знать свою цену, мерить не на себя, а на то, что создается, на то, что изменяется. И вот мне нужно было прорецензировать эту книгу, а я ее не прочитал, я ее пережил, я ее пережил — страница за страницей. Видал людей. Мы не можем советовать гению, как он должен жить, и не имеем право пересматривать любовь Маяковского, говорить Пушкину, что он мог любить другую женщину — не Натали Гончарову, хотя мы знаем из писем Пушкина, что эта женщина была неглупа, потому что это были письма к умной женщине. И нужно принять жизнь человека, потому что он сам был очень строг к себе, ему действительно не возили на дом редкую мебель. Он одевался хорошо, строго одевался, но очень много работал. И вот учиться не только читать Маяковского, но и его перечитывать, узнать, каким голосом нужно говорить друг с другом, как нужно любить товарищей... Лучше переоценить человека, чем недооценить, потому что мы все ведем огромный свой банковский счет среди мира, который не целиком нас признал. Мы должны верить друг другу, верить голосу и радоваться, когда этот голос становится реальным и голосом сегодняшнего дня.

Маяковский, который ходил ночью по улицам, и на него как будто скалились дома, потому что за ним был хвост, за ним следили. (*Провал в записи.*) Мать у него... она была по молодому делу эсеркой, сделала побег из какой-

то тюрьмы, но к ней прийти было нельзя, потому что она была другой партии, а хвосты не надо было смешивать. И великий писатель, любимый всеми, не имел места отдыха. Он... И этот голос, который так сходит на людей, как в «Слове о полку Игореве» пальцы певца (а тогда пели стихи), как пальцы певца сходят на струны цитры, так, как сокол сходит на журавля, вот это искусство всегда торжественно, потому что оно требует от человека шага вперед или хотя бы оглянуться. Нужно любить друг друга, нужно любить своего товарища даже в очереди и даже, когда он тебя толкает. Толкаться не надо, но любить друг друга надо. И вот Маяковский, с глубоким, ранним, долгим знанием дела революции, с его строгостью к себе, он очень мало на себя тратил. Он вел счет, сколько ему надо тратить на себя. И потом нужно что? Нужна улыбка человека, который тебя нашел. Я помню, когда я, почти мальчик, пришел к одному старому человеку, ученику Павлова, врачу знаменитому. Он посмотрел на меня и сказал простые вещи, сказал: «Знаете что, у меня к вам просьба. Вы будете работать, вы мне обещайте не ходить в кухмистерские. Ешьте зелень, ешьте сыр, не курите». Я говорю: «У меня денег нет». Он мне говорит: «Я вам дам денег. Я предупреждаю: они будут у вас. А покамест можете у меня взять». Его фамилия была Кульбин, Николай Кульбин. Это было. Теперь не нужна такая формула: у нас огромная организация, у нас и по всей стране... Вот это чувство товарищества, чувство ответственности за товарища, любовь к прошлому, потому что прошлое тебя родило.

Маяковский умирает во многих вещах, он воскресает, он возвращается в свою родимую страну, он видит и говорит: «Был этот блеск, и это тогда называлось Невою». Он не хочет никакой родины, кроме своей, которую он любит в ее изменении. А мы все, когда спрашивают: «А кто виноват в смерти Маяковского? Кто виноват?» Вот я был другом, он мне помогал, я написал про него маленькую книжку. А я должен был бы написать про него, шаг за шагом следя, что он сделал, чтобы легче было другим, и говорить, что он один, один среди нас. Нет, он один впереди нас! И на-

до знать, куда же он шел и как он идет и какие шаги эти, для чего эти рифмы, для чего этот мыслящий стих. Ну, вот, я, вероятно, занял вас, место, которое мы занимаем (?), я благодарен уже немолодому, очень трудолюбивому, знающему человеку Волкову-Ланниту, что он собрал и объяснил, собрал, как цветы собирают, собрал фотографии и приблизил нас к пониманию Маяковского.

Автор комментариев — В. Радзишевский.

Фрагменты комментария, неподтвержденные источниками, следует рассматривать как мнение автора комментария.

Содержание

Ян Левченко

Рыба-ихтиолог. Краткий курс Шкловского.....6

Виктор Дувакин

Беседы с Шкловским.

Воспоминания о Маяковском

Первая беседа..... 16

Вторая беседа..... 88

Владимир Радзишевский

Третья беседа.....172

common place

издательская инициатива/волонтерский DIY-проект

Наши книги всегда можно купить в независимых магазинах «Фаланстер», «Смена», «Все свободны», «Кирпич», «Факел», «Князь Мышкин», «Бакен», «Пиотровский», а также заказать с доставкой на сайте **common.place**

Виктор Дувакин, Владимир Радзишевский

Беседы с Виктором Шкловским. Воспоминания о Маяковском

Выпускающий редактор — *Мария Глушкова*

Макет — *Юлия Кондратьева*

Оформление серии — *Елизавета Дедова*

Подготовка текста — *Марина Радзишевская, Сергей Петров*

Реставрация фонограмм — *Екатерина Решетникова*

Комментарии текста — *Владимир Радзишевский*

Координатор проекта — *Сергей Сдобнов*

Руководитель Фонда «Устная история» — *Дмитрий Споров*

Хранитель использованных фонограмм — Научная библиотека МГУ имени М.В. Ломоносова

Подписано в печать 02.08.2017

Формат 130х200

Тираж 500 экз.

Заказ № 161

Издательская инициатива «common place»

commonplace1959@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские технологии»

109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5

Тел.: +7 (495) 221-89-80